

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Котомцева Евгения Александровна

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ ПЕЙОРАТИВОВ
(на материале русского и английского языков)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Шляхова Светлана Сергеевна

Пермь 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Основы теории звуко­симво­лизма	
1. Исследование звуко­симво­лизма: история и теория	
1.1. Проблемы терминологии	21
1.2. Понятие звуко­симво­лизма	24
1.3. Основные теории звуко­симво­лизма	28
1.4. Исследование звуко­симво­лизма в зарубежной лингвистике	34
1.5. Исследование звуко­симво­лизма в отечественной лингвистике	48
1.6. Современные теории звуко­симво­лизма	56
2. Исследование звуко­симво­лизма пейоративности	
2.1. Пейоратив как звуко­симво­лическое слово	58
2.2. Исследование звуко­симво­лизма пейоративности в отечественной лингвистике	59
2.3. Исследование звуко­симво­лизма пейоративности в зарубежной лингвистике	63
2.4. Основные фоносемантические способы репрезентации пейоративности в различных языках	66
Выводы по главе	68
ГЛАВА II. Звуко­симво­лизм пейоративов в русском и английском языках	
1. Понятие пейоративности	70
2. Интенсивность и градуальность в семантике.....	78
3. Материал исследования	81

4. Методика исследования	83
5. Звукосимволизм пейоративов в русском языке	
5.1. Русские графоны в символизации пейоративности.....	86
5.2. Фонетические признаки в символизации пейоративности ..	91
5.3. Фонотипы в символизации пейоративности.....	95
6. Звукосимволизм пейоративов в английском языке	
6.1. Английские графоны в символизации пейоративности.....	101
6.2. Фонетические признаки в символизации пейоративности ..	105
6.3. Фонотипы в символизации пейоративности.....	109
7. Изоморфизм и алломорфизм в звукосимволизме пейоративов	115
8. Интерпретация результатов	122
9. Фонотип и мотивотип	125
Выводы по главе	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	137
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ	160
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение А. Словник русских пейоративов	164
Приложение Б. Словник английских пейоративов	176

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию звукосимволизма пейоративности и лежит в русле фоносемантических исследований. Под звукосимволизмом в фоносемантике обычно подразумевают наличие произвольной связи между означаемым и означающим языкового знака. Различают звукосимволизм субъективный (связь между звуком и индивидуальным смыслом в психике человека) и объективный (связь между звуком и значением в языке) [Воронин, 2006]. Содержание этих связей в языке и в сознании испытуемого не всегда идентичны. На доязыковом уровне звукосимволизм детерминирован «природными» факторами, на языковом – взаимодействием первых и факторов ассоциативного и «культурного» порядков [Левицкий, 1998].

Степень изученности проблемы. Связь между означаемым и означающим в языке привлекала внимание исследователей на протяжении нескольких десятков веков, начиная с античности. Среди них Платон, Ж. Ж. Руссо, В. Вундт, Д. Вестерман, Ш. Балли, Э. Бенвенист, Ж. Вандриес, В. Пизани, О. Есперсен, В. фон Гумбольдт, Г. В. Лейбниц, М. В. Ломоносов, Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Ш. де Бросс, А. К. Жебелен, Ш. Нодье, М. Грамон, Э. Сепир, Л. Блумфилд, А. А. Потебня, С. Ньюэн, Д. Болинджер, R. Allot, R. Brown, John J. Ohala, L. Hinton, В. В. Левицкий, А. П. Журавлёв, С. В. Воронин, А. М. Газов-Гинзберг, M. Magnus, Å. Abelin и мн. др.

В настоящее время проблемами звукосимволизма занимаются И. А. Ваулина, Н. В. Дрожащих, Ж. Колева-Златева, А. Б. Михалёв, Л. П. Прокофьева, Т. А. Пруцких, Т. М. Рогожникова, Е. В. Сундуева, М. А. Флакман, С. С. Шляхова, Å. Abelin, J. Adelman, N. Johansson, S. Madureira, A. Nielsen, V. Ramachandran, D. Sidhu, P. Rexman, M. Imai, S. Kita и мн. др.

Сторонники античной теории тесей («по соглашению») считали, что обозначение объектов человеком носит договорной характер, тем самым поддерживая идею произвольности знака. Сторонники теории фюсей («по природе») говорили о мотивированности знака, обнаруживая связь между означаемым и означающим в языке. «Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языкознание сопротивлялось подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, т.к. усматривало в них дилетантство» [Воронин, 1990, с. 98].

После того, как «теория фонетического символизма ... получила неопровержимые доказательства со стороны экспериментальной психологии и типологического языкознания, а также в специальных исследованиях мотивированности языкового знака» [Воронин, 2006, с. 3], стало возможным выделение новой самостоятельной научной лингвистической дисциплины, которая изучает связи звука (плана выражения, означаемого) и значения (плана содержания, означающего) – фоносемантики.

Предметом фоносемантики является звукоизобразительная система языка, которая включает две подсистемы: звукоподражательную и звукосимволическую. В отличие от звукоподражательных слов, в которых связь звука и значения более или менее очевидна, в звукосимволических словах связь между звучанием и значением выявить и описать сложно, поэтому они до сих пор остаются малоизученными и представляют большой научный интерес для исследования.

Фундаментальные методологические проблемы фоносемантики в области звукосимволизма решаются в [Газов-Гинзберг, 1965, 1971; Журавлёв, 1974, 1991; Воронин, 1990, 2004, 2006; Левицкий, 1998, Михалёв, 1995; Allot, 1995; Brown, 1968; Hinton, 1994; Sidhu & Pexman, 2017; Wescott, 1971 и др.].

Звукосимволической подсистеме звукоизобразительной системы отдельных языков посвящены исследования [Атаджанян, 2014; Братчикова,

2012; Ваулина, 2015, 2016, 2017, 2019; Колева-Златева, 2008, 2008a, 2008b; Кривошеева, 2019; Кузьмич, 1993; Левицкий, 2009; Прокофьева, 2007, 2009; Пруцких, 2005, 2020; Рогожникова, 2012; Румак, 2017; Сундуева, 2011; Сомова, 1991; Ташкинова, 2022; Флакман, 2015, 2015a; Шляхова, 2012a, 2015a, 2015b, 2016; Шестакова, 2013; Abelin, 1999; Carling, 2016; Magnus, 2001 и др.].

Существенный вклад в изучение проблем синестезии и синестемии, лежащих в основе звуко-символизма, внесли [Воронин, 2004, 2006; Левицкий, 2009; Прокофьева, 2009; Ярошенко, 2023; Ramachandran & Hubbard, 2001, 2003; Jürgens & Nikolić, 2014 и др.]. Изучалась графемно-цветовая ассоциативность и разрабатывалось программное обеспечение для звуко-символического анализа слова и текста [Журавлёв, 1991; Прокофьева, 2007, 2009; Рогожникова, 2012 и др.]. Определённое влияние на решение проблем звуко-символизма оказали исследования, связанные с лексикографической фиксацией звуко-символических слов [Ваулина, 2020, 2020a; Флакман, 2016; Шестакова, 2013; Шляхова, 2011 и др.]. Прагматике звуко-символизма в маркетинге, нейминге, рекламе и брендинге посвящены работы [Abelin, 2015; Schloss, 1981; Smith, 1998; Vanden Bergh, 1987, 1990; Johnson, 1964 и др.].

Однако в трудах этих учёных не ставятся вопросы, связанные с фоносемантическим анализом пейоративов как группы слов, имеющих совокупность определённых признаков, которые позволяют рассматривать их как часть звуко-символической подсистемы звукоизобразительной системы языка. Важность обращения к пейоративам в связи с изучением звуко-символизма вызвана тем, что они являются ярким проявлением фоносемантической «много-многозначности связи между звуком и значением в слове» и соответствуют критериям звуко-символического слова, выделенных С.В. Ворониным [Воронин, 2006, с. 94].

Само понятие пейоративности не имеет единой трактовки и остаётся мало изученной категорией. В отечественной лингвистике изучением

пейоративности (в том числе и негативно-оценочной лексики в целом) в той или иной мере занимались такие учёные, как Б. А. Успенский, Ю. И. Левин, В. Д. Девкин, В. И. Карасик, В. И. Шаховский, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Н.А. Лукьянова, С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель, С. В. Лескина, В. И. Жельвис, И. В. Турецкова, А. В. Ковалевская и мн. др. Среди зарубежных учёных можно выделить работы К. Allan, L. Anderson, E. Lepore, R. Jeshion, K. Stapleton, S. Lev-Ari, R. McKay, R. Hay, L. P. Dinu, F. Panzeri, M. P. Tenchini и мн. др.

Нам не известны специальные системные исследования, посвящённые звукосимволизму пейоративов. У отдельных авторов есть лишь единичные упоминания связи лабиальности, назализации и глоттализации с пейоративностью [Воронин, 2006; Пруцких, 2005; Пруцких, 2008а; Шляхова, 2012а; Шляхова, 2013; Шляхова, 2014; Шляхова, 2016; Пруцких, 2020], а также связи велярных и взрывных согласных с выражением негативно-оценочного значения [Yardy, 2010; Madureira, 2010; Nielsen, 2011; Шляхова, 2012а; Nielsen, 2013; Willingham, 2022; Lev-Ari, 2022; Mandelbaum, 2024].

Сорок пять лет назад R. Jakobson и L. Wugh писали: «мы стоим перед необходимостью разработки двух актуальных и важных проблем – проблемы звукосимволической типологии языков и проблемы звукосимволических универсалий» [Jakobson & Waugh, 1979, с. 187]. Сегодня необходимость разработки этих проблем не только не утратила своей актуальности, но и получила новое развитие в увеличении числа языков сопоставления за счёт использования Big Data (например, проекты Automated Similarity Judgment Program (ASJP), CLLD-Concepticon и т.п.).

Настоящее исследование даёт новый материал в области звукосимволической типологии языков и для решения проблем относительных звукосимволических универсалий в русских и английских пейоративах.

Исследование звукосимволизма пейоративов позволяет получить новые аргументы в пользу теории иконической природы языкового знака и его мотивированности.

Актуальность исследования обусловлена также лингвопрагматическим потенциалом звукосимволизма пейоративов в сфере нейминга, рекламы, брендинга, маркетинга, политических коммуникаций и пр., который активно представлен в зарубежном научном дискурсе [Abelin, 2015; Schloss, 1981; Smith, 1998; Vanden Bergh, 1987, 1990; Johnson, 1964 и др.], но находится на периферии исследований в отечественной фоносемантике.

Полученные данные позволяют выявить отдельные аспекты механизмов манипулирования и суггестивного влияния: разрабатывать тексты, которые могут оказывать эффективное воздействие на человека с целью изменить его мышление и / или поведение, а также идентифицировать тексты, которые могут привести к их негативному воздействию и восприятию.

Вышеперечисленные положения показывают недостаточность изученности фоносемантических способов репрезентации пейоративного значения, а также значимость исследования пейоративов для выявления сущности и принципов механизмов звукосимволизма в языке.

Особую актуальность исследование пейоративности приобретает в контексте валеологии и эмотивной лингвоэкологии, которые оперируют такими терминами, как *язык вражды и ненависти, лингвицид, лингвотоксикология, лингвонекроз* и т.п. [Шаховский, 2016; Пищальникова, 2022].

Всё вышесказанное определяет **актуальность** настоящего **исследования**.

Объектом исследования является звукосимволическая подсистема звукоизобразительной системы русского и английского языков.

Предметом исследования являются фоносемантические способы репрезентации пейоративного значения.

Цель диссертационного исследования – установление системы фоносемантических способов репрезентации пейоративности на уровне фонотипа на материале русского и английского языков.

Поставленная цель достигается путём решения **следующих задач**:

1. Изучить и систематизировать теоретические основы феномена звуко-символизма в российской и зарубежной лингвистике.

2. Сформулировать критерии отбора материала пейоративов из лексикографических источников и разработать методику исследования звуко-символизма пейоративности.

3. Определить частотность русских и английских графонов в пейоративах и сопоставить её со средней частотностью в каждом из языков.

4. Выявить фоносемантические способы репрезентации пейоративности в русском и английском языках на уровне фонетического признака и фонотипа в области вокализма и консонантизма.

5. Установить достоверность и значимость увеличения частоты использования графонов, фонетических признаков и фонотипов в пейоративах относительно нормы на основании критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера) с выделением зон значимости, неопределённости и незначимости.

6. Сформировать шкалу градуальности проявления степени интенсивности звуко-символической значимости графонов, фонетических признаков и фонотипов, отражающей их потенциал для репрезентации пейоративности, на основании критерия $\phi^*_{эмп}$ в зоне значимости.

7. Определить изоморфизм и алломорфизм в фоносемантических способах репрезентации пейоративности в русском и английском языках на уровне фонотипа.

8. Сопоставить полученные результаты с известными фундаментальными позициями и экспериментальными данными авторитетных источников в области звуко-символизма.

9. Установить относительные универсалии в символизации пейоративности для русского и английского языков.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов по теории

- *фоносемантики, звукосимволизма, лингвистического иконизма* [Газов-Гинзберг, 1965; Brown, 1968; Газов-Гинзберг, 1971; Wescott, 1971; Журавлёв, 1974; Воронин, 1990; Сомова, 1991; Журавлёв, 1991; Кузьмич, 1993; Hinton, 1994; Михалёв, 1995; Allot, 1995; Левицкий, 1998; Abelin, 1999; Magnus, 2001; Ramachandran & Hubbard, 2001; Grossenbacher & Lovelace, 2001; Шляхова, 2003; Ramachandran & Hubbard, 2003; Воронин, 2004; Павловская, 2004; Бродович, 2005; Шляхова, 2005; Воронин, 2006; Прокофьева, 2007; Imai et al., 2008; Михалёв, 2008; Колева-Златева, 2008; Колева-Златева, 2008а; Колева-Златева, 2008b; Пруцких, 2008; Левицкий, 2009; Прокофьева, 2009; Jakobson & Waugh, 1979; Madureira & Camargo, 2010; Ahlner & Zlatev, 2010; Михалёв, 2010; Сундуева, 2011; Братчикова, 2012; Collins & Mees, 2013; Шестакова, 2013; Атаджанян, 2014; Imai & Kita, 2014; Jürgens & Nikolić, 2014; Шляхова, 2015; Шляхова, 2015а; Шляхова, 2015b; Флакман, 2015; Флакман, 2015а; Carling, 2016; Ваулина, 2015; Ваулина, 2016; Бродович, 2016; Рогожникова, 2016; Ваулина, 2017; Sidhu & Pexman, 2017; Кривошеева, 2019; Madureira et al., 2019; Sidhu, 2019; Johansson, 2020; Johansson, 2020а; Ирисханова, 2021; Ташкинова, 2022; Шляхова, 2023; Mandelbaum, 2024 и др.];

- *семантики* [Телия, 1981; Лукьянова, 1986; Арутюнова, 1988; Арутюнова, 1999; Кобозева, 2000; Пищальникова, 2023; Пищальникова, 2023а; и др.];

- *обценной, табуированной лексики* [Мокиенко, 1994; Успенский, 1994; Буй, 1995; Жельвис, 1997; Левин, 1998; Михайлин, 2005; Плутцер-Сарно, 2005; Жельвис, 2008; Жельвис, 2011; Жельвис, 2015; Сундуева, 2016; Палладес, 2022; Stapleton, 2022 и др.];

- *пейоративности, экспрессивности, эмоционально-оценочной лексики, семантики оценки* [Девкин, 1976; Вольф, 1985; Лукьянова, 1986; Телия, 1986; Арутюнова, 1988; Карасик, 1991; Арутюнова, 1999; Михайлин, 2005; Коваленко, 2006; Ковалевская, 2007; Ковалевская, 2007а; Ковалевская, 2008; Шаховский, 2008; Лескина, 2010; Лескина, 2010а; Турецкова, 2011; Anderson, 2011; Шаховский, 2012; Гладилин, 2013; Anderson, 2013; Jeshion, 2013; Allan, 2015; Бобе и др., 2016; Рогожникова, 2016; Bolinger, 2017; Jeshion, 2017; Jeshion, 2017а; Афлитонова, 2018; Finkelstein, 2018; Бобе, 2018; Карасик, 2019; Сюткина, 2020; Рогожникова, 2020; Турецкова, 2021; Jeshion, 2021; Пищальникова, 2022; Гладилин, 2022; Гладилин, 2022а; Jouitteau, 2023; и др.];

- *интенсивности и градуальности в семантике* [Балли, 1961; Сепир, 1985; Воротников, 1987; Федяева, 2003; Егорова, 2009; Самсонова, 2013; Савичева, 2016; Долгих, 2016; Ершова, 2017; Долгих, 2020 и др.].

- *экспрессивности, эмоциональности, оценочности, пейоративности в сфере звукоизобразительности* [Кузьмич, 1993; Пруцких, 2005; Воронин, 2006; Левицкий, 2009; Пруцких, 2008а; Ваулина, 2015; Ваулина, 2016; Ваулина, 2017; Ваулина, 2019; Madureira et al., 2019; Ваулина, 2020; Пруцких, 2020; Ваулина, 2022 и др.];

- *по истории фоносемантики* [Воронин, 1990; Magnus, 2001; Шляхова, 2003; Михалёв, 2009; Михалёв, 2010; Михалёв, 2012; Шляхова, 2012; Шляхова, 2015; Рогожина, 2014; Шляхова, 2023а и др.].

Методы исследования, применяемые в работе:

1) *общенаучные методы и методики*: сравнение, обобщение, анализ, синтез, статистические методы (метод φ^* – угловое преобразование Фишера);

2) *специальные методы и методики*: сбора материала – сплошная выборка, лексико-семантический и семный анализ; интерпретации материала – фонотипное моделирование; метод фоносемантического поля; акустико-артикуляционный, графемный, фонотипный анализ.

Для интерпретации и обработки материала также использовались *информационные технологии*: технологии текстовой обработки и работы с базами данных, графические редакторы, прикладные программы для автоматизированной обработки информации, онлайн-калькуляторы и т.п.

Эмпирической базой исследования послужили 2134 русских и 1596 английских пейоративов, полученных из лексикографических источников в результате сплошной выборки. Всего проанализировано 3 730 пейоративных единиц. Репрезентативность выборок обеспечивается абсолютными и относительными статистическими данными.

Одна из единиц анализа в работе – графон: общее количество употреблений русских графонов – 15 116; английских – 10 796. Под термином *графон* в фоносемантике понимается единица, которая совмещает в себе признаки графемы, фонемы и звука одновременно (в контексте кросс-модальных соответствий, ассоциаций, механизмов синестезии, синестемии и перцептивной полимодальности).

Таким образом, общий массив исследования составил 25 912 употреблений графонов в составе пейоративов, на основании которых выявлялись звуко-символические функции фонотипов в пейоративах¹.

Положения, выносимые на защиту:

1. Существует регулярная связь между фонетическими признаками и семантикой пейоративности в русском и английском языках: в области консонантизма – *лабиальность, гуттуральность (велярность)*,

¹ Графически единицы анализа в тексте диссертации выделяются следующим образом: *звук* обозначается квадратными скобками – [a:], *фонема* – слешем /п/; *графон* – заглавными буквами; неуточнённая в существующих исследованиях единица обозначается строчной графемой.

Фонотип обозначается символами, которые приняты в фоносемантике: CONS – согласный; VOC – гласный; FRIC – фрикативный; R – вибрант; PLOS – взрывной; LAB – лабиальный; LAT – латеральный; NAS – назальный; SON – сонорный; SIB – сибилант (свистящий); GUTT – гуттуральный; AFFR – аффриката; ^v – знак звонкости согласного; [^] – знак глухости согласного [Воронин, 2006]; SIB^{HISS} – сибилант (шипящий).

фрикативность, взрывность, глухость, сонорность; в области вокализма – *лабиализованность*; нерегулярная – *звонкость и назализация*.

2. Звукосимволическая объективация семантики пейоративности в двух языках связана с категориями интенсивности и градуальности как степени выраженности фоносемантической значимости: (1) наиболее сильные связи с семантикой пейоративности устанавливаются на уровне LAB, PLOS, FRIC, GUTT фонотипов; (2) не показывают сильной связи – SON и R.

3. Максимальный звукосимволический потенциал пейоративности лежит в области консонантизма. В области вокализма не удалось обнаружить устойчивой фоносемантической связи фонотипа с семантикой пейоративности; исключение – VOC^{LAB} (русск. У и англ. U).

4. Фоносемантической репрезентацией пейоративности в области консонантизма являются следующие фонотипы:

1) *русский язык*: $SIB^{HISS^{\wedge}}$ (ш, щ); $GUTT^{\wedge}$ (х, к); $FRIC$ (ш, ф, х, щ, з); LAB (у, ф, б); $PLOS$ (б, к); $CONS^{\wedge}$ (ш, ф, х, к, щ); SON^{LAT} (л); R (р). Наиболее сильные связи со значением пейоративности у *лабиальных, фрикативных, шипящих, гуттуральных, взрывных и глухих*;

2) *английский язык*: $AFFR$ (ж), $FRIC^{SIB^v}$ (з); LAB (у, в, р, м, қ); $PLOS$ (к, в, р, г, с, қ); $GUTT$ (к, г, с, қ); SON (м, л). Наиболее сильные связи – у *взрывных, лабиальных, гуттуральных, аффрикативных и фрикативных*.

5. Относительной универсалией в символизации пейоративности для русского и английского языков являются следующие фонотипы: LAB (рус. у, ф, б – англ. U, в, р, м, қ); $PLOS$ (рус. б, к – англ. к, в, р, г, с, қ); $FRIC$ (рус. ш, ф, х, щ, з – англ. з); $GUTT$ (рус. х, к – англ. к, г, с, қ); SON (рус. л, р – англ. л, м).

6. Изоморфизм в звукосимволизме пейоративов преобладает над алломорфизмом, что позволяет рассматривать пейоративы как часть звукосимволической подсистемы звукоизобразительной системы языка.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что (1) впервые проведено специальное исследование звукосимволизма пейоративов на материале двух языков, в ходе которого (2) предложена оригинальная методика исследования звукосимволизма пейоративов; (3) выявлены устойчивые связи между звучанием и значением слова в пейоративах, описаны фоносемантические способы репрезентации пейоративности на уровне фонотипа; (4) выявлены изоморфизм и алломорфизм в фоносемантических способах репрезентации пейоративности в русском и английском языках на уровне фонотипа; (5) получены новые данные по относительным универсалиям в области лингвистического иконизма на новом материале.

Теоретическая значимость исследования заключается в системном описании группы звукосимволических слов (пейоративов), которое вносит вклад в описание звукосимволической подсистемы звукоизобразительной системы русского и английского языков, а также в системном описании фоносемантических способов репрезентации пейоративности в двух языках на уровне фонотипа. Выводы и результаты исследования позволяют получить дополнительные аргументы в пользу решения проблем лингвистического иконизма, иконической теории происхождения языка и иконичности языковой формы, отношения и характера связи между означающим (план выражения) и означаемым (план содержания), мотивированности языкового знака и др.

Предполагаемая практическая ценность исследования обусловлена возможностью применения полученных данных (1) в дальнейших фоносемантических, семасиологических, типологических, лексическо-семантических, лексикографических, этимологических, лингвопрагматических, переводоведческих исследованиях; (2) в вузовских курсах «Введение в языкознание» (фонетика и фонология, происхождение языка, семасиология), «Общее языкознание» (язык как знаковая система, лингвистические универсалии, лексические системы языка), «Лексикология» английского и

русского языков, в спецкурсах по фоносемантике; (3) в типологических исследованиях для изучения структурных и функциональных свойств звукосимволизма, фонетики, фонологии, семантики и пр. различных языков; (4) в лексикографии (в приложениях представлены словники пейоративов русского и английского языков); (5) в практике переводов на английский язык негативно-оценочной лексики; (6) в сфере маркетинга, нейминга, рекламы, брендинга, политических коммуникаций и пр.; (7) предложенная оригинальная методика позволит проводить исследование звукосимволизма пейоративов на материале других разноструктурных языков.

Достоверность и обоснованность полученных результатов и выводов обусловлены (1) методологией исследования, которая базируется на доказанных позициях теоретической фоносемантики; (2) применением системы методов и методик, адекватных предмету исследования и апробированных в исследованиях звукосимволизма; (3) системным анализом изучаемых процессов и явлений в сфере пейоративов; (4) непротиворечивостью выводов и оценок полученных результатов; (5) согласованностью полученных данных с известными фундаментальными позициями и экспериментальными данными авторитетных источников в области звукосимволизма; (6) репрезентативностью полученных результатов, обусловленных обширным объёмом верифицируемых и проверяемых проанализированных данных (25 912 употреблений графонов в составе пейоративов), (7) проведённой статистической обработкой результатов, а также (8) публикацией результатов проведённого исследования в рецензируемых научных изданиях и обсуждение итогов исследования на тематических научных конференциях.

Ограничения исследования, необходимые для конкретизации предмета, материала, выборки, единиц и методов исследования:

1) *Материал исследования*. Под пейоративами в диссертации понимаются слова, которые имеют негативно-оценочную коннотацию и предназначены для

унижения и уничтожения объекта речи; лексические единицы с негативно-экспрессивно-эмотивно-оценочным значением (*lazybones* «лентяй», *abject* «жалкий», *jaboney* «мужлан», *jellyfish* «размазня», *jerk* «ничтожество», *jughead* «глупец», *killjoy* «брюзга», *bagpipe* «болтун», *hempseed* «мошенник», *lobster* «неуклюжий», *looby* «дурень», *lubber* «увалень», *lump* «чурбан», *tumper* «попрошайка», *mushroom* «выскочка», *poop* «олух», *klutz* «недотёпа», *lob* «тупица», *palooka* «слабак», *pizz* «пьяный», *quack* «шарлатан», *quibbler* «придира», *scabby* «подлый», *squeezable* «тряпка» и т.п.). Происхождение лексики (исконная и заимствованная) и принадлежность к определённой части речи не учитываются, т.к. эти факторы не влияют на результаты исследования. Фоносемантическому анализу на уровне графонов подвергалось не всё слово целиком, а только его основа.

В материал исследования мы не включаем бранную, обценную и т.п. лексику по причине её символической, магической, культурной и семантической «широкозначности» и зависимости от контекста.

Не включаются в материал исследования устойчивые сочетания, фразеологизмы, идиомы с негативной семантикой типа рус. *сукин сын*, *тетька тараканья*, *японский бог*, *чушь собачья*, *трухлявый пенёк*, *мать твою через коромысло*, *старый хрен*, *филькина грамота*, *унылое говно*, *чёрт побери*; англ. *addle egg*, *idiot box*, *ignoble person*, *black heart*, *bloody hell*, *what the hell*, *hard as nails*, *nogging wife*, *as deaf as a post*, *can't say boo to a goose* и т.п.

2) *Выборка*. Критериями отбора пейоративов послужили словарные пометы с семантикой *бранное*, *неодобрительное*, *презрительное*, *уничжительное*, *пренебрежительное*, *грубое* и т.п., которые указывают на негативно-оценочные коннотации в слове, и словарные дефиниции с негативной семантикой.

3) *Единицы исследования*. Фоносемантическая единица исследования – *фонотип* (тип звука речи, содержащий фонетический и / или артикуляторный

признакотип, гомоморфный с незвуковым мотивотипом [Воронин, 2004]) – формируется на стыке фонетики (фонетический признак) и семантики (пейоративность). *Фонетические признаки* (акустико-артикуляционные характеристики звука) объективируются на письме графемой, которую мы понимаем как *графон*. Единицей исследования на фонетическом уровне является только фонетический признак и фонотип; фоносемантические грамматические, синтаксические и др. способы репрезентации пейоративности в языке не являются предметом нашего исследования.

По нашим данным, *палатализованность* согласных не связана с семантикой пейоративности, поэтому в материале исследования отдельно не выделяется.

Русские графемы Ё, Я, Е, Ю, которые в начале слова или после гласной состоят из двух звуков [j + ...] не показали звукосимволической значимости, следовательно, не влияли на результаты исследования.

Английская графема С в зависимости от следующего за ней гласного или согласного может давать несколько вариантов звучания: [s], [k], [ʃ], [tʃ], [h], которые значительно отличаются друг от друга по месту и способу образования. Общей характеристикой для всех вариантов произношения является *глухость*. Однако 77,27% произношения С в пейоративах реализовано как [k], поэтому в рамках нашего исследования мы рассматривали С как *глухой, гуттуральный, взрывной*.

Английская графема G также даёт несколько вариантов произношения – [g], [dʒ], [ŋ] – в зависимости от окружающих её гласных и согласных. Общий фонетический признак для всех произношений – *звонкость*, за исключением случаев, где g «немая». В 78,98% случаев в английских пейоративах встречалось произношение [g]. В рамках нашего исследования мы рассматривали G как *звонкий, гуттуральный, взрывной*.

Графема Q в английском языке почти всегда встречается только в диграфе QU и образует фонестему /kw/, которая обладает следующими характеристиками: *глухая, лабиализованная, велярная, взрывная*, поэтому в рамках нашего исследования Q считается *лабиализованной, глухой, гуттуральной и взрывной*.

4) *Методы*. Фонотипный анализ базируется на типологии фонотипов С.В. Воронина [Воронин, 2006]. Достоверность и значимость полученных количественных данных определялась статистическими методами (критерий Фишера). Материал, не входящий в статистическую зону значимости, рассматривался как малозначимый и / или недостоверный. Статистическая значимость, которая указывает на малую вероятность случайности в обнаруженной закономерности, проверялась на уровне графона, фонетического признака и фонотипа.

Апробация исследования. Основные положения работы представлены в виде докладов на конференциях разного уровня: Всероссийская научно-практическая конференция «Перевод, реклама и PR в современной межкультурной коммуникации» (Пермь, 2016); Конференция молодых учёных (Пермь, 2017); XIII Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы языкознания» (Санкт-Петербург, 2024). Результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета. По теме исследования опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Котомцева, Е. А. Звукосимволизм пейоративов (на материале словаря В.И. Даля) / Е. А. Котомцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-2(61). – С. 116–119.

2. Котомцева, Е. А. Фоносемантические способы выражения пейоративности в междометиях (на материале русского и английского языков) / Е. А. Котомцева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблем языкознания и педагогики. – 2018. – №4. – С. 99–112. – DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.9

3. Котомцева, Е. А. Фоносемантические способы выражения пейоративности (на материале английского языка) / Е. А. Котомцева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 6/2. – С. 154–157. – DOI 10.37882/2223-2982.2023.6-2.16

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

4. Котомцева, Е. А. Сохранение лабиализации при переводе пейоративов (с русского языка на английский) / Е. А. Котомцева // Индустрия перевода. – 2016. – Т. 1. – С. 157–162. – EDN WAXYEB. (РИНЦ)

Соответствие паспорту научной специальности. Настоящее исследование соответствует паспорту научной специальности 5.9.8 *Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика* в следующих пунктах: 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка; 12. Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка: Теоретические проблемы фонетики и фонологии; 16. Типологически ориентированное описание языков.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, двух приложений.

Во *введении* обоснована актуальность и научная новизна диссертации, определены цель и задачи исследования, изложены основные понятия и теоретические положения фоносемантики, составляющие теоретическую базу работы, основные методы исследования, ограничения исследования, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Основы теории звукосимволизма» анализируется современное состояние исследований звукосимволизма в российской и зарубежной фоносемантике. Приводятся основные теории порождения звукосимволизма. Исследуется степень изученности звукосимволической пейоративности в лингвистике.

Во *второй главе* «Звукосимволизм пейоративов в русском и английском языках» рассматривается понятие пейоративности и критерии отбора пейоративных единиц. Исследуются фоносемантические способы репрезентации пейоративности в русском и английском языках на уровне фонетического признака и фонотипа. Представлен количественный и качественный анализ материала.

В *Заключении* сформулированы общие выводы и обозначены результаты работы в целом, а также намечены перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы включает 189 наименований, из них 59 – англоязычные; список словарей и источников включает 37 наименований.

Общий объём работы без приложений – 163 страницы (литература с. 137–163). Положения работы иллюстрируются 12 таблицами и 15 рисунками. Приложения включают словники пейоративов русского (2 134 единицы) и английского (1 596 единиц) языков.

ГЛАВА I. Основы теории звукосимволизма

В данной главе рассматривается понятие звукосимволизма, основные проблемы, связанные с терминологией и объёмом понятия. Анализируется современное состояние исследований звукосимволизма в российской и зарубежной фоносемантике. Приводятся основные теории порождения звукосимволизма, рассматривается вопрос о психофизиологической основе звукосимволизма. Исследуется степень изученности звукосимволизма пейоративности в современной лингвистике.

1. Исследование звукосимволизма: история и теория

1.1. Проблемы терминологии

Проблема элементов (единиц) звукоизобразительной системы весьма неоднозначна и достаточно сложна, однако связь между звуком и значением наиболее непосредственно и ощутимо проявляется на уровне признаков. По сравнению, например, с фонологической системой, где основной элемент – фонема (абстракция I степени), основной элемент звукоизобразительной системы – фонотип (абстракция II степени) [Воронин, 2006].

По мнению С.В. Воронина, термин *фонотип* существенно точнее предшествовавшего ему термина *фонемотип*. Фонема участвует в формировании иконического знака не всем своим акустико-артикуляторным единством, «а лишь конкретными дифференциальными признаками» [Братчикова, 2012]. Фонотип – тип звука речи, содержащий фонетический признакотип, гомоморфный с мотивотипом. Имеющий отношение к звукосимволизму артикуляторный фонотип – это тип звука речи, содержащий

артикуляторный признакотип, гомоморфный с незвуковым мотивотипом [Воронин, 2004].

О. И. Бродович считает, что нельзя, говорить в общем о какой-то звукоизобразительной функции фонемы; необходимо рассматривать фонему как член фонотипического класса. Говоря о звукоизобразительной функции фонемы в составе звукоизобразительного слова, надо иметь в виду не фонему как таковую в её целостности, а фонему как единицу того или иного звукоизобразительного класса фонем – фонотипа [Бродович, 2005].

Как показывают многочисленные исследования звукосимволизма, носителями символических значений могут быть три типа фонетических единиц: фонотип (*фонотип* – термин С. В. Воронина, *звукотип* – термин В. В. Левицкого), фонетический признак и фонестема [Воронин, 2006; Левицкий, 1998].

Фонестема – комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию [Householder, 1946], часто (но не обязательно) объединённых определёнными фонетическими признаками, которые, будучи противопоставленными другой фонестеме, образуют один из противочленов звукосимволической оппозиции, коррелирующей с оппозицией семантических признаков [Левицкий, 1998, с. 27–28].

Чаще всего фонестемы получают разработку с позиций объективного звукосимволизма, т.е. на основе лексико-семантических исследований. Однако в последнее время всё большую популярность приобретает психолингвистический ракурс исследования фонестем, или субъективный аспект звукосимволизма [Михалёв, 2008, с. 140–148]. По данным психолингвистики, в ментальном механизме речепроизводства фонестемы обладают тем же статусом, что и канонические морфемы [Bergen, 2004, p. 302].

Таким образом, наше исследование на фонетическом уровне языка затрагивает только фонетический признак и фонотип; фоносемантические

грамматические, синтаксические и др. способы репрезентации пейоративности в языке не являются предметом нашего исследования.

Поиски носителя фоносемантического значения показали, «что им могут быть любые речевые сигналы: акустический признак; фонема или группа фонем, объединённых общими дифференциальными артикуляторными признаками; аллофон фонемы; сочетание фонем (фонестемы); морфема определённого акустико-артикуляторного строения; слово и словосочетание; синтаксические структуры, выделяющиеся в тексте и создающие ритмический рисунок; интонемы и частотные контрасты; тексты в широком смысле» [Павловская, 2004, с. 212–213].

Проблемным вопросом является также выделение единицы анализа. В некоторых исследованиях единицей анализа является буква (графема), в других – звук или фонема. В фоносемантике принято квалифицировать единицу анализа как графон (графема+звук) или звукобуква (звук+буква) [Журавлёв, 1974; Сомова, 1991; Прокофьева, 2007; Шляхова, 2015а; Шляхова, 2015b; Ташкинова, 2022 и др.]. Отсутствие единых оснований в описании единиц анализа затрудняет фоносемантическую квалификацию и релевантные условия для сравнительного анализа результатов по различным языкам.

Кроме того, в современных условиях термин *графон* отличается многозначностью:

1) в стилистике – «преднамеренное нарушение графической формы слова или словосочетания, используемое для отражения его подлинного произношения» [Кухаренко, 2011];

2) в компьютерном сленге – компьютерная графика в широком смысле этого слова; сокращение от графика.

Признавая терминологическое «несовершенство» термина *графон*, будем всё же применять его в нашем исследовании, т.к. этот термин

1) соответствует основным свойствам термина – специальная сфера употребления (фоносемантика) и содержательная адекватность предмету исследования;

2) имеет традицию употребления в фоносемантических исследованиях.

Поскольку на сегодня нам неизвестны специальные исследования критериев по различению акустико-артикуляторного и графического параметров звукосимволического слова, целесообразнее применять уже используемые в фоносемантике термины, нежели изобретать новые.

Для единицы носителя фонетического значения и единицы анализа мы используем термин *графон*, который совмещает в себе признаки графемы, фонемы, буквы и звука в одном термине. Более подробное обоснование термина *графон* представлено в монографии Л. П. Прокофьевой [Прокофьева, 2007].

Не менее сложным и противоречивым является термин *звукосимволизм*, который также наполняется различным содержанием.

1.2. Понятие звукосимволизма

Звукосимволизм, звуковой символизм, символика звука, фонетический символизм, лингвистический иконизм, семантика звука – все эти термины несут в себе идею о существовании связи между звуком и значением.

С одной стороны, идея не новая, и интерес к ней возник задолго до возникновения современной науки. Во многих культурных традициях древности «архетипичное значение ассоциировалось с буквами алфавита и использовалось в качестве оракул» [Magnus, 2001, с.12], или прорицаний. Примером могут служить руны Викингов, древнееврейская Каббала, арабский Абджад.

Отсылки к толкованию отдельных знаков или текстов есть в древнеиндийских трактатах Упанишадах, в собрании папирусных кодексов библиотеки Наг-Хаммади, в книге Талиесина и др. [там же]. Традиция толкования иероглифов существовала и в древнем Китае. Там же появилась теория «правильности имён», утверждающая о необходимости правильного подбора имени, которое бы соответствовало обозначаемому. В древней Греции возник вопрос об отношении между словами и «вещами» [Кобозева, 2000].

С другой стороны, современные учёные, занимающиеся изучением мотивированной (непроизвольной) связи звука и смысла в языковых единицах, сталкиваются с критическим отношением академической науки к этой идее. Основной аргумент критиков основывается на взглядах Ф. де Соссюра о том, что между означающим и означаемым «нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр, 1977, с. 101].

Богатый фоносемантический опыт по выявлению звуко-смысловых соответствий, который говорит о том, что «унитарный принцип Ф. де Соссюра «языковой знак произволен» исчерпал себя как всеохватывающий основополагающий принцип» [Шляхова, 2023а, с. 7], не принимается во внимание.

Подобная «стигматизация» приводит к изолированности сторонников идей лингвистического иконизма друг от друга в России и к изолированности отечественных исследователей от их зарубежных коллег. Русскоязычные работы не учитывают достижения западных лингвистов, а зарубежные учёные не знают работ российских фоносемасиологов. Отсюда возникает «терминологический разнобой» и отсутствие возможности «соотнести идентичные исследования и полученные результаты» [Шляхова, 2015].

Следует отметить, что термин *звуко-символизм* не является исключением. Помимо того, что существует несколько аналогов понятию *звуко-символизм*,

которые используются в русскоязычном и англоязычном научном дискурсе, все они ещё и не совпадают по объёму понятия.

Рассмотрим трактовку звукосимволизма в российской фоносемантической традиции:

Лингвистическая энциклопедия даёт следующее определение: *Звукосимволизм* (звуковой символизм, фонетический символизм, символика звука) – закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом) [ЛЭС, 2002].

Автором данной формулировки в словарной статье является С.В. Воронин, основатель Петербургской фоносемантической школы. В рамках этой школы идёт строгое разделение «акустического и неакустического денотатов, представленных в языке ономотопеями и звукосимволическими словами». Такое разделение и выделение акустического и неакустического денотатов является принципиальной теоретической позицией российской традиции и, безусловно, удобно для проведения исследований [Шляхова, 2023, с. 32].

Однако «эмпирические исследования [Михалёв, 1995; Шляхова, 2005; Колева-Златева, 2008а; Шестакова, 2013; Атаджанян, 2014 и др.] показывают, что жесткое разделение этих сфер не всегда возможно, особенно в тех случаях, когда речь идёт о протосостоянии языка, характеризующегося синкретичностью протоязыковой семантики. Установлено, что различные фоносемантические кластеры (ономатопеи, звукосимволические слова, фонестемы, инициали, финали, фонотипы) формируют общее семантическое пространство» [Шляхова, 2023, с. 33–34].

«Установлено, что семантические области звукоподражательных (на уровне семантических переходов) и звукосимволических полей совпадают на 89,5%; только 10,5% ономотопей не нашли семантического соответствия в области звукосимволизма [Шестакова, 2013]. Схожая семантика вибранта и

сонантов устанавливается в монгольских языках [Сундуева, 2011] и в коми-пермяцких редупликативах [Шляхова, 2013а]» [там же, с. 33].

В работах европейских и американских лингвистов звуко-символизм зачастую определяется в самом общем виде: «Звуковой символизм – представляет собой связь между звуком и значением». Это определение можно найти в большинстве англоязычных работ [Mobbs, 2007; Zlatev, 2013; Sidhu, 2017; Sidhu, 2019].

Такая широкая трактовка английского термина (а также отсутствие взаимодействия между фоносемасиологами разных стран, отсутствие обмена международным научно-исследовательским опытом) и привела к тому, что *звуковой символизм (sound symbolism)* соотносится с русским термином *фоносемантика (phonosemantics)* и включает в себя и оноματοпею, и звуко-символизм. О проблемах терминологии пишут не только отечественные (С. С. Шляхова, Л. П. Прокофьева, В. В. Левицкий, А. Б. Михалёв и др.), но и зарубежные (М. Magnus, Ж. Колева-Златева, R. Allot и др.) лингвисты.

В своей монографии М. Magnus пишет, что фоносемантика – это наука, которая во Франции известна как *мимологика (mitologique)*, большинству англоговорящих исследователей как *звуковой символизм* или *фонетический символизм (phonetic symbolism)*. R. W. Wescott использует термин *фоносемика (phonosemics)*. Синтаксисты говорят *лингвистический иконизм (linguistic iconism)*, а в африканской традиции просто используют слово *идеофоны*, никак не называя науку, в рамках которой они их изучают. М. Magnus использует термин С. В. Воронина *фоносемантика*, которую рассматривает как раздел лингвистического иконизма [Magnus, 2001].

У R. Allot читаем, что термин *звуковой символизм* его тоже не устраивает. Тем не менее, он вынужденно соглашается с его использованием потому, что к данному термину уже привыкли в научном сообществе и в принципе все понимают, о чём идёт речь. Однако сам учёный предлагает другой термин для

обозначения связи между звуковой формой и значением – *естественная выразительность (natural expressiveness)* [Allot, 1995].

Вместо термина *звукосимволизм* в том значении, как он используется в российской фоносемантике, R. Allot оперирует термином *звуковой символизм согласных и гласных (звуков)*, или *фонетический символизм* [там же].

Кроме проблем с терминологией и объёмом понятия, можно отметить сложности типологического характера.

В современной лингвистике и психолингвистике различают *звукосимволизм субъективный* (связь между определёнными звуками и значениями в психике конкретного человека) и *объективный* (связь между определёнными звуками и значениями в словах того или иного языка) [Воронин, 2006; Левицкий, 2009].

Из проблем разграничения звукосимволизма на субъективный и объективный «переплетаются две другие проблемы – проблема порождения звукового символизма и проблема его *универсальности versus национальной специфичности* [Левицкий, 2009, с. 18].

Исследованию первого вопроса посвящён отдельный раздел данной работы. Что касается второго, вслед за большинством исследователей фоносемантических способов репрезентации значения, мы принимаем тот факт, что звукосимволизм носит и универсальный, и национальный характер. Именно поиску универсального и специфического в фоносемантических способах репрезентации пейоративности в английском и русском языках посвящена вторая глава.

1.3. Основные теории звукосимволизма

Изучив литературу по теме исследования, мы выявили несколько теорий, объясняющих механизм порождения звукосимволизма:

1. *Ассоциативная теория*, которая «основана на предположении, что предъявляемые испытуемому искусственные слова ассоциируются в его сознании со звучаниями слов родного языка, и поэтому, в конечном счете, испытуемый оценивает не звучание, а значения предъявленных ему звуковых комплексов» [Левицкий, 2009, с. 88];

2. Следующая теория, примыкающая к ассоциативной – это *концепция «обратной связи»*, или *теория «языкового навыка»* [там же], предложенная И. Тэйлор. Согласно этой теории «звукосимволизм носит не универсальный, а национальный, специфический характер» [Прокофьева, 2007, с. 33] и в его «основе лежит приобретённый в процессе обучения языку речевой навык, закрепивший ассоциацию между определёнными звуковыми и сематическими единицами» [там же, с. 33], то есть «языковая привычка, лингвистический «тренинг» [Докторевич, 2014]. Например, если «в английском языке фонема /g/ встречается в словах со значением «большой» (*grand, great, grow, gargantuan*), а, следовательно, испытуемые подсознательно оценивают сочетания с начальным [g] как что-то большое» [там же, с. 5]

3. Согласно *референтной теории*, выдвинутой Р. Брауном, в основе звукосимволизма «лежит опыт, приобретённый человеком в процессе практической деятельности. Человек «научается» тому, что большие предметы (например, тяжёлый шкаф) издают (например, при передвижении) низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – высокие и приятные звуки. По этой причине испытуемые связывают высокие звуки типа [i] с чем-то маленьким, а низкие звуки типа [a] – с чем-то большим» [Левицкий, 2009, с. 88];

4. С. Ньюмен, М. Бентли, Е. Вэрон, М. Майрон, Ф. Кайнц и др. предлагают точку зрения, согласно которой в основе звукосимволизма лежат *физические (акустические и артикуляционные) свойства звуков* [Левицкий, 2009; Прокофьева, 2007]: «Открытый рот, выдвинутые вперёд челюсти, сжатые губы ... несут на себе пространственные и динамические значения, которые

служат отличительными признаками произносимых и слышимых звуков». [Цит. по: Левицкий, 2009, с. 88].

«При произнесении высокого тона в гортани появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосовые органы оказываются в более расслабленном положении» [там же, с. 89]. Следовательно, здесь мы имеем дело с транспозицией одних видов ощущений в другие (акустические в зрительные, моторные в акустические, и т.д.), т.е. с синестезией.

В. В. Левицкий также предлагает использовать «более нейтральный и более широкий термин «транспозиция одних видов ощущений в другие», хотя относит данную теорию к синестетическим и отмечает что «с самого начала» он полагал, «что в основе звукового символизма лежит синестезия» [там же, с. 95]. Однако не все учёные разделяют данную точку зрения. Например, Л. П. Прокофьева рассматривает связь физических свойств звуков со значением отдельно от синестезии [Прокофьева, 2007].

5. Следующая теория – это так называемая *«физиономическая теория»* Г. Вернера. Она примыкает к синестетическим теориям. Согласно ей в основе символизации лежит «физиономическое сходство между словами и их референтами» [Ervin-Tripp, 1966, p. 455]. То есть символы тесно связаны с телом и его «аффективными сенсомоторными паттернами» [Wagoner, 2013] – выражением чувств, настроений, переживаний.

6. «В 1969 г. на семинаре по проблемам мотивированности языкового знака И. Н. Горелов выдвинул тезис об обусловленности звукосимволизма *психофизиологическим механизмом синестезии»* [Прокофьева, 2007, с. 33].

Эта идея породила новую волну исследований данного феномена в современной науке, хотя синестезия (со-ощущение) была предметом изучения философов и естествоиспытателей с конца XVII – начала XVIII вв. и была неоднократно описана в трудах учёных в разных областях науки и искусства.

Проблема дефиниции синестезии не является предметом данного исследования и была достаточно полно и подробно описана в [Прокофьева, 2007; Ярошенко, 2023]. В рамках данной работы мы будем говорить о синестезии как о «со-ощущении».

7. Ещё одна теория порождения звуко-символизма, заслуживающая, по нашему мнению, внимания, – это теория С. В. Воронина о синестэмии («соощущение» + «соземция»). Он считает, что именно синестэмия, под которой понимает «различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звуко-символическом слове» [Воронин, 2006, с. 77], является психофизиологической основой звуко-символизма.

Какая же из вышеописанных теорий может полностью объяснить природу звуко-символизма?

В. В. Левицкий сразу же исключает из списка вероятных «первооснов» «физиономическую теорию» Г. Вернера, так как она считается спекулятивной и подверглась критике Р. Брауном, Г. Германом [Левицкий, 2009] и J. A. Fodor [Ervin-Tripp, 1966]. Тем не менее, данный подход (*organismic-developmental approach*) находит своё второе рождение в работах современных западных лингвистов [Wagoner, 2013].

Также В. В. Левицкий исключил из теорий, имеющих право на существование, концепцию Брауна. По его мнению, она хорошо согласуется с гипотезой об универсальности звуко-символических правил и хорошо работает по шкале размера, но «вряд ли... можно согласиться с тем, что всё сенсорное пространство, на котором проявляется действие звукового символизма,

представляет собой лишь совокупность признаков, сопутствующих размеру» [там же, с. 89].

Кроме того, референтная теория не может объяснить такие факторы, как экспериментально подтверждённая способность глухих правильно и согласованно находить звуко-семантические соответствия [там же].

В. В. Левицкий не разделяет мнение С. В. Воронина по поводу синестемии, потому что «эмоции как реакции на воздействие внешних и внутренних раздражителей являются вторичными и производными от органов чувств, а поэтому первоисточником и первоосновой звукового символизма являются всё же акустические и артикуляционные свойства звуков, а не эмоции» [там же, с. 89–90], и приходит к выводу, что звуко-символизм может являться результатом взаимодействия двух механизмов – синестезии (транспозиция одних видов ощущений в другие) и языкового навыка (ассоциативный механизм) [там же].

В отличие от В. В. Левицкого Л. П. Прокофьева считает, что эмоциональный компонент присутствует и в понятии синестезия, и в понятии синестемия. Синестемия существует как разновидность синестезии в широком смысле этого слова [Прокофьева, 2007].

«Синестезия является системным механизмом, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, проявляющийся на семантическом уровне в общности эмоционально-оценочных свойств объектов разной модальности. Она обеспечивает связь между ощущениями разных модальностей, позволяет инвариантно воспринимать разномодальные объекты и на основе восприятия одной модальности реконструировать целостный образ» [Прокофьева, 2010, с. 9].

По мнению Л. П. Прокофьевой, в процессе ассоциирования похожие качества разных модальностей сенсорно не ощущаются, но возникает субъективное впечатление сходства при одновременном восприятии сенсорных

различий модальностей. Таким образом, восприятие объекта одной модальности наделяется эмоционально-смысловой и символической нагрузкой, которая передаётся в процессе восприятия объекту другой модальности.

Эта общность оценок является посредником для возникновения связей при неосознанном уподоблении объектов разных модальностей при участии психофизиологических и лингвистических механизмов синестезии и языковой метафоры.

Синестемия – это познавательный процесс, который функционально не отличается от любого другого когнитивного процесса. Л. П. Прокофьева выделяет две разновидности синестемии – ассоциативную и метафорическую, между которыми нет четких границ, они размыты, но обладают определённой спецификой: в художественной литературе метафорическая синестемия затрагивает в основном лексико-семантический уровень, тогда как ассоциативная – фоносемантический [Прокофьева, 2010, с. 9].

Ряд исследователей звуко-символизма считает, что психологической основой звуко-символических слов «является синестезия (буквально «соощущения») или синестемия (буквально «соощущения» и «созмоции»)» [Колева-Златева, 2008], поэтому в научной литературе можно увидеть употребление слова *синестемия* как пояснение, уточнение понятия *синестезия*.

В зарубежном научном дискурсе термин *синестемия* не обнаруживается, но в ходе изучения синестезии некоторые европейские исследователи [Jürgens, 2014] приходят к выводу, что корректнее было бы использовать вместо синестезии термин *идеастезия* (*ideasthesia*), что с греческого буквально значит «ощущение мыслей» (*sensing ideas*) и под которым понимается совокупность сенсорных переживаний, ассоциируемая с концептом (содержанием понятия).

Данный термин, по нашему мнению, совпадает с представлением Л. П. Прокофьевой о синестемии и абсолютно не противоречит представлению С. В.

Воронина, так как вторая сигнальная система является понятийной и связана с речевой и мыслительной деятельностью человека.

В рамках данной работы мы будем придерживаться теории порождения звуко-символизма С. В. Воронина и исходить из положения о том, что психофизиологической основой звуко-символизма являются синестемия и кинемика.

Под синестемией мы будем понимать различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном (сенсорном) уровне является перенос качества ощущения, на второсигнальном (понятийном) – перенос значения в звуко-символическом слове.

Под кинемикой – совокупность произвольных движений мышц, сопровождающих ощущения и эмоции.

1.4. Исследование звуко-символизма в зарубежной лингвистике

История звуко-символических исследований за рубежом насчитывает уже несколько тысячелетий. «Первую из известных собственно истории языкознания попыток постановки вопроса о связи звука и значения мы находим в древнеиндийских Ведах. Для древних индийцев была характерна убежденность в существовании изначальной связи между самой вещью и её наименованием. Учёные того времени пытались решить вопрос, каким образом слово передаёт значение, и приходили к вводу, что в звуках слова заключена сущность вещи» [Воронин, 2006, с. 9].

Во всех древнейших из известных нам традиций уделялось особое внимание толкованию отдельных знаков или целых текстов. Об этом свидетельствует тот факт, что в древности «архетипичное значение ассоциировалось с буквами алфавита и использовалось в качестве оракул»

[Magnus, 2001, с.12], или прорицаний. Примером таких толкований могут служить руны Викингов, древнееврейская Каббала, арабский Абджад. Отсылки к толкованию отдельных знаков или текстов есть в древнеиндийских трактатах Упанишадах, в собрании папирусных кодексов библиотеки Наг-Хаммади, в книге Талиесина и в других источниках [там же].

Исследование звуко-символизма в Европе началось ещё в древней Греции, где «проблема соотношения внешней (формальной) и внутренней (семантической) сторон слова тесно переплеталась с вопросом о происхождении языка. Философы, обсуждавшие эту проблему, разделились на два лагеря. Одни утверждали, что имена объектов основываются на их природе (фюсей), имена есть «подражание» природе вещей, выражение их скрытой сути. Другие, наоборот, полагали, что обозначение объектов человеком носит договорной характер (тесей)» [Михалёв, 2012].

Ярким представителем теории природного происхождения названий предметов является Гераклит Эфесский. Он говорил, что имена – это «тени», или отражения вещей.

Ярким представителем второго течения является философ-материалист Демокрит Абдерский, который считал, что имена носят искусственный, договорной характер и в качестве аргументов против теории «фюсей» указывал на несоответствия между вещью и её названием: одно и то же слово может иметь несколько значений (явление омонимии), одно и то же понятие может обозначаться различными словами (явление синонимии), одно имя с течением времени может заменяться другим (факты переименования имён собственных, что было бы невозможным, если бы имя, данное по природе, закрепляло за предметом/человеком какие-либо свойства), наличие вещей, не имеющих имён. Тем не менее, и он признаёт, что некоторые первые слова являются отражением, образом вещей и возникли естественным путём.

В развернутом виде обе теории представлены в диалоге Платона «Кратил», который принято считать первой научной работой по фоносемантике. В ней изложены представления античного мыслителя о языке, его происхождении, о «правильности имён», о природе звуков, о семантике звуков.

В рассуждениях философа много идей, которые до сих пор остаются актуальными для исследователей звуко-символизма: «*rho* представляется мне средством [выразить] всякое движение», «с помощью звуков *пси*, *сигмы* и *дзеты* (это как бы «дышащие» звуки)» можно обозначить «студёное», «шипучее», «тряску», «сжатие языка при произнесении *дельты* и упор при произнесении *тау* полезно... применить для скованности уздою и стояния», «при произнесении лямбды язык очень сильно скользит, опускаясь вниз», поэтому «пользуясь уподоблением» при помощи *лямбды* дают имена «гладкому», «скользящему», «лоснящемуся», «смолистому», «клейкому», «сладкому», «липкому». «А для выражения «округлого» необходим *о-микрон*» [Платон, 1990, с. 613–681].

Большое внимание связи между звуком и значением уделяли стоики. В их трудах находим идею, «что имена от природы» и «что нет такого слова, для которого нельзя было бы указать определённое происхождение».

«Слова звучат так, как сами вещи, которые этими словами обозначаются. Но так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия: если они воздействуют на чувство мягко или грубо, то мягкость или грубость букв, действующая на слух, породила для них такие же имена... Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова» [Античные теории ... , 1936, с. 69–73].

Кроме того, «стоики утверждают, что три (вещи) между собой сопряжены – обозначаемое, обозначающее и объект». «Обозначающее есть звук», «обозначаемое – тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем

своим рассудком», «объект – внешний субстрат». Из троих «две вещи телесны, именно звук и объект, одна – бестелесна, именно обозначаемая вещь» [Там же].

Время от времени фоносемантические идеи древнегреческих философов находили своё отражение в религиозных и мистических текстах средневековья и периода Ренессанса и обрастали новыми подробностями.

Например, средневековые философы и грамматисты уточнили представление о связи между словами и вещами. «Они разграничили саму вещь и «понятие» вещи, ассоциируемое с формой слова в умах говорящих на данном языке. Для обозначения содержания схоласт Иоанн Солсберийский (XII в.) ввёл специальный термин – *сигнификат (significatum)*» [Кобозева, 2000, с. 21], употребляемый в современной науке.

В 1653 г. John Wallis в своей «Грамматике английского языка» (*Grammatica linguae anglicanae*) опубликовал список английских фонестем, дав им характеристику: *wr* показывает наклон, отклонение, нарушение, искажение, «что-то, что может повернуться само и свернуть всё что угодно в любом направлении»: *wry, wrong, wreck, wrist*; *br* показывает на разлом, часто совершенный с применением силы и сопровождающийся громким звуком при разламывании на части: *break, breach, brook*; *cl* говорит о склеивании, приверженности, удерживании: *cleave, clay, climb, close* [Magnus, 2001].

В 1676 г. Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz) – саксонский философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, дипломат, языковед – публикует работу «Новые опыты о человеческом разумении» (*New Essays on Human Understanding*), в которой он «заимствовав не только проблему, обсуждаемую Платоном, но и сам жанр диалога... настойчиво придерживается мысли о естественной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом» [Михалёв, 2012].

Вслед за Лейбницем на протяжении XVIII и XIX вв. многие философы, поэты, писатели, представители герметизма эпохи Возрождения тем или иным образом поддерживали фоносемантические идеи [Magnus, 2001].

В это период следует особо отметить возникшую во Франции «теорию подражания» (мимология) [там же], яркими представителями которой стали Ш. де Бросс (Charles de Brosses), А. К. де Жебелен (Antoine Court de Gébelin), Ш. Нодье (Charles Nodier).

В своем «Трактате о механическом образовании языков» (1765) Ш. де Бросс (Charles de Brosses) «доказывал, что ранее существовал абсолютный язык, который был органичным, материальным и мотивированным. В этом первобытном универсальном языке звук полностью соответствовал значению слов» [Михалёв, 2012].

В 1775 А. К. де Жебелен (Antoine Court de Gébelin) писал, «что речь является ничем иным, как изображением идей, а идеи – изображением объектов; таким образом, должна существовать естественная связь между словами и идеями, которые они представляют, как существует она между идеями и объектами». То, что изображено, не может быть произвольным – оно всегда обусловлено природой изображаемого объекта. Таким образом, для выражения предмета или мысли люди выбирают звук, который максимально соответствует этому предмету или мысли [там же].

В одной из своих последних работ Ш. Нодье (Charles Nodier) пишет, что звук подражает не тому, «к чему» относится слово, а «как» он относится к слову: на мотивировку слова (на то, как человек даёт наименование) влияют не только традиции, привычки, склонности, впечатлительность, но и восприятие внешнего вида, формы, качеств, свойств, поведения называемых объектов, а также места, времени, обстоятельств, при которых рождается имя (название) объекта [Magnus, 2001].

Так, в качестве примеров приводятся латинские буквы S и Z, повторяющие форму змеи и произносимые со свойственным для змеи звуком – шипением; буква O изображает округлость губ, необходимую для артикулирования этого гласного [Цит. по: Михалёв, 2010].

В 1836 г. В. фон Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt) публикует работу, в которой выделяет три типа связи между звуком и значением в языке.

По мнению Гумбольдта, первый способ – живописный – заключается в непосредственном подражании, «когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки способны передать нечленораздельные».

Второй способ, названный Гумбольдтом символическим, «основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некому внутреннему свойству, присущему им обоим».

Третий способ – аналогический, строящийся на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий, является наиболее плодотворным, т. к. строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами.

Согласно Гумбольдту, каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство подыскивает обозначающие это понятие звуки [Михалёв, 2012].

В 1891 г. Г. фон дер Габеленц (Georg von der Gabelentz) публикует очень значимую работу «Звуковая символика» (Lautsymbolik), в которой высказывает предположение о связи филогенеза и онтогенеза и приводит «в пример ребёнка, который пользовался выражением *м-м* для обозначения круглых вещей, варьируя гласные систематическим образом в зависимости от величин предмета. Например, *мэм* – луна или белая тарелка, *мом* или *мум* – большая сковорода, *мим-мим-мим* – маленькие звезды» [Михалёв, 1995, с. 45–46].

Психолог и физиолог В. Вундт (Wilhelm Wundt) привнёс более глубокое психологическое осмысление проблемы происхождения языка и естественной мотивированности слова. Он разработал теорию жестового происхождения языка, в которой высказал мысль о преобразовании мануальных и мимических жестов в жесты речевые (языковые).

В Европе начала XX в. также существовали попытки исследования звуковой организации поэтической речи. Одним из исследователей, который обратил внимание на важность соответствия между звуком и значением и видел в этом сущность поэзии был М. Граммон (Maurice Grammont).

Он писал, что фонемы несут в себе значение имплицитно [Magnus, 2001], именно поэтому невозможно точно перевести поэтическое произведение с одного языка на другой. «Это и есть то основное, что делает звук носителем какого-либо значения» [Прокофьева, 2007, с. 21].

Также в своих работах М. Граммон (Maurice Grammont) выдвигает идею, что одна и та же фонема несёт в себе несколько разных значений, и это естественно, так как количество фонем в языке ограничено. Он выделил несколько «идей» (грусть, веселье, ирония, тишина, малый размер и пр.), которые передаются похожими звуками в поэзии, и сопровождал их примерами из французской литературы и стихотворений на других языках [Magnus, 2001].

Начало теоретическому изучению звуко-символизма в 20-х годах XX в. положил О. Есперсен своей знаменитой работой о символизме (в первую очередь – в английском, а также в немецком и французском языках) гласного *i*; в этой работе он, в частности писал: «В развитии языков звуковой символизм играет значительную роль – более значительную, нежели это признаётся большинством лингвистов» [цит. по: Воронин, 2006, с. 11].

В Европе звуко-символизм был по традиции лингвистической проблемой и носил описательный характер.

Единственное известное современной лингвистике экспериментальное исследование звуко-символизма в довоенной Европе, которое подтверждало связь определённых понятий и звучаний, было осуществлено в 1935 г. Г. Мюллером, который «предъявлял испытуемым неизвестные им слова из «экзотических» языков типа *gogu, fiti, lala, marr* и т.п., предлагая угадать смысл этих слов. Полученные данные Г. Мюллер группировал в определённые классы (Strukturen), в которых объединялись «сходные» ответы (типа «большое животное», «нечто грузное, тяжелое» и т.д.) [Левицкий, 2009, с. 8].

Исследование звуко-символизма в США напротив «проходило диаметрально противоположным путем. Главное внимание было уделено здесь экспериментальному исследованию звуко-символизма и разработке и усовершенствованию методики экспериментов» [там же].

Тем не менее, одними из первых работ по звуко-символизму в США можно назвать две статьи М. Блумфилда (Maurice Bloomfield), в которых он описал феномен языковых кластеров. Эти работы сложно назвать экспериментальными, так как они больше строятся на интуиции [Magnus, 2001].

Его племянник Л. Блумфилд (Leonard Bloomfield) больше известен в лингвистике. В своей работе, посвящённой семасиологии аблаута, он пишет о том, что значение (в том числе коннотативное) зависит от тона гласного звука, степени его подъёма, позиции языка: высокий тон подразумевает не только пронзительность, но и тонкость, изящество, остроту, пронизательность; низкий тон говорит не только о громыхании, но о тупости, грубости, неповоротливости, неуклюжести; полностью открытый звук /a/ показывает не только громкость, но и большой размер, открытость, полноту, целостность. Затем он перечисляет все основные германские корни и демонстрирует, что корреляция, которую он обнаружил, имеет место быть во всей германской лексике. Таким образом, исследование Л. Блумфилда (Leonard Bloomfield)

можно назвать первым шагом, который позволил перевести изучение звуко-символизма из разряда философских умозрительных рассуждений в настоящую науку [там же].

Первые настоящие экспериментальные исследования звуко-символизма в США были проведены Э. Сепиром (Edward Sapir). В одном из своих экспериментов, чтобы продемонстрировать продуктивную корреляцию между звуком и значением, Э. Сепир (Edward Sapir) предложил англоязычным испытуемым догадаться о значении якобы иностранных слов. В эксперименте участвовало около 500 человек разного возраста. Им было предложено 60 вопросов следующего типа: «Слово *mal* и слово *mil* оба означают стол в некоем языке. Какой из столов больше *mal* или *mil*? 83% детей и 96% взрослых отнесли слова с *i* к меньшему размеру, а слова с *a* – к большему [там же].

Аналогичную методику использовал в своих экспериментах С. Ньюман (Stanley Newman). Правда в своих исследованиях он не подтвердил корреляцию между звуком и размером объекта [там же], но «пришел к следующим выводам:

1) гласные английского языка по шкале «маленький-большой» располагаются в таком порядке: *i, e, ε, æ, a*;

2) согласные (от «маленького» к «большому») располагаются в последовательности: *t, d, p, b, k, g* (глухие оцениваются как «меньшие» по сравнению со звонкими, передние – как «меньшие» по сравнению с задними);

3) оценка звуков испытуемыми связана с физическими (акустико-артикуляционными) характеристиками этих звуков [Левицкий, 2009, с. 9].

Последующие подобные экспериментальные работы по изучению звуко-символизма в США Shigeto Tsuru (1934), G. Allport (1935), Roger W. Brown, A. H. Black, A. E. Horowitz (1955), Murray S. Miron (1961) были посвящены разработке и усовершенствованию методики исследования звуко-символизма [Левицкий, 2009; Magnus, 2001].

Основным сторонником фоносемантики в 40-50-е гг. XX в. в США был Д. Болинджер (Dwight Bolinger). Он считал, что разница в форме predetermined различиями в заложенном значении. Так же он считал, что морфема не может являться минимальной несущей смысл единицей языка, потому что, во-первых, значение не всегда явно выражено, а во-вторых, есть случаи, в которых меньшая единица является смысловозначительной. И одним из таких случаев являются фонестемы, например, *gl* несёт в себе значение света, *fl* – значение движения [Magnus, 2001].

Во второй половине XX в. большое влияние на развитие фоносемантики в США оказал Р. Якобсон. Он считал, что хотя фонема не имеет собственного значения, но определённая последовательность фонем является важнейшим средством выражения значения в языке. На его точку зрения о существовании взаимосвязи между звуковой формой и значением в значительной степени повлияло его изучение поэзии, в том числе поэзии В. Хлебникова.

В 2001 г. свет увидела одна из крупнейших работ по фоносемантике – докторская диссертация М. Магнус (M. Magnus) *Что внутри слова?* (What is in a Word?). В ней она описала развитие фоносемантической мысли от античности до современности, учитывая положение фоносемантики в США, а также привела данные 14 экспериментов, которые показали следующие результаты: (1) фонема является минимально значимой единицей; (2) значение фонемы связано с её артикуляцией; (3) истинная иконичность (true iconism) носит универсальный характер [там же].

Современные исследования звуко-символизма европейских и американских исследователей, впрочем, как и большинство работ вышеперечисленных в этой главе авторов, доступны только в оригинале и часто в форме статей.

Они в большинстве своём носят прагматический характер: «полезность и понятность языкового знака, оценка и характер информации, извлекаемой адресатом из текста» [Шляхова, 2023, с. 8], различные виды синестезий.

Исследование звуко-символизма на Востоке также уходит своими корнями в древность.

Если говорить о Китае, то «для китайцев принцип иконизма всегда являлся основным способом образования иероглифических знаков» [Кривошеева, 2019, с. 250].

Традиция толкования была продиктована естественной потребностью и «ещё в древности издавались иероглифические словари, содержащие толкование иероглифов» [Кобозева, 2000, с.20].

В V в. до н.э. в древнем Китае «создаются концепции о связи между словом и свойствами того, что оно обозначает; в III в. до н. э. появляются теории «исправления имён», т. е. правильного подбора имени, которое бы соответствовало обозначаемому» [там же].

В трактате «Книга перемен» (1066 г. до н. э. – 256 г. до н. э.), объясняющем значение синонимичных иероглифов, впервые был обнаружен термин *образная аналогия*. Также в этот период в других источниках упоминается такое явление как «звучание со смыслом» [Кривошеева, 2019].

В книге Шэнь Сюэ «Происхождение китайских иероглифов» (относится к периоду правления династии Хань – 206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) говорится о группе пиктофонетических иероглифов, которые «обычно состоят из двух элементов, один из которых указывает на смысл, а другой на звук», а саму теоретическую направленность концепции можно изложить так: «звук исходит из смысла, смысл реализуется в звуке, а звук приводит к форме. Если учащиеся хотят распознавать иероглифы, они должны соблюдать форму, чтобы узнать её звук и придерживаться звука, чтобы получить его смысл» [там же, с. 252].

Следующий учёный этого же периода Лю Си в своих работах предпринял попытку классифицировать знаки на иконические, звукоподражательные и эмотивные [там же].

Во времена правления династии Сун (960 – 1279) Ван Сунмей разработал «тезис о том, что фонетическая составляющая некоторых знаков несёт смысловую нагрузку» и поставил под сомнение «правило о том, что знак, находящийся слева, всегда придаёт смысл иероглифу, а тот, что справа – звук. Он утверждал, что значение китайского иероглифа может зависеть и от элемента справа» [цит. по: Кривошеева, 2019].

Согласно теории Дай Тун, «письменный язык происходит от звука», «существование звука приводит к форме письменного языка, таким образом, смысл и звук сосуществуют и не являются производными от письменного знака». «Письменный язык – это изображение звука, а звук – это выражение человеческого духа. С этим духом у нас есть звук ... без языка звук не может быть реализован» [цит. по: там же, с. 253].

В период правления династии Цин (1644–1911 гг. н. э.) Чжан Тайянь развивает идею звукоподражательности в китайском языке. Он пишет, что «язык никоим образом не выходит из пустоты». Причина, по которой мы называем лошадь *tǎ*, вола *níu*, заключается не в свободной воле или предположении... Почему сороку мы называем *jiè*? Она звучит как *jièjiè*. Почему воробей называется *qiè*? Его звук *qièqiè*. Почему ворону мы называем *uā*? Она издаёт звук *uāuā*. Почему дикий гусь зовется *uàn*? Он звучит как *àn àn* [там же].

Несмотря на идеи иконичности, которые существуют в китайской языковой традиции, принцип произвольности знака Ф. де Соссюра также повлиял на развитие китайского языкознания, тем более, как оказалось, в Китае есть свой Соссюр – философ Сюнь Цин (ок. 313 – 215 до н. э.) с теорией о том, что «правила устанавливаются после произвольного использования». На него

обычно и ссылаются китайские сторонники произвольности языкового знака. Однако есть исследователи, доказавшие, что слова Сюнь Цина были вырваны из контекста и неправильно истолкованы [там же].

Что касается изучения звукоимоволизма в японской традиции нами не были обнаружены источники на русском или английском языке об исследованиях японского звукоимоволизма в диахронии, поэтому в рамках данной работы излагается состояние в синхронии.

«Звукоизобразительность в японском языке является очень развитой и продуктивной системой. В дополнение к звукоподражательной (ономатопической) лексике, которая пытается передать звуки живой природы доступными человеку речевыми средствами, в японском, как и во многих других языках мира, весьма распространена категория звукоимоволической лексики, которая обозначает физическое или эмоциональное состояние объекта» [Сичинский, 2015, с. 195].

Обычно в японском языке выделяют три класса звукоизобразительных слов: *гионго*, *гисэйго* и *гитайго*.

Гионго – «лексическое подражание звуку» – представляет японский аналог термина *звукоподражание*, или *ономатопея*. Сами японские учёные используют англоязычный термин *phonotime*. Гионго объединяет класс слов, обозначающих звуки внешнего мира, производимые неодушевлёнными предметами: *pota-pota* звук капающей воды.

Гисэйго – «лексическое подражание голосу» – также представляет аналог звукоподражания, англоязычный термин *psychotime* и определяет слова, обозначающие звуки внешнего мира, производимые одушевленными объектами: *пуа-пуа* мяуканье кошки.

Некоторые учёные, например, Хината Сигэо, объединяют два этих понятия под термином «гионго»

Gumai-go – «лексическое подражание действию» – соответствует русскому термину *звукоимовизм* и англоязычному *phenomime*. «Данный класс звукоизобразительной лексики может обозначать состояние неодушевленных предметов, физическое и эмоциональное состояние человека и других живых существ»: *fura-fura* головокружение [там же].

Среди работ японских лингвистов существует много исследований символических функций отдельных звуков, исследований, анализирующих фонестемы и значения отдельных кластеров, работы, описывающие звукоимовические универсалии [Румак, 2017].

Например, Р. Хории «упоминает такие универсальные значения, как описание гладкого продвижения, характерное для фрикативных согласных (*соёсоё* – приятное дуновение ветерка), резких изменений или резкого движения для геминаты (*сукутто* – быстро и прямо встать), вибрации для сонорного [r] (*бурубуру* – звук продолжительной мелкой вибрации двигателя), ощущение светлости и лёгкости для гласных переднего ряда (*никатика* – продолжительное свечение, блеск) и тяжести или темноты – для гласных заднего ряда (*дзудон* – звук при внезапном падении тяжёлого предмета)» [там же, с. 301].

Х. Киндаити отмечает, «что звук [e] часто придаёт оноματοпоэтическим словам неприятное, вульгарное, негативное значение (например, *пэппэ* – звук энергичного сплёвывания, извержения изо рта содержимого), звук [i] часто ассоциируется с небольшим размером и скоростью (например, *питипити* – звук повторяющихся энергичных отскакиваний небольшого предмета), а звуки [o] и [a] – наоборот, со значительной величиной и медлительностью, широтой (например, *нороноро* – крайне медленный темп движения)» [там же, с. 302].

Х. Ооцубо «описывает следующие ощущения, бессознательно получаемые носителями языка от звуков речи: [a] – ощущение светлого и большого (например, *канкан* – чистый, звонкий звук ударов металлического

предмета), [i] – маленького, острого, пронзительного (например, *тикутику* – мелкие многократные уколы острым предметом), [u] – мрачного, тусклого (например, *муцури* – неприветливое молчание), [e] – ясного, бессмысленного, распущенного (например, *мэтамэта* – разрушение предмета до крайней степени, сильная физическая усталость), [o] – мягкости, глубины (например, *хокухоку* – приятная мягкость, аппетитность еды)» [там же, с. 302].

Более подробно о звукоимоголизме отдельных звуков в японском языке в [Румак, 2017].

1.5. Исследование звукоимоголизма в отечественной лингвистике

Исторический экскурс по истории изучения звукообразности в российской лингвистике представлен в [Шляхова, 2003; Шляхова, 2023а].

«В Древней Руси впервые вопросами фоносемантики заинтересовался монах Ефимий, живший в XII веке. Он предложил описание и классификацию явлений звуковой семантики. Его классификация основывается на качественных характеристиках звуков, а также их оценочных функциях и коннотациях. Все звуки были разделены Ефимием на шесть групп: «грусни», «грубы», «громны», «натужны», «немы», «шепетливы». К первой группе он отнес все гласные звуки, ко второй группе – [б], [в], [г], [д], которые он характеризовал как грубые; к третьей – [к], [п], [р], [т], производящие впечатление грохочущих и шумных; к четвертой – [л], [м], [н], трудные для понимания; к пятой – [с], [з] – звуки, которые он связывал с наговором, сплетнями, доносом» [Рогожина, 2014, с. 213–214].

Первые звукоимоголические характеристики славянским звукам дал М. В. Ломоносов в своём труде «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Он связал различные идеи (великолепие, глубина, приятность и пр.) и артикуляторные характеристики звуков [Шляхова, 2023а].

«В русском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха... через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; через *о, у, ы* – страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль. Из согласных письмен твёрдые *к, п, т* и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы... и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живые действия тупые, ленивые... Твёрдые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [Ломоносов, 1952, с. 241].

В работах лингвиста-любителя А. С. Шишкова можно обнаружить множество фоносемантических идей, которые сегодня считаются научно обоснованными. Например, он предлагает звукосимволические характеристики букв: «При произнесении буквы *У* «расположение гортани и губ делает издаваемый ею голос грубейшим и удобнейшим к изъявлению удивления и страха, более других страстей потрясающего наше чувство» [цит. по: Шляхова, 2023а, с. 43].

А. С. Шишков высказывает довольно смелые для того времени предположения о синестезии, которые также находят подтверждение в современной науке: «Так, например, в одном и том же слове соединяет (ум человеческий) два весьма различные понятия, звук и запах. Причиной тому, что они в природе нераздельны: звук, как мы выше его объясняли, связан с дыханием, а дыхание с запахом, следовательно, и запах со звуком; ибо чувству нашему одинаким образом сообщается понятие, как от приходящего в уши звука, так равно и от приходящего в нос запаха. Отселе без всякой погрешности

говорим: слышишь ли ты, какой здесь запах? Не взирая, что запах не есть звук, и что мы не ушами его слышим, но обоняем носом» [Там же, с. 44].

У К. С. Аксакова находим отдельные замечания о звуко-символизме, который отмечается как на акустическом, так и графическом уровнях.

«Имена среднего рода оканчиваются на букву гласную: О, букву неопределённую, неясную в произношении, среднюю, как мы о ней выразились; можно её назвать круглую и в смысле звука. Звук этой буквы, точно круглый и по самому начертанию, употребляется в нашем языке часто для выражения круга» [там же, с. 57].

В XIX в. исследованием проблем связи звука и значения в слове занимался А. А. Потебня, который утверждал, что «... в создании языка нет произвола, а потому уместен вопрос, на каком основании известное слово значит то именно, а не другое» [цит. по: Журавлёв, 1974, с. 146].

Он ввёл в науку понятие о внутренней форме слова. «Внутренняя форма слова – это признак, положенный в основу номинации, который мотивирует звуковой облик слова и указывает на причину, по которой данное значение получает именно такую звуковую оболочку. Выбор признака может быть произвольный: ср. рус. *Портной* < *порты* “одежда”; нем. *Schneider* < *schneiden* “резать”; болг. *Шивач* < *шия* “шить”. Признак, положенный в основу номинации, может утрачиваться (ср. *кольцо* < *коло* “колесо”; *мешок* < *мех*), тогда происходит утрата признака или слова, что часто связано и фонетическими изменениями (ср. *городить* родственно *жердь*). Понимание внутренней формы исходит из связи звука и значения. А. А. Потебня рассматривает внутреннюю форму слова через те компоненты, которые связывают значение со звуком. Внутренняя форма слова есть его этимологическое (первоначальное) значение. Потеря внутренней формы слова есть его относительная деэтимологизация; восстановление этимологии слова – выход на его образ, представление мысли» [Шляхова, 2023а, с. 62].

К концу XIX – началу XX вв. начались исследования отдельных явлений фоносемантики, в частности синестезий, психологами.

Одним из первых отечественных исследователей «цветного слуха» был П. П. Соколов. Изучая «цветной слух» он обнаружил, что «при исследовании цветовых ассоциаций, вызываемых русскими гласными *e* и *ъ*, *i* и *и*, были получены различные результаты, хотя звучание данных пар практически идентично. Если бы оценивались только звуки, то результаты были бы одинаковыми, если бы оценивались только буквы, то не требовалось бы представления звука. Таким образом, появилось понятие звуко-буквы, которое получит широкое распространение в дальнейших работах учёных в области фоносемантики» [Рогожина, 2014, с. 214].

В середине XX в. «в советской философской и языковедческой науке считалось, что звуковой символизм противоречит ленинской материалистической теории отражения, ибо язык отражает объективную действительность не внешней, звуковой, а внутренней, семантической, стороной, а потому между звучанием и значением не может существовать «отприродной» связи [Левицкий, 2009, с. 9].

Вся проблематика, связанная с отношением между звучанием и значением, ограничивалась в советском языкознании изучением звукоподражательных слов. «Наиболее значительный вклад в исследование звукоподражательной лексики и в развитие теории «звуковых жестов» и «мимологии» внесли работы Е. Д. Поливанова, Н. И. Ашмарина, Д. В. Бубриха, Н. К. Дмитриева, В. И. Абаева, Н. А. Баскакова, Л. Н. Харитонова» [там же, с. 10].

«В работах данного периода, как правило, после «звукоподражательных» (в широком смысле) слов рассматриваются «образоподражательные» (типа *шмыг* и т.п.), причем происхождение последних обычно не затрагивается; лишь

иногда указывается на возможность их происхождения от первых» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 7].

В 1957 г. была опубликована работа А. Г. Спиркина «Происхождение языка и его роль в формировании мышления», в одном из разделов которой автор описывает условия формирования языка и способы связи между звуком и образом, учитывая которые «невозможно отрицать существование времени, когда каждый языковой знак был естественно обусловленным, произвольным» [там же, с. 6].

Следующей значительной работой того времени стала монография А. М. Газова-Гинзберга «Был ли язык изобразителен в своих истоках?», в которой он провёл анализ звукоизобразительных корней девяти языков четырех неродственных языковых семей. Из 181 случая глагольных корней, признаваемых общесемитскими, 115 объясняются в работе как изобразительные, что позволили учёному сделать следующие выводы:

«1. Теоретически обоснованное положение о звукоизобразительности (в изложенном широком понимании) происхождения языкового материала подтверждается конкретным исследованием лексики одной из языковых семей.

2. Древнейшие эпохи становления языкового материала познаваемы, ибо они оставили следы в языках исторической эпохи» [там же, с. 169].

«А. М. Газов-Гинзберг активно исследовал звуко-символизм в области вокализма и консонантизма: звуко-символизм гласных как выражение пола (рода) и размеров, уменьшенного и малого, дейксиса, краткости и долготы; звуко-символизм согласных как выражение формы и пр.» [Шляхова, 2023а, с. 121].

Период с конца 60-х гг. можно назвать периодом становления российской фоносемантики как самостоятельного раздела языкознания. Особо выделяются учёные, чьи работы стали основой русскоязычной фоносемантики. Работы В. В. Левицкого и А. П. Журавлёва были посвящены звуко-символизму; С. В.

Воронин обосновал выделение фоносемантики как науки в целом, сформулировав принципы этой языковедческой дисциплины: её цель, задачи, объект, предмет.

С. В. Воронин является автором изобразительной (иконической) теории происхождения языкового знака. Он обосновал принцип бинарной природы языкового знака, сформулировал основные законы фоносемантики, разработал метод фоносемантического анализа, критерии определения звукоизобразительного слова и др. [Воронин, 2006].

В своих трудах В. В. Левицкий затрагивает вопросы типологии языковых знаков и место символа среди них, вводит понятия *звукосимволический комплекс*, *символический потенциал звука*, описывает методику экспериментального изучения звукового символизма, рассматривает природу и источники его порождения, исследует степень его универсальности, сопоставляя данные субъективного и объективного звукосимволизма более чем в 50 языках различного строя [Левицкий, 2009], исследует символические свойства гласных и согласных, соотношение фонетического и коннотативного значения слова, фонетическое значение и мотивированность, а также семантические и стилистические функции сочетаний фонем [Шляхова, 2023а].

Отмечая существенное различие между субъективным символизмом (выявляемая экспериментальным путем связь определённых звуков и значений в психике человека) и объективным символизмом (связь определённых звуков и значений в словах того или иного языка), В. В. Левицкий кропотливо исследует оба этих аспекта. Причем анализу подвергаются не собственно звуки или фонемы, а дифференциальные признаки фонем.

В 1974 г. выходит в свет монография А. П. Журавлёва *Фонетическое значение*, в которой автор применяет метод семантического дифференциала Ч. Осгуда к звукам русского языка.

В результате обнаружилось определённые предпочтения звуко-смысловых соответствий, выраженные количественно. А. П. Журавлёв вводит в науку понятие *фонетическое значение*, определяет его место в структуре слова, а также предлагает формулу для нахождения величин фонетического значения слова, в которой были учтены позиции ударных и безударных, начальных и неначальных звуков [Журавлёв, 1974; Левицкий, 2009].

Учёный занимался изучением звукоцветовой ассоциативности. Им была разработана одна из первых программ автоматического анализа фонетического значения слова. В результате своих исследований А. П. Журавлёв не только установил фоносемантическое значение каждого звука русской речи, но и определил цвет гласных звуков. Единицей фонетического значения учёный считает звукобукву, или графон, которая учитывает «как особенности звучания, так и особенности графического изображения» [Журавлёв, 1991, с. 12].

В 1982 г. С. В. Воронин представил к защите свою докторскую диссертацию на тему *Основы фоносемантики*, заложив таким образом основы новой лингвистической науки, которая сформировалась на стыке нескольких языковедческих дисциплин: фонетики, семантики, лексикологии, этимологии, типологии, глоттогонии, сравнительно-исторического языкознания, а также психолингвистики [цит. по: Воронин, 2006, с. 21].

«Главным теоретическим тезисом работы С. В. Воронина является объединение понятий звукоподражания и звуко-символизма как двух естественных составляющих одного языкового процесса – звукоизобразительности, которая служит основой для происхождения и развития языка («примарная генетическая мотивированность»). Здесь угадываются нити, ведущие от Платона и В. фон Гумбольдта, но уже на новом научном витке» [Михалёв, 2010, с.13].

Дальнейшее развитие фоносемантики продолжилось в работах Л. П. Прокофьевой, А. Б. Михалёва, С. С. Шляховой, Т. М. Рогожниковой, Н. В. Дрожащих, Е. В. Сундуевой и мн. др.

Экспериментальная методика, примененная А. П. Журавлёвым, нашла свое продолжение в трудах Л. П. Прокофьевой, которая, используя современные достижения компьютерной техники, провела комплексное изучение звукоцветовой ассоциативности в языке и художественной речи на материале русского и английского языков.

Л. П. Прокофьева вводит понятие *звукоцветовой картины мира*: универсальной, формирующейся на фоносемантическом уровне; национальной, обусловленной чертами и особенностями этноса; индивидуальной, проявляющейся в речи и художественном тексте.

Вслед за А. П. Журавлёвым выделяет в качестве единицы исследования звукобуквы, или графоны, — синестетические аудио-визуальные образования, гипотетически обладающие семантическими свойствами, в том числе и хроматическими коннотациями. Разрабатывает методику анализа цветовой символики звука в художественном тексте с использованием современных компьютерных технологий [Прокофьева, 2007].

А. Б. Михалёв развивает тему примарной генетической мотивированности языкового знака и вводит в лингвистику новую категорию «фоносемантическое поле», в ракурсе которого удаётся проследить всю динамику словотворчества. Проведённое учёным исследование показало, что механизм развёртывания фоносемантического пространства универсален для всех языков. Теория фоносемантического поля позволяет показать язык изнутри, систематизировать всю лексику любого языка, предлагает отработанный алгоритм установления фонетического и семантического родства слов [Михалёв, 1995].

Смысл концепции «фоносемантического поля» заключается в том, «что речевые звуки обладают богатым символическим потенциалом для обозначения как звучащей, так и незвучащей действительности» [Михалёв, 2010, с.14].

В работах С. С. Шляховой отчётливо прослеживается продолжение фоносемантических идей С. В. Воронина. «Объектом исследования С. С. Шляховой, так же, как и у С. В. Воронина, является звукоизобразительная система языка, т.е. звукоподражание и звукосимволизм. Однако автор сосредоточивается на специфическом для языка феномене – звукоизобразительных единицах, статус которых в лингвистике не определён» [там же, с.16]. Отталкиваясь от универсальной классификации ономастов С. В. Воронина, С. С. Шляхова «рассматривает фоносемантическую систему русского языка, которую она называет системой «фоносемантических маргиналий» [Михалёв, 2009].

Конец XX и начало XXI вв. отмечен бурным развитием фоносемантики. Появилось значительное число фундаментальных исследований, большое количество эмпирических исследований. Было создано программное обеспечение для фоносемантического анализа (А. П. Журавлёв, В. И. Шалак, Л. П. Прокофьева, Т. М. Рогожникова и др.).

1.6. Современные теории звукосимволизма

Современные теории звукосимволизма, так или иначе повторяют идеи классических звукосимволических теорий, делая акцент на механизмах звуковых символических ассоциаций и кросс-модальных соответствиях и совершенствуя аргументативную базу теорий преимущественно посредством психолингвистических экспериментов.

D. M. Sidhu и P. M. Pexman сделали попытку систематизации современных теорий звукосимволизма, выделив пять основных теорий:

1. Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации как *соответствия между лингвистическими стимулами и стимулами в окружающей среде*: например, громкий и тихий звуки, издаваемые в реальности, могут зависеть от расстояния, величины и объёма объекта, издающего звук, и т.п.;

2. Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации как *соответствия между перцептивными и концептуальными, аффективными или лингвистическими свойствами*: фонемы и связанные с ними стимулы могут иметь общие свойства, несмотря на то, что они находятся в разных модальностях;

3. Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации как *нейронные факторы*: звукосимволические ассоциации возникают из-за структурных свойств мозга или способов обработки в нём информации, что позволяет предположить общий механизм нейронного кодирования для стимула, независимо от модальности;

4. Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации как *результат эволюции*: звукосимволизм как явление, основанное на общих наследственных ассоциациях различных видов;

5. Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации как *языковые модели*: звукосимволические ассоциации могут происходить из совпадений между фонологическими и семантическими особенностями в языке [Sidhu, 2017].

6. К перечисленным теориям, на наш взгляд, следует добавить теорию *самозагрузки (самонастройки, начальной загрузки) звуковой символики (sound symbolism bootstrapping hypothesis)* [Imai et al., 2008; Imai & Kita, 2014], которая развивает тезис о «природной» способности человека через механизмы кросс-модальных соответствий устанавливать связи между компонентами языковой и неязыковой структур.

2. Исследование звуко­симво­лизма пейоративности

2.1. Пейоратив как звуко­симво­лическое слово

Наш интерес к пейоративам связан с тем, что они представляют собой яркий пример звуко­симво­лических слов, в которых наиболее очевидна связь между звуковой формой и значением. Пейоративы соответствуют критериям звуко­симво­лического слова, которые на основе анализа материала целого ряда неродственных языков выявил С. В. Воронин [Воронин, 2006]:

1) *семантические критерии*: эмоциональность и экспрессивность, образность семантики, конкретность семантики, обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека.

Пейоративы (1) экспрессивны (выразительны) в передаче эмоционально-оценочного значения (англ. *bastard* «подлец», *booby* «дуралей», *loser* «неудачник», *parasite* «паразит»; рус. *дешёвка*, *жульё*, *дрянь*, *недоумок*, *шалопай*); (2) обладают образной и в то же время конкретной семантикой (англ. *cow* «корова», *bootlicker* «лизоблюд», *milksop* «молокосос», *lamppost* «шпала», *madcap* «сумасброд»; рус. *индюк*, *тумба*, *баржа*, *тряпка*, *подстилка*, *губошлёп*); (3) передают ощущения тела, мимические движения при помощи артикуляции, словно подражают физиологическим процессам (англ. *fool* «дурак», *goof* «тупица», *mutterer* «мямля», *farter* «пердун», *frump* «неряха»; рус. *олух*, *фуфло*, *гнусавый*, *балабол*, *ворчун*). Не случайно русская табуированная бранная и обценная лексика связана с материально-телесным низом и включает в себя «наименования частей и органов человеческого тела, отходов жизнедеятельности» [Жельвис, 2015];

2) *словообразовательные критерии*: редупликация (англ. *riffraff*, *namby-ramby*, *talkee-talkee*, *talkie-talkie*; рус. *варвар*, *дундук*, *балабол*, *барабора*, *куркуль*, *шишига*, *шишимора*);

3) *грамматические критерии*: морфологическая гипераномальность (англ. *razzle-dazzle, higgledy-piggledy, fuddy-duddy*; рус. *шаляй-валяй, шуры-муры, ёк-макарёк, ёпрст, ёлы-палы, лошара, лоштиндос*);

4) *структурно-фонетические критерии*: фонетическая гипераномальность, относительное единообразие формы, фонетическая гипервариативность: протетический сонорный, метатеза, «чередование гласных», «чередование согласных» по способу, по месту артикуляции, по глухости/звонкости (англ. *twiddle-twaddle, snipper-snapper, skimble-skamble, rowdy-dowdy, prittle-prattle, raggle-taggle, ribble-rabble, namby-pamby, rinky-dink, razzle-dazzle, piggy-wiggy*; рус. *ёксель-моксель, ёптель-монпель, клуня, клуша*).

Пейоративы обладают фонетической гипервариативностью, фонетической и морфологической гипераномальностью (англ. *lazybones* «лодырь», *liar* «лгун», *moaner* «нытик», *reewe* «шибздик», *riffraff* «подонок», *namby-pamby* «размазня»; рус. *шаляй-валяй, шуры-муры, тям-ляп, ёлки-моталки, ёлки-палки, ё-маё*);

5) *функциональные критерии*: стилистическая ограниченность. Большинство пейоративов в русском и английском языках относятся к просторечиям, сленгу, представляют пласт разговорной лексики;

б) *интерлингвистические критерии*: типологическое сходство (изоморфизм) звукосимволических слов по разным языкам.

Изоморфизм русских и английских пейоративов и является предметом настоящего исследования.

2.2. Исследование звукосимволизма пейоративности в отечественной лингвистике

В контексте фоносемантики С. В. Воронин выделяет следующие основные способы репрезентации значения пейоративности, которые «изучены

недостаточно», хоть и «весьма разнообразны» [Воронин, 2006, с. 94]: лабиализация, назализация, глоттализация.

«Лабиализация хорошо известна как один из способов выражения презрительного значения... символизм данного фонемоти́па определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоцию презрения. Презрение (как и отвращение) в значительной степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа и оттягивается верхняя губа (обнажая клык с одной стороны лица), нос поднимается кверху. Становится, таким образом, понятным использование лабиальных (наряду с носовыми) для звуко-символической передачи эмоции презрения и возникающего на этой основе пейоративного (уничижительного) значения» [Там же, с. 94–95].

Лабиализация, от латинского *labialis*, что в переводе означает «губной», представляет собой процесс огубления какого-либо звука, то есть произнесение звуков речи с «округлением вытянутых вперёд губ» [ЛЭС, 2002, с. 250].

Под лабиальными понимаются как собственно лабиальные, так и лабиализованные звуки.

Лабиализованными могут быть как гласные, так и согласные звуки. Существуют лабиальные (огубленные) гласные переднего, среднего и (чаще) заднего ряда; билабиальные и дентолабиальные согласные, которые образуются «полным или неполным сближением нижней губы с верхней губой или верхними зубами» [ССЛТ, 2001, с. 93], а также лабиовелярные и лабиокорональные согласные.

В русском языке лабиализуются гласные У, Ю, О, Ё, а также любые согласные, стоящие перед ними. Кроме того, лабиальными в русском языке являются согласные П, Б, Ф, В, М. В английском языке лабиализуются звуки [u], [w], [v], [ɔ:], [z:], [əv], [və], [p], [b], [m], [f], [v]. Лабиализованными графонами в английском языке мы будем считать U, W, Q, O, P, B, M, F, V.

Назализация, от латинского *nasalis* «носовой» [там же], означает приобретение звуком носового тембра при артикуляции вследствие прохождения воздуха через нос в той или иной степени. Носовыми согласными в русском языке являются сонорные М и Н. В английском – N, M, NG.

Назализацию можно сравнить с презрительным говорением в нос. Сама этимология выражения *говорить в нос* означает «произносить слова невнятно», «бубнить» (под нос), «гундосить» и несёт в себе оттенок презрительности, брезгливости, отвращения в отношении к собеседнику.

Глоттализация означает, что звуки образуются при смыкании голосовых связок, образуя так называемую «гортанную смычку», характерную, например, для немецкого языка, для кавказских и семитских языков.

Глоттальные звуки придают резкости языку, напоминают лающие звуки и могут звучать немного агрессивно для носителей языков, в которых таких звуков нет. В любом случае, глоттальные звуки – это горловые звуки, а горловой звук можно сравнить с имитацией позыва к рвоте. Такую реакцию вызывает всё то, от чего нас в прямом и переносном значении тошнит, нам неприятно, и мы проявляем к этому негативные эмоции.

Единственным глоттальным согласным в английском языке является звук [h], который графически передаётся графемой H. В русском языке собственно глоттальных согласных нет.

В своей монографии *Основы фоносемантики* С. В. Воронин использует термин *гуттуральные*, обобщив «группу артикуляций, происходящих в глубине речевого аппарата: в полости глотки ... и в области задней доли спинки языка и мягкого нёба» [Воронин, 2006, с. 237]. Он объединяет артикуляторно близкие глоттальные (фарингальные) с заднеязычными (велярными) в одну группу *гуттуральные*. Следовательно гуттуральными в английском языке являются графоны K, G, H, C, Q; в русском – К, Г, Х.

В монографии А. М. Газова-Гинзерга *Был ли язык изобразителен в своих истоках?* есть целый параграф, посвящённый «фонетической мимике отвращения». «Так называет Ф. Бруни мимику, дающую международную группу междометий, в русском языке представленную словами *фу!*, *фи!*, выражающую отвращение, в частности к дурному запаху». Происходят они от звука, с которым, по словам Бруни, «изгоняется прочь захваченный воздух из носа и рта». «В основном, конечно, действует нос; но так как в языках исторической эпохи очень редки глухие носовые фонемы, звук передаётся ротовым щелевым глухим, сходным с носовым тем, что осуществляется мягкими, однородными органами (губами). В арабском языке имеются междометия *uff*, *iff*, *aff* различающихся огласовкой, длительностью губного согласного и добавлением придыхания *h* или назализации на конце» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 31–33]. А. М. Газов-Гинзберг также говорит об участии лабиализации, назализации и щелевых (фрикативных) согласных в передаче значения отвращения.

Нам не известны специальные системные исследования, посвящённые звуко-символизму пейоративов в российской фоносемантике. Есть единичные упоминания связи лабиальности, назализации и глоттализации с пейоративностью у некоторых исследователей [Шляхова, 2003; Воронин, 2006; Пруцких, 2005; Пруцких, 2020].

В монографии С. С. Шляховой и А. С. Лобановой приведены примеры коми-пермяцких пейоративов, демонстрирующих связь пейоративного значения с узким гласным переднего ряда верхнего подъема *i*, с гласным среднего ряда среднего подъема *ö*, с начальным *b*, а также о связи акустических признаков глухости, лабиальности и велярности согласных с коми-пермяцкими пейоративами [Шляхова, 2012а].

Т. А. Пруцких провела фоносемантический анализ экспрессивных лексических единиц, выражающих отрицательно-оценочные значения, а также

фоносемантический анализ пейоративных китайских междометий с целью подтвердить звукосимволическую роль лабиальных звуков в выражении пейоративности. Полученные в ходе исследования результаты подтвердили, что лабиальные играют существенную роль в обозначении пейоративных значений [Пруцких, 2005; Пруцких, 2008а; Пруцких 2020].

Также следует упомянуть современные технологии (нейросети) в изучении языка, которые не относятся непосредственно к исследованию пейоративов, но могут служить весьма эффективным инструментом для их изучения. Так, «мимические сервисы» способны анализировать микроэкспрессии лица при восприятии речи, распознавая при этом базовые эмоции: радость, гнев, грусть, удивление, страх, отвращение, а также нейтральное состояние [Бобе, 2016; Бобе, 2018; Рогожникова, 2016; Рогожникова, 2020].

2.3. Исследование звукосимволизма пейоративности в зарубежной лингвистике

Сделав обзор англоязычной литературы по интересующей нас тематике, мы не обнаружили каких-либо специальных системных исследований фоносемантических способов репрезентации пейоративности.

Пейоративность (оценка *плохой, неприятный, отвратительный*) связана с признаками заднеязычность и лабиальность согласных [Miron, 1961; Wescott, 1971]. В английском и японском языке переднеязычные согласные символизируют *слабое* и *приятное*, а заднеязычные – *сильное* и *неприятное* [Miron, 1961]. Под лабиальными понимаются как собственно лабиальные, так и лабиализованные [Wescott, 1971]. При произнесении округлых гласных /ou/, /u/, сходных с русским /y/, губы вытягиваются, что (даже вне речевой деятельности) выражает плохое настроение, насмешку, презрение [Bally, 1950].

В английском и японском языке гласные переднего ряда символизируют *приятное*, а заднего ряда – *неприятное* [Miron, 1961].

Следует отметить, что пейоративная лексика практически не анализируется лингвистами за рубежом. Гораздо больший интерес вызывает табуированная лексика, ненормативная (нецензурная) лексика, бранные слова, ругательства (из разряда проклятий и богохульств), так называемые слуры (slurs) – расовые, ксенофобные, гомофобные эпитеты [Гладилин, 2022].

Нам удалось найти несколько работ, в которых говорилось о связи звуковой формы и значения в вышеперечисленных словах.

Существует связь между взрывными согласными *p, t, k* и значением грубости и резкости [Yardy, 2010; Nielsen, 2011]; согласные *g, k, t* имеют значение неприятных, а *l, m, n* – приятных [Yardy, 2010]; многие нецензурные слова и ругательства содержат в себе взрывные согласные, а именно *p, t, k* [Yardy, 2010; Nielsen, 2013; Lev-Ari, 2022]; нецензурная лексика содержит в себе большее количество взрывных, чем слова в норме [Yardy, 2010].

На наш взгляд фундаментальное исследование провёл В. J. Yardy [Yardy, 2010]. Он сравнил лексику из колыбельных (682 слова) и рождественских (829 слов) песен с бранной лексикой (437 слов) и словами из песен жанра *heavy metal* (887 слов). В результате получилось, что взрывные согласные и сонорные используются в языке по-разному. Бранные слова содержат в себе большее количество взрывных, нежели слова из колыбельных. В последних было отмечено большее количество сонорных согласных, которые несут в себе семантику «гладкости, нежности, плавности».

Исследование Е. Mandelbaum и S. Young [Mandelbaum, 2024] посвящено слуру. Целью работы было показать, что определённые фонемы являются неприятными и представлены в большем количестве, чем в норме, в слухах. Проведённые эксперименты показали, что велярные (заднеязычные) взрывные

k и *g* избыточно представлены в слухах; придуманные слова с этими звуками воспринимались испытуемыми как неприятные.

Хотим отметить ещё одно исследование, в котором авторы не стали определять, какие звуки есть в ругательствах. Они решили выяснить, какие звуки, наоборот, не ассоциируются с бранью. На выходе получили, что аппроксиманты (щелевые сонорные) типа *l*, *r*, *w*, *y* менее всего свойственны ругательствам в английском и родственных ему языкам [Lev-Ari, 2022].

Также в англоязычных источниках встречаются работы, посвящённые звуко-символической экспрессивной лексике без деления её на отрицательно или положительно окрашенную [Madureira & Camargo, 2010; Alderete, 2017; Madureira et al., 2019; Jouitteau, 2023]. Встречаются работы по изучению связи просодии и эмоционально окрашенных слов [Madureira & Camargo, 2010; Abelin, 2013; Madureia et al., 2019] (*emotional sound symbolism*) [Adelman et al., 2018].

Есть упоминание о связи назализации с негативным значением [Adelman et al., 2018] и о связи палатализации с эмоционально окрашенной лексикой (*expressive palatalization*) [Alderete, 2017].

В англоязычных источниках можно отметить прагматический характер исследований в области звуко-символических характеристик имени бренда.

Отмечается, что фрикативная /s/ в названиях торговых марок встречается значительно реже, чем по данным средней частотности [Schloss, 1981; Vanden Bergh, 1987; Vanden Bergh, 1990;]. Фрикативные также оценивались негативно в именах политических кандидатов и снижали возможности их избрания [Smith, 1998]. Аффрикаты в торговых марках *Merrill Lynch* и в *Gillette* характеризуются потребителями как неприятные [Johnson, 1964].

Анализ начальных фонем всех шведских торговых марок, зарегистрированных с 1885 г., показал, что начальные фонемы *pj-*, *fn-*, *nj-*, *fj-*, *gn-*, *sl-*, *vr-*, *bj-* с уничижительными коннотациями (*fnoskig* «глупый», *fnask*

«проститутка», *fnurra* «излом», *pjoskig* «брезгливый», *pjåkig* «потрёпанный», *pjoller* «бессмысленный разговор») почти никогда не встречаются в названиях брендов [Abelin, 2015].

2.4. Основные фоносемантические способы репрезентации пейоративности в различных языках

Обзор литературы по проблеме звуко-символизма пейоративов показал недостаточную изученность данного вопроса, хотя именно типологические исследования позволяют выявить абсолютные и относительные звуко-символические универсалии, которые составляют фундамент лингвистической иконичности.

В то же время в современных исследованиях звуко-символизм гласных и согласных рассматривается по шкалам *размер, форма, сила, активность, температура, оценка, вкус, цвет, свет, скорость* и др. Наиболее показательны по универсальности и объективированности звуко-символизма шкалы *размер, сила, оценка* [Шляхова, 2023]. Таким образом, звуко-символизм оценочности получает достаточное основание для выявления фоносемантических способов репрезентации пейоративности.

В области вокализма пейоративность символизируется признаками *заднерядность* и *лабиализованность*. Полученные данные показывают не всегда устойчивые связи определённого фонетического признака с семантикой пейоративности по различным языковым семьям (Таблица 1, Рисунок 1).

Однако можно выделить и устойчивые фоносемантические связи: понятие *плохой, неприятный* в английском, французском, корейском, японском, тамильском языках символизируются лабиализованным /U/ (Рисунок 1) [Шляхова, 2023].

Таблица 2 – Звукосимволизм согласных по шкале *оценка* [Левицкий, 2009]

Ранги согласных по шкале оценки (“неприятный – приятный”)

языки	р а н г и																							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
немецкий	pf	ts	x	tʃ	r	p	k	s	t	ʃ	f	ç	v	j	n	g	ŋ	b	z	d	l	h	m	
русский	х	ф	ш	ц	ж	с	п	г	з	к				т	ч	й	в	р	м	н	д	б	л	
украинский	х	дж	ч	д	дз	ф	ц	г	б	й			т	ж	р	ш	в	с	з	п	к	н	м	л
молдавский	п	ш	р	м	г	л	ц	н	ч	т				в	к	ж	б	х	з	ф	дж	д	с	
немецкий	x	s	ks	k	g	t	j	ts	p	ç	f		ʃ	g	b	ŋ	d	h	n	z	v	l	m	

Таким образом, в современной лингвистике определяются следующие фонотипы, связанные с символизацией пейоративности:

- 1) в области вокализма – *заднерядные* и *лабиализованные*;
- 2) в области консонантизма – *назальные, глоттальные (гуттуральные), фрикативные, взрывные, глухие, лабиальные и велярные (гуттуральные)*.

Выводы по главе

Обзор фоносемантических исследований показывает, что идея существования связи между звуковой формой и значением, т.е. звукосимволизма, всегда привлекала и до сих пор привлекает к себе пристальное внимание учёных, несмотря на доминирование в современной лингвистике принципа произвольности языкового знака.

Накопленный опыт позволяет проводить глубокое, системное, качественное, а самое главное более объективное изучение звукосимволизма, позволяет опираться на полученные ранее данные, сопоставлять их с новыми результатами исследований, учитывать удачный опыт и недочёты предшественников.

Тем не менее, мы видим значительные сложности, связанные с отсутствием взаимодействия в научном сообществе как внутри страны, так и с иностранными коллегами. Проведённый анализ показывает, что в российской фоносемантике сложилась хорошая теоретическая база, но достижения наших соотечественников не известны за пределами страны, что приводит к сложностям в терминологии и к сложностям в сопоставлении результатов. В западной лингвистике явление звуко-символизма изучается преимущественно экспериментально.

На сегодня нет единого мнения о природе порождения звуко-символизма, хотя большинство авторов сходятся в том, что основой этого феномена является синестезия (кросс-модальные соответствия и ассоциации).

Исследование звуко-символизма пейоративности на современном этапе явно не является научным мейнстримом. Имеющиеся данные отличаются несистемностью, недостаточным сопоставлением материала по языковым семьям, фрагментарностью, часто противоречивостью, что может быть связано с отсутствием единых методик анализа, нерепрезентативностью выборки и исследуемого материала и пр.

На данный момент в научной литературе представлены следующие данные: в области консонантизма к звуко-символическим признакам пейоративности относят *назализацию, глоттализацию (гutturальность), фрикативность, взрывность, глухость, лабиальность и велярность (гutturальность)*; в области вокализма – *заднерядность* и *лабиализованность*.

Данные позиции можно считать отправной гипотезой в нашем исследовании звуко-символизма пейоративов в русском и английском языках.

ГЛАВА II. Звукосимволизм пейоративов в русском и английском языках

В данной главе рассматривается понятие пейоративности и критерии отбора пейоративных единиц. В ходе системного подхода к материалу исследуются фоносемантические способы репрезентации пейоративности в русском и английском языках. Изучается наличие фоносемантической связи между фонетическими признаками и фонотипами и репрезентации пейоративного значения. Достижения коллег в изучении связи пейоративного, негативного и негативно-оценочного значения с определённой звуковой формой позволяют делать выводы об относительности универсальных свойств изучаемого звукосимволического значения и выделить специфические особенности по изучаемым языкам.

1. Понятие пейоративности

До сих пор в лингвистике «существуют такие понятия, которые при их широкой распространённости и даже банальности остаются расплывчатыми по объёму и нечёткими по содержанию» [Телия, 1981, с. 5]. Пейоративность является одним из таких феноменов.

Многие лингвистические словари и энциклопедии (например, лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой [ЛЭС, 2002]) не содержат определения понятий *пейоративность*, *пейоративный* или *пейоратив*.

Большинство словарей дают определение лишь прилагательному *пейоративный* и трактуют его как «содержащий отрицательную оценку, придающий неодобрительный оттенок значения» [ССЛТ, 2001].

Англо-русский словарь даёт следующие переводы слова *pejorative*:

- 1) слово уничижительного, пейоративного значения;
- 2) бранное слово. Глагол *pejorate* в переводе с английского значит «ухудшать» [Апресян, 1998]. В переводе с латинского *pejor* означает «худший» [НСИС, 2006].

Следовательно, под пейорацией можно понимать «ухудшение». Именно такую широкую трактовку даёт В. Д. Девкин. Он рассматривает пейорацию как «снижение в довольно широком смысле этого слова» [Девкин, 1976, с.178]. Можно предположить, что пейоративная лексика несёт в себе отрицательное (негативное) значение.

С другой стороны, если исходить из трактовки в словарной статье выше, понятие пейоративности содержит в себе ещё и отрицательную оценку, а оценка как «наиболее яркий представитель прагматического значения» [Арутюнова, 1988, с. 5] «предназначена для воздействия на адресата» с целью «вызвать у адресата определённое психологическое состояние» [там же, с. 44], повлиять на его взгляды, действия, поведение и т.п.

В случае с пейоративами – «ухудшить» адресата, «ухудшить» его состояние: унижить, унизить, оскорбить, принизить, осудить, задеть, обидеть, дать отрицательную (негативную) оценку.

Исходя из вышесказанного, приходим к выводу, что пейоративная лексика – это лексика с отрицательно-оценочным значением.

Подтверждение нашему предположению находим у В. И. Карасика: «В языке разграничивается отрицательное и отрицательно-оценочное значение. Первое имеет преимущественно логическую природу..., второе же является экспрессивно-эмоциональным или пейоративным значением» [Карасик, 1991, с. 268].

Ю. И. Левин под пейоративами понимает обценные выражения, «направленные на адресата, но не имеющие непосредственной прагматической цели, а лишь экспрессивную (выразить свое отношение к адресату) и

конативную (оскорбить) цель; они представляют собой «характеристики», причем пейоративные, т. е., если угодно, «ругательства в узком смысле слова» [Левин, 1998]. Ю. И. Левин считает, что у адресанта есть цель оскорбить адресата.

Подтверждение этой идеи находим у С. В. Воронина, который понимает под пейоративами уничижительные образования [Воронин, 2006], то есть унижительные, а значит оскорбительные.

В. М. Мокиенко считает, что пейоративы обладают инвективной функциональностью, то есть являются оскорбительными [Мокиенко, 1994].

В. И. Карасик тоже находит, что пейоративы выполняют функцию нанесения оскорбления, т.е. инвективы [Карасик, 1991].

Ю. И. Левин указывает на экспрессивность пейоративов, т.е. они помогают адресанту выразить своё эмоциональное состояние.

Об эмотивности пейоративов, т.е. их способности вызывать эмоциональную реакцию у адресата читаем у В. И. Карасика [Карасик, 1991] и В. И. Шаховского [Шаховский, 2012].

В англоязычной научной литературе встречаем следующие определения пейоративов: это выражения, при помощи которых говорящий выражает своё негативное отношение к человеку, группе людей или определённом положению дел [Tenchini, 2020]; это слова и фразы, которые имеют негативную коннотацию и предназначены для унижения и уничижения [Dinu, 2021]. Речь снова идёт о негативном значении, об оценке, унижении, уничижении, оскорблении.

Учитывая всё вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что пейоративы – это лексические единицы с негативно-экспрессивно-эмотивно-оценочным значением.

В рамках нашего исследования будем использовать термин *негативно-оценочное значение*, так как понятие негативной оценки предполагает, что она

может быть выражена с разной степенью экспрессивности и, соответственно, вызовет разную степень эмоциональной реакции адресата.

Степень экспрессивности и степень эмотивности зависят от социального положения, уровня образования, уровня воспитания и пр., что В. И. Карасик называет социальным статусом [Карасик, 1991].

Мы также считаем, что экспрессивность и эмотивность зависят от типа нервной системы, уровня развития эмоционального интеллекта, физического и психологического состояния человека в момент речевого взаимодействия.

В лексике с негативно-оценочным значением мы выделяем две основные группы, которые в равной мере можно отнести к пейоративам:

1) язык ненависти, словесная агрессия, речевая агрессия, вербальная агрессия, оскорбительные выражения [Кудисова, 2014; Dinu, 2021], оскорбления, ругательства, вульгаризмы, инвектива, которые могут представлять собой и обценную лексику (нецензурная, ненормативная лексика, мат, бранные слова);

2) более или менее «приличные», допустимые, но нежелательные слова и выражения с отрицательно-оценочным значением (*squint* «косоглазый», *fool* «дурак», *lame* «отсталый», *lickspittle* «подхалим», *losel* «ничтожество», *malkin* «чучело», *taurpole* «каланча», *numskull* «олух» и т.п.), которые, однако, могут быть не менее уничижительными и оскорбительными, чем слова первой группы (например, зоометафоры рус.: *амёба*, *баран*, *вобла*, *выдра*, *гадюка*, *гнида*, *динозавр*, *дятел*, *жаба*, *индюк*, *кабан*, *клуша*, *кобель*, *козёл*, *корова*, *крыса*, *курица*, *лось*, *моль*, *мышь*, *олень*, *осёл*, *попугай*, *свинья*, *слизняк*; англ.: *bear*, *bull*, *cow*, *coyote*, *crab*, *duck*, *frog*, *goat*, *goose*, *jackal*, *jellyfish*, *lizard*, *lobster*, *louse*, *oyster*, *parrot*, *pig*, *rat*, *reptile*, *shrimp*, *skunk*, *snail*, *snake*, *swine*, *toad*, *worm* и т.п. по отношению к человеку).

Более дробная классификации пейоративов нецелесообразна, т.к. не влияет на полученные результаты на данном этапе исследования.

Наше исследование ограничивается лексикой второй группы по нескольким причинам: лексика первой группы

1) является неоднозначной с точки зрения семантики и состава коннотаций;

2) далеко не всегда является оскорбительной и уничижительной;

3) в английском языке отсутствуют слова с такой высокой степенью табуированности, как, например, русский мат.

Лингвисты отделяют понятия *ненормативная* и *обсценная* лексика, однако грань между ними весьма размыта, что предполагает рассмотрение употребления «плохого» слова в каждом конкретном случае.

Термины *бранная* и *обсценная* лексика понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: не всё бранное обсценно и, наоборот, не всё обсценное – бранно. Брань – это оскорбительные, бранные слова, ругань, а обсценная лексика «представляет собой самобытный пласт лексики, включающий вульгарные, грубые бранные выражения, как правило, выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную» [Сундуева, 2016, с. 49] и неприятную ситуацию.

Главный признак, неразрывно связывающий две эти лексические группы, – эмоционально-экспрессивная реакция на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т. п.

Обсценную лексику отличает свойство табуированности; при замене обсценной лексики «допустимыми» словами, в том числе эвфемизмами, эффект эмоциональной разрядки снижается [Stapleton, 2022].

Бранные слова и выражения заключают в своей семантике, в экспрессивной окраске интенцию говорящего или пишущего в резкой и циничной форме унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, т.е. быть использованным как средство речевой агрессии.

Обценные слова применяются обычно в нестандартной ситуации как средство эмоциональной разрядки [Михайлин, 2005].

Вопросы, связанные с употреблением ненормативной (нецензурной) лексики, обычно являются сложными, поскольку нецензурная речь не всегда является оскорблением.

Использование мата считается неприемлемым в приличном обществе и обычно цензурируется (отсюда *нецензурная лексика*) в периодической печати, на телевидении, радио, Интернете и пр.

Речевая практика показывает, что употребление нецензурной брани в официальном пространстве обычно воспринимается как оскорбление, на что, в частности, указывают статьи ГК РФ, предусматривающие законодательную ответственность за употребление нецензурных слов в публичных местах.

Однако современный языковой узус отмечен активностью обценной лексики, которая функционирует не только в бытовом, но и в публицистическом, политическом и художественном пространстве.

Лингвисты рассматривают концептуальную и символическую составляющую слов *ж.па, х.й, п.зда* как элемент русского национального сознания [Успенский, 1994; Буй, 1995; Плущер-Сарно, 2005], как наивное, естественное понимание окружающего мира, принцип естественной категоризации реальности (А. Вежбицка). Проще говоря, эти понятия являются принципиальным для русского сознания в описании и понимании окружающей действительности.

По мнению Б. А. Успенского, брань, ругань — форма речевого поведения, наделяемая магической силой. Матерная Брань, с одной стороны, табуирована, с другой — ритуализована в семейных, календарных и земледельческих обрядах [Успенский, 1994].

О магической силе брани читаем у Е. В. Сундуевой: «по своему первоначальному смыслу брань является не оскорблением, а, скорее,

заклинанием, заклятием, проклятием». В бурятских языках брань «можно встретить в шаманских призываниях, связанных с продолжением человеческого рода и избавлением от бесплодия» [Сундуева, 2016, с. 52, 49].

В народном сознании и фольклоре упомянутые слова не всегда рассматриваются как нечто отрицательное, часто это что-то весёлое, шутовское, озорное, ироничное, хулиганское, эмоциональное и пр.

Так, в функции междометия: выражение восхищения, удивления, недоумения и пр. в идиоме *Ни х.я себе!*; в частушках *Я посватался к милашке – Её папаша отказал. После этого я туго х.й на узел завязал; Я не знаю, как у вас, а у нас в Орехове п.зда в шляпе, х.й в очках на такси приехали* и пр.

Подобные слова выполняют функцию сложных культурно значимых символов, что, вероятно, и обуславливает частотность обценных выражений в русской речи. Другими словами, нецензурная лексика входит не только в русскую бытовую, но и культурную традицию.

Данные слова используются не по прямому назначению (речевая агрессия), а часто выступают в функции экспрессивов, а также стандартных (стереотипных) моделей, которые наиболее типичны для недостаточно развитой или экспрессивной языковой личности, поскольку эти слова и их производные имеют широкозначную семантику: могут обозначать: (1) предмет или вещь (например, *что это за х.ёвина?*); (2) человека (например, *Мне встреча с тобою многого стоила: папашки, двух одичалых к сегодняшнему дню бывших моих супругов и ещё сотни прочих х.ёв... В. Ерофеев. Красавица; х.й в очках; старый х.й*); (3) отсутствие чего-кого-либо (*ни х.я*); (4) являться фатическим шутовским панибратским приветствием (например, *Здравствуй-здравствуй, х.й мордастый!*); могут употребляться в значении: (5) «ничего / никого не» (например, *х.й он там, х.й выиграл*); (6) «вряд ли», «ни за что» (*С такой красивой женщиной меня лично х.й бы вынули из постели раньше обеда... Э. Лимонов. Это я, Эдичка*); (7) «нет» (*О`кей, предположим худший*

вариант: «они» меня, да, депортируют. Но куда? В Советский Союз? Х.й-то. «Они» на это не пойдут. Э. Лимонов. Между) и пр.

Например, в современном русском нелитературном языке сочетание *Меня всё за.бало* имеет множество значений, конкретное значение которого может быть выявлено только в конкретном речевом контексте: (1) для выражения усталости, утомления, нежелания продолжать какое-либо действие; (2) для выражения категорического нежелания выполнять чьи-либо требования; действовать в соответствии с чьими-либо правилами; (3) для выражения презрения к чужому мнению, нежелания с ним считаться; (4) для выражения нежелания вступать в информационный контакт и иметь какие-либо совместные дела с кем-либо; (5) как просьба перестать требовать что-либо от говорящего и временно прекратить речевой контакт с собеседником; (6) как требование прекращения каких-либо нежелательных действий; (7) для выражения категорического отказа подчиниться чьим-либо требованиям; выполнять чьи-либо просьбы, предложения, приказы и пр.

В подавляющем большинстве своих функций русский мат не может рассматриваться как оскорбление. Функции мата, не имеющего целью оскорбить адресата, следующие: (1) средство выражения профанного начала, противопоставленного началу сакральному (фольклор, заговоры, ритуалы и пр.); (2) катартическая (психологическая разрядка); (3) средство установления контакта между равными людьми; (4) средство дружеского подтрунивания или подбадривания; (5) «дуэльное» средство; (6) криптолалическая функция (как пароль); (7) для самоподбадривания или самоуничижения; (8) презентовать себя «человеком без предрассудков»; (9) реализация «элитарности культурной позиции через её отрицание»; (10) символ сочувствия угнетённым классам; (11) нарративная группа (привлечение внимания); (12) апотропеическая функция («сбить с толку»); (13) магическая функция (заговоры, проклятья и пр.); (14) демонстрация половой принадлежности говорящего; (15) эсхрологическая

функция (ритуальная инвективизация речи, например, в деструктивных сектах); (16) в психоанализе применяется для лечения нервных расстройств; (17) патологическое сквернословие; (18) инвектива как искусство; (19) инвектива как бунт; (20) деление на разрешённые и неразрешённые группы (в «блатной музыке» (воровском языке); (21) как междометие и пр. [Жельвис, 1997].

Таким образом, бранная обценная лексика не включается в материал нашего исследования по причине её символической, магической, культурной и семантической «широкозначности» и зависимости от контекста.

Следует отметить также, что любая языковая единица может нести пейоративное значение в зависимости от контекста (например, в иронии). «Оскорбление может быть нанесено даже с помощью слов с положительной коннотацией, употреблённых в определённом контексте» [Ковалевская, 2007].

В. И. Шаховский отмечает ситуативную трансформацию отрицательного мотива в положительный, но, как представляется, такая трансформация может быть детерминирована и чисто индивидуальными средовыми факторами, «поскольку за употреблённым словом... стоит говорящий и ситуация общения» [Шаховский, 2016; Пищальникова, 2022].

Н. П. Сюткина выделяет «диффузную группу эмотивных каузативов», которые обладают широким семантическим потенциалом и способны, в зависимости от контекста, выражать как положительные, так и отрицательные эмоции, либо те и другие одновременно [Сюткина, 2020].

Мы опирались на дефиницию слова в словарях.

2. Интенсивность и градуальность в семантике

Экспрессивная семантика и оценка связаны с категориями *интенсивности* и *градуальности*. В исследовании звуко-символических

функций следует говорить о степени интенсивности и градуальности в проявлении фоносемантического признака.

Интенсивность связана не с любой количественной характеристикой явления, а только с той, которая демонстрирует отклонение от «нормальной меры», зоны нормативности, и вследствие этого воспринимается говорящими иначе, чем обычное, соответствующее некоторой норме, или мере, явление [Лукьянова, 1986].

Ю. Л. Воротников говорит о «мере признака» [Воротников, 1987]. Мера указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества и наоборот. Переход количественных изменений в качественные вскрывает наиболее общий механизм развития [Савичева, 2016].

Ш. Балли считал, что «под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идёт ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [Балли, 1961, с. 202. Цит. по: Егорова, 2009, с. 224].

Категория интенсивности тесно связана с категорией *градуальности* и представляет собой, как и соотносящаяся с ней категория оценки, функционально-динамическую переходную область между категориями количества и качества [Самсонова, 2013; Ершова, 2017].

Э. Сепир выделял логический, психологический и лингвистический типы градуирования с несколькими подтипами и обосновал такие понятия, как *точка отсчета (норма)* при градуировании, *градуальная шкала*, полюса градуальной шкалы [Сепир, 1985]. Градуирование возможно только при условии существования нормы и количественных характеристик. Также Э. Сепир отмечал значимость эмоциональной компоненты в категории градуирования.

З. Б. Долгих указывает на необходимость дифференциации понятий *интенсивность* и *градуальность*, несмотря на то, что обеим категориям сопутствуют показатели меры и степени, причём без соотнесения с нормой ни

градуальность, ни оценка невозможны. Средства *градуирования* – это средства, которыми оперируют носители языка, давая оценку фактам окружающей их действительности. *Интенсивность, эмоциональность, экспрессивность, компаративность, оценка / оценочность* – это содержательные составляющие градуальности [Долгих, 2020, с. 9–10].

Н. Д. Федяева в операции градуирования выделяет *субъект и объект градуирования, градуальный признак, шкалу градации* и считает, что данная категория характеризуется структурой «поля», ядром которого выступают степени сравнения и наречия меры и степени [Федяева, 2003, с. 18].

Понятие *градуальность* впервые было введено Н. С. Трубецким при установлении оппозиционных отношений в фонологии. При этом акцент делался на разную степень проявления одного и того же признака [Долгих, 2016].

Считаем правомерным рассматривать категории *интенсивность* и *градуальность* как инструменты описания степени проявления звукосимволических функций фонетических признаков и фонотипов.

С целью моделирования операций градуирования будем использовать *шкалу градуальности*, которая значительно облегчает классификацию и визуализацию расположения графонов, фонетических признаков и фонотипов как градуальных операторов.

Градуальными признаками выступают звукосимволические функции графонов, фонетических признаков и фонотипов, которые получают количественную оценку по отношению к языковой норме, что позволяет поместить эти показатели на шкалу градации.

Целесообразно также, на наш взгляд, рассмотреть систему фонотипов, символизирующих пейоративность в исследуемых языках, как полевою структуру с выделением ядра, околоядерной зоны и периферии.

3. Материал исследования

Выборка *русских пейоративов* составила 2 134 единицы (Приложение А), которые были отобраны из русскоязычных лексикографических источников (см. Список словарей и источников) методом сплошной выборки (*квасить, квашня, квольй, клоака, клоун, клуша, клюшка, хлам, хлебало, хлыщ, хлюпик, хлюст, фраер, фрик, фря, хрень, хроник, хрыч, заморыш, замухрышка, зануда, занюханный* и т.п.).

Критериями отбора послужили словарные пометы *разговорное сниженное / разговорно-сниженное, ироническое, насмешливое, снисходительное, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, грубое / грубо, бранное / бранно, вульгарное, нецензурное, обычно с оттенком порицания, обычно с оттенком пренебрежительности* и т.п., которые указывают на наличие в слове пейоративных (негативно-оценочных) коннотаций, а также дефиниции слов.

Общее количество употреблений русских графонов – 15 116.

Выборка *английских пейоративов* составила 1 596 единиц (Приложение Б), которые были отобраны из англоязычных лексикографических источников (см. Список словарей и источников) методом сплошной выборки (*bazoo* «брехня», *boozer* «пьяница», *buzzard* «глупец», *drizzle* «страхолюдина», *grizzler* «нытик», *lazybones* «лентяй», *abject* «жалкий», *jaboney* «мужлан», *jellyfish* «размазня», *jerk* «ничтожество», *jughead* «глупец», *killjoy* «брюзга», *hempseed* «мошенник», *lobster* «неуклюжий», *looby* «дурень», *lubber* «увалень», *lump* «чурбан», *tumper* «попрошайка», *mushroom* «выскочка», *poop* «олух», *klutz* «недотёпа», *palooka* «слабак», *pizz* «пьяный», *quack* «шарлатан», *quibbler* «придира», *scabby* «подлый», *squeezable* «тряпка»; *egg-sucker* «подхалим», *fake* «мошенник», *gawk* «остолоп», *gonzo* «сумасшедший», *gook* «подонок», *guck*

«мразь», *pickthank* «подхалим», *fool* «дурак», *lickspittle* «подхалим», *loasel* «ничтожество», *malkin* «чучело», *taupole* «каланча», *numskull* «олух» и т.п.).

Критериями отбора послужили словарные пометы *derogatory*, *pejorative*, *ironic*, *informal*, *offensive*, *disapproving*, *slang*, *taboo*, *cant*, *Beggars' Cant*, *Gipsy Cant*, *Thieves' Cant*, *Prison Cant*, *underworld*, *prison*, *criminal*, *jail* и т.п. при наличии пейоративных коннотаций, а также само толкование слова, определяющее его значение как негативно-оценочное.

Общее количество употреблений английских графонов – 10 796.

Общий массив исследования для установления звукосимволических универсалий в русском и английском языках составил 25 912 употреблений графонов в составе пейоративов.

Общеизвестные проблемы стилистического описания лексики в словарях (особенно англоязычных) – *отсутствие стилистических помет, непоследовательность и противоречивость в их использовании, разногласия, связанные с выделением стилистических помет и их иерархии, расхождение помет в словарях применительно к одному и тому же слову, даже при наличии сходного толкования* – обусловлены в значительной степени нерешённостью ряда важнейших проблем стилистики, различными подходами к классификации стилистических атрибутов, с достаточно быстрыми изменениями в области стилистических норм, а также несовпадением авторских интерпретаций в области функционирования самого слова, т.к. составители, вероятно, наполняют разным содержанием сами пометы [Ускова, 2015].

Всё это существенно затрудняет атрибуцию пейоративов как материала исследования. При этом все отобранные единицы наделены отрицательно-оценочным значением и передают следующий спектр эмоций человека: *пренебрежение, негодование, неодобрение, порицание, иронию, отвращение, омерзение, брезгливость, неприязнь, антипатию, укоризну, презрение,*

раздражение, разочарованность, неудовлетворённость, злобу, гнев, упрёк, недовольство, отрицательное отношение к чему-либо или кому-либо.

Особо следует отметить проблему лексикографической интерпретации фоносемантически маркированной (звукосимволической) лексики, в частности, принципы отбора языкового материала для словаря, отражение в словарном толковании коннотаций, связанных с фонетическим значением. Значение звукосимволического слова имеет усложнённую структуру и содержит, помимо денотативных и коннотативных сем, фоносемантический компонент коннотации, представленный комплексом дополнительных, «надстроечных» по отношению к его понятийному значению эмоционально-экспрессивно-оценочных ассоциаций [Ваулина, 2020; Ваулина, 2020а].

Вероятно, здесь необходима лексикографическая практика, включающая не только фоносемантические, но и собственно психолингвистические, в том числе экспериментальные, подходы к описанию звукосимволического слова.

Так, Т. М. Рогожникова предлагает ранжирование эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель, на основе мимических признаков при помощи прикладных программ [Рогожникова, 2016; Рогожникова, 2020]. В. А. Пищальникова рассматривает вербальный ассоциативный эксперимент как эффективный метод определения лексического значения и его динамики [Пищальникова, 2023; Пищальникова, 2023а].

Подобные инструменты представляются весьма перспективными для развития теории и практики лексикографического описания звукосимволических пейоративов.

4. Методика исследования

Методика исследования звукосимволических признаков пейоративности включает следующие этапы.

1. В общем массиве отобранных пейоративных единиц было подсчитано общее количество графонов и частота использования каждого графона по отдельности.

2. Для каждого графона была определена частотность. Расчёт осуществлялся по следующей формуле:

$$\text{Freq}_x = Q_x / Q_{\text{all}},$$

где Freq_x – частотность графона «х», Q_x – количество употреблений графона «х», Q_{all} – общее количество употреблений всех графонов в выборке.

Далее полученные величины умножались на 100. Точность вычисления – два знака после запятой.

3. Полученные результаты были сопоставлены со средней частотностью употребления графем в каждом из языков:

1) для *русского языка* на основании данных [Прокофьева, 2007; Пилиди, 2009; Ляшевская, 2009]².

2) для *английского языка* на основании данных [Leland, 2000; Прокофьева, 2007; Пилиди, 2009].

4. На следующем этапе вычислялось, насколько чаще использовались графоны в пейоративных единицах по сравнению с графонами в норме.

5. Достоверность и значимость различий полученных результатов проверялись при помощи многофункционального статистического критерия – критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера)³. В нашем случае оценивались

² Несмотря на то, что в своей монографии Л.П. Прокофьева [Прокофьева, 2007] приводит частотность именно графонов, в качестве отправной точки всех подсчётов и сопоставлений было решено использовать данные взятые из частотного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, 2009], поскольку у Л.П. Прокофьевой не указана частотность графона Ё.

³ Данный критерий предназначен для сравнения и оценки достоверности различий между процентными долями двух выборок, в которых зарегистрирован интересующий исследователя эффект.

достоверность и значимость увеличения частоты использования графонов в пейоративах (выборка 1) относительно нормы (выборка 2), где H_0 – значимость звукосимволического эффекта в выборке 1 не больше, чем в выборке 2; H_1 – значимость эффекта в выборке 1 больше, чем в выборке 2.

Полученные данные при расчёте φ^* распределяются на оси значимости по трём зонам – зона значимости ($\varphi^*_{\text{эмп}} \geq 2,31$), зона неопределённости ($\varphi^*_{\text{эмп}}$ от 1,64 до 2,31), зона незначимости ($\varphi^*_{\text{эмп}} \leq 1,64$) [Сидоренко, 2002]. Чем больше значение $\varphi^*_{\text{эмп}}$, тем различия статистически значимы, и значимость (выраженность) звукосимволического эффекта существенна.

6. На основании критерия $\varphi^*_{\text{эмп}}$ в зоне значимости устанавливалась степень интенсивности проявления звукосимволического потенциала каждого графона.

7. На основании критерия $\varphi^*_{\text{эмп}}$ графонов в зоне значимости была построена шкала градуальности проявления степени интенсивности звукосимволической значимости графонов, отражающая их звукосимволический потенциал для репрезентации пейоративности.

8. Далее графоны, вошедшие в зону значимости и в зону неопределённости, классифицировались по фонетическому признаку. На основании критерия $\varphi^*_{\text{эмп}}$ также строилась шкала градуальности проявления степени интенсивности звукосимволической значимости фонетических признаков.

9. На основании полученных данных были выделены фонотипы, которые играют значимую роль в символизации пейоративности в русском и английском языках, и определялась шкала их градуальности на основании критерия $\varphi^*_{\text{эмп}}$.

10. Шкала градуальности фонотипов позволила представить фонотипную структуру фоносемантического поля пейоративности в русском и английском языках.

11. В результате были установлены относительные универсалии в символизации пейоративности для русского и английского языков, которые проявляются в изоморфизме и алломорфизме звуко-символизма пейоративности в двух языках.

5. Звуко-символизм пейоративов в русском языке

5.1. Русские графоны в символизации пейоративности

Частотность графонов в русских пейоративах по отношению к норме представлена на Рисунке 2 и в Таблице 3.

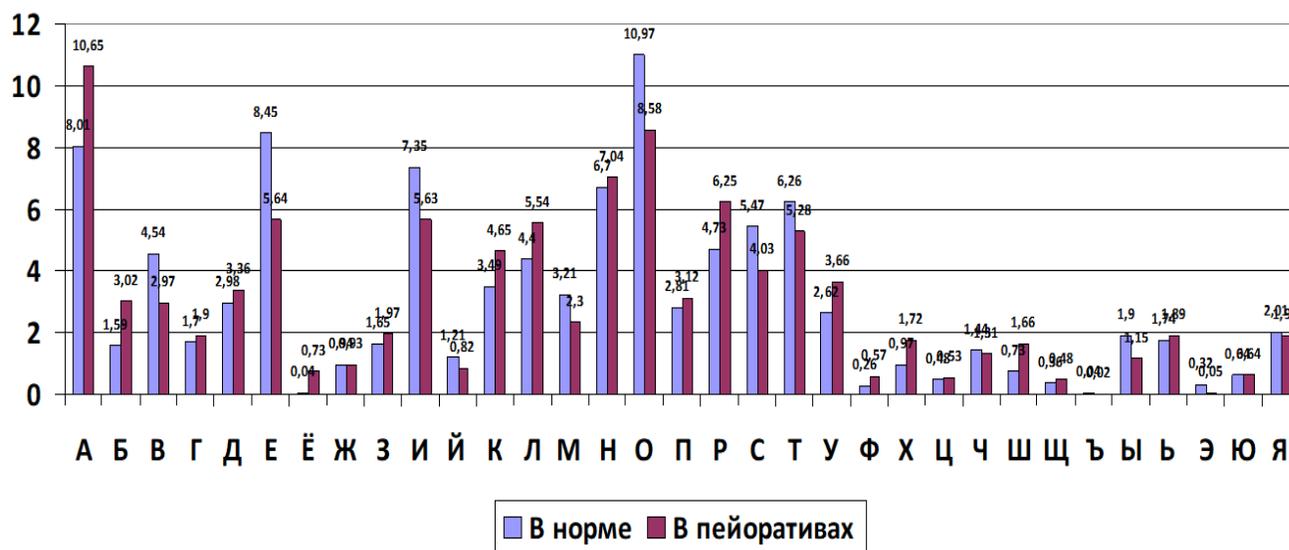

Рисунок 2 – Частотность русских графонов в норме и в пейоративах (%)

В Таблице 4 представлено, насколько чаще использовались графоны в пейоративных единицах по сравнению с графемами в норме.

Таблица 3 – Частотность графонов в норме и в пейоративах в русском языке (%)

Графон	Частотность графонов в пейоративах	Частотность графем в норме по НКРЯ	Частотность по В.С. Пилиди в норме	Частотность графонов по Л. П. Прокофьевой
А	10,65	8,01	7,92	9,5
Б	3,02	1,59	1,71	1,8
В	2,97	4,54	4,33	3,9
Г	1,90	1,70	1,74	1,5
Д	3,36	2,98	3,05	3,7
Е	5,64	8,45	8,41	8,9
Ё	0,73	0,04	–	–
Ж	0,93	0,94	1,05	0,8
З	1,97	1,65	1,75	1,5
И	5,63	7,35	6,83	5,6
Й	0,82	1,21	1,12	1,3
К	4,65	3,49	3,36	3,3
Л	5,54	4,40	5,00	3,7
М	2,30	3,21	3,26	3,2
Н	7,04	6,70	6,72	6,4
О	8,58	10,97	11,08	10,4
П	3,12	2,81	2,81	2,6
Р	6,25	4,73	4,45	3,8
С	4,03	5,47	5,33	4,9
Т	5,28	6,26	6,18	7,5
У	3,66	2,62	2,80	2,9
Ф	0,57	0,26	0,19	0,3
Х	1,72	0,97	0,89	0,9
Ц	0,53	0,48	0,36	0,4
Ч	1,31	1,44	1,47	2,0
Ш	1,66	0,73	0,81	1,2
Щ	0,48	0,36	0,37	0,3
Ъ	0,02	0,04	0,02	–
Ы	1,15	1,90	1,96	1,6
Ь	1,89	1,74	1,92	–
Э	0,05	0,32	0,38	0,5
Ю	0,64	0,64	0,61	0,6
Я	1,91	2,01	2,13	2,4

Согласно полученным данным, максимально выше нормы в пейоративах встретился лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъёма [о] в Ё (*амёба, губошлён, кошёлка, недотёпа, осёл, пустобрёх, рёва*). Кратность

употребления графона к норме составила 18,25 раз, прирост частоты использования +1725% (Таблица 4).

Таблица 4 – Увеличение частотности графонов в русских пейоративах (%)

Графон	Частотность графонов в пейоративах	Частотность графем в норме по НКРЯ	Увеличение частотности графона в пейоративах
А	10,65	8,01	+32,96
Б	3,02	1,59	+89,94
В	2,97	4,54	нет увеличения
Г	1,90	1,70	+11,76
Д	3,36	2,98	+12,75
Е	5,64	8,45	нет увеличения
Ё	0,73	0,04	+1725
Ж	0,93	0,94	нет увеличения
З	1,97	1,65	+19,39
И	5,63	7,35	нет увеличения
Й	0,82	1,21	нет увеличения
К	4,65	3,49	+33,24
Л	5,54	4,40	+25,91
М	2,30	3,21	нет увеличения
Н	7,04	6,70	+5,07
О	8,58	10,97	нет увеличения
П	3,12	2,81	+11,03
Р	6,25	4,73	+32,14
С	4,03	5,47	нет увеличения
Т	5,28	6,26	нет увеличения
У	3,66	2,62	+39,69
Ф	0,57	0,26	+119,23
Х	1,72	0,97	+77,32
Ц	0,53	0,48	+10,42
Ч	1,31	1,44	нет увеличения
Ш	1,66	0,73	+127,40
Щ	0,48	0,36	+33,33
Ъ	0,02	0,04	нет увеличения
Ы	1,15	1,90	нет увеличения
Ь	1,89	1,74	+8,62
Э	0,05	0,32	нет увеличения
Ю	0,64	0,64	нет увеличения
Я	1,91	2,01	нет увеличения

Данные по Ё пока не получают убедительную интерпретацию, поскольку отдельно (вне состава Ё) звуки, стоящие в разных позициях, образующие Ё – [j] и [o], [ʼo] не показывают звуко-символической значимости в пейоративах, что требует отдельного исследования. Возможно, с этим связано отсутствие данных по Ё в [Прокофьева, 2007].

Считаем необходимым исключить данные по Ё из дальнейших умозаключений и выводов. Однако эти данные можно учитывать при определении фонетического признака как лабиализованность.

Глухой фрикативный шипящий **Ш** (*шавка, шалопай, шаромыга, швабра, шукура, шляпа, ушлёпок*) встретился в отобранных единицах в 2,3 раза чаще нормы. Прирост частоты использования графона составил +127,4%.

Глухой лабио-дентальный фрикативный **Ф** (*фуфло, фрик, фифа, финтифлюшка, профурсетка, простофиля, аферист*) встретился в отобранных единицах в 2,2 раза чаще нормы. Прирост частоты использования графона составил +119,23%.

Звонкий билабиальный взрывной **Б** (*балабол, балбес, балда, барыга, обормот, бревно, гоблин, зубоскал, каблук, лоботряс*) – в 1,9 раза. Прирост частоты использования – +89,94%.

Глухой велярный фрикативный **Х** (*хрыч, хмырь, брехло, доходяга, лох, нахал, охламон, пройдоха*) – в 1,9 раза чаще нормы. Прирост частоты его использования составил +77,32%.

Из Таблицы 4 видно, что ещё 13 графонов показали увеличение частоты использования в пейоративных единицах относительно нормы в пределах от 5,07% до 39,69%. Все различия были проверены на достоверность и значимость при помощи критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера). Результаты вышерассмотренных высокочастотных графонов (Ш, Ф, Б, Х), показавших существенные различия, тоже были проверены на достоверность (Таблица 5).

Таблица 5 – Значимость частотности русских графонов в пейоративах:
критерий φ^*

Графон	Значение $\varphi^*_{эмп}$	Уровень значимости	Вывод
А	3,076	в зоне значимости	H_0 отвергается
Б	7,585	в зоне значимости	H_0 отвергается
Г	1,152	в зоне незначимости	H_1 отвергается
Д	1,238	в зоне незначимости	H_1 отвергается
З	1,843	в зоне неопределённости	H_0 отвергается
К	3,078	в зоне значимости	H_0 отвергается
Л	2,423	в зоне значимости	H_0 отвергается
Н	0,486	в зоне незначимости	H_1 отвергается
П	1,068	в зоне незначимости	H_1 отвергается
Р	2,984	в зоне значимости	H_0 отвергается
У	3,656	в зоне значимости	H_0 отвергается
Ф	9,69	в зоне значимости	H_0 отвергается
Х	6,641	в зоне значимости	H_0 отвергается
Ц	1,026	в зоне незначимости	H_1 отвергается
Ш	10,248	в зоне значимости	H_0 отвергается
Щ	3,078	в зоне значимости	H_0 отвергается
Ь	0,858	в зоне незначимости	H_1 отвергается

Из Таблицы 5 видно, что критерий φ^* в зоне значимости колеблется от 1.843 до 10.248, что позволяет говорить об интенсивности проявления признака в русских графонах, символизирующих пейоративность.

На основании критерия $\varphi^*_{эмп}$ в зоне значимости установим степень интенсивности и построим шкалу градуальности (степень проявления признака) звукосимволического потенциала в репрезентации пейоративности каждого графона (Рисунок 3).

Наибольшим звукосимволическим потенциалом для репрезентации пейоративности в русском языке обладают графоны Ш, Ф, Б и Х; наименьшим – Л и З (находится в зоне неопределённости).

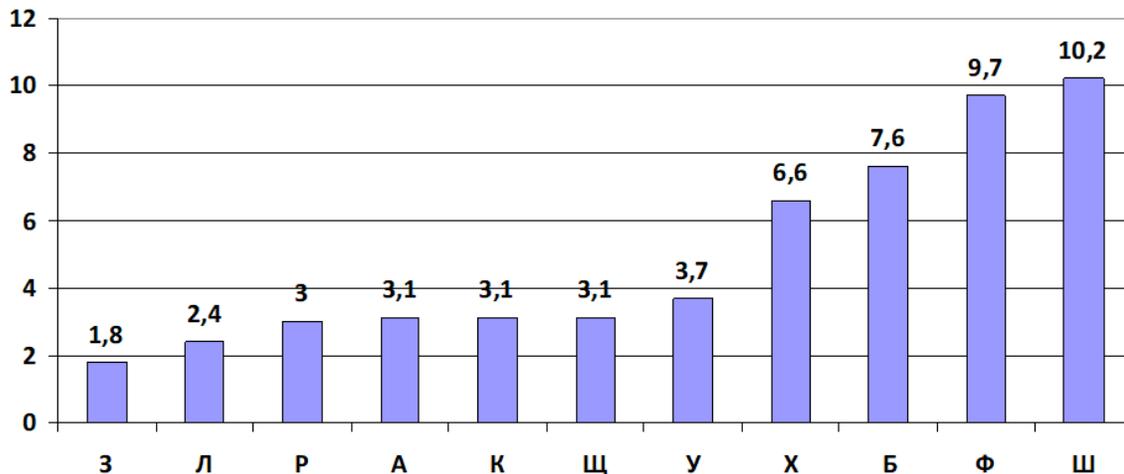

Рисунок 3 – Шкала градуальности фоносемантического потенциала русских графонов в символизации пейоративности на основе $\varphi^*_{эмп}$

Проверка на достоверность и значимость увеличения частоты использования графонов в пейоративах показала существенную разницу для следующих 11 графонов: А, Б, З, К, Л, Р, У, Ф, Х, Ш и Щ. Они были сгруппированы по значимым для нашего исследования фонетическим признакам (*лабиализованность, взрывность, фрикативность, веларность* и др.) и сопоставлены с нормой.

Остальные русские графоны либо соответствуют норме, либо имеют показатели ниже нормы, либо имеют несущественное увеличение по отношению к норме частотности.

5.2. Фонетические признаки в символизации пейоративности

11 графонов, которые показали достоверную и значимую повышенную частотность в русских пейоративах были сгруппированы по следующим гипотетически значимым для нашего исследования фонетическим признакам: *лабиализованность гласных (У), нелабиализованность гласных (А),*

лабиализованность согласных (Б, Ф), звонкость (Б, З), глухость (К, Ф, Х, Ш, Щ), взрывность (Б, К), сонорность (Л, Р), фрикативность (З, Ф, Х, Ш, Щ), фрикативность шипящих («шипящность») (Ш, Щ), фрикативность свистящих («свистящность») (З), гуттуральность (К, Х), латеральность (Л), дрожание (Р), переднеязычность (З, Л, Р, Ш, Щ) (Рисунок 4).

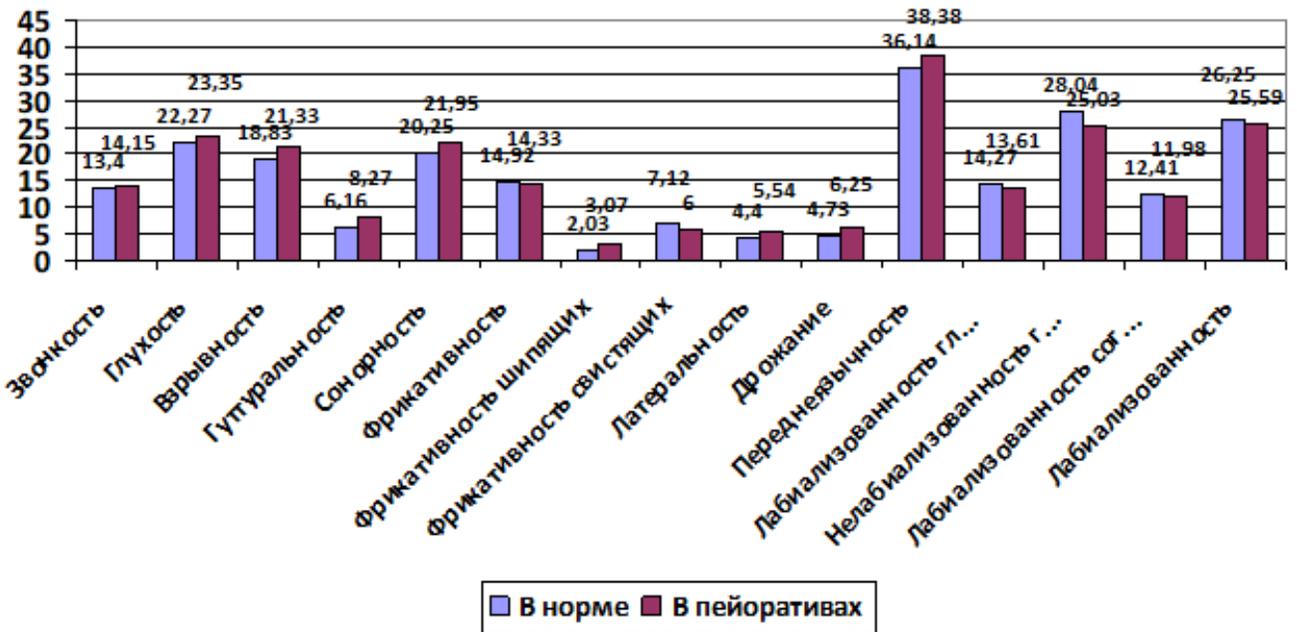

Рисунок 4 – Частотность фонетических признаков в русских пейоративах (%)

Следует отметить, что выделение лабиализованности отдельно в вокализме и консанантизме, так же как и выделение фрикативности шипящих и свистящих преследует наш научный интерес – посмотреть разницу и степень участия конкретного узко определённого фонетического признака в процессе пейоратизации.

Отметим, что вопрос о лабиализованности как символизации пейоративности, как выяснилось, требует отдельного изучения с учётом О под ударением в Ё.

К гуттуральным мы, вслед за С. В. Ворониным, относим группу артикуляций, происходящих в глубине речевого аппарата: в полости глотки (фарингальные, глоттальные) и в области задней доли спинки языка и мягкого нёба (заднеязычные) [Воронин, 2006].

Частота встречаемости фонетического признака в пейоративах была сопоставлена с частотой в норме (Рисунок 4).

Все превышения значений были проверены на достоверность и значимость при помощи углового преобразования Фишера (критерий ϕ^*) (Таблица 6).

Таблица 6 – Значимость частотности фонетических признаков в русских пейоративах (%)

Фонетический признак	Частотность в норме	Частотность в пейоративах	Увеличение частотности	Значение $\phi^*_{эмп}$	Значимость
Звонкость	13,40	14,15	+5,60	0,527	не значимо
Глухость	22,27	23,35	+4,85	0,486	не значимо
Взрывность	18,83	21,33	+13,28	1,281	не значимо
Гуттуральность	6,16	8,27	+34,25	3,171	значимо
Сонорность	20,25	21,95	+8,4	0,817	не значимо
Фрикативность	14,92	14,33	нет увеличения	–	–
Фрикативность шипящих	2,03	3,07	+51,23	4,606	значимо
Фрикативность свистящих	7,12	6,00	нет увеличения	–	–
Латеральность	4,40	5,54	+25,91	2,423	значимо
Дрожание	4,73	6,25	+32,14	2,984	значимо
Переднеязычность	36,14	38,38	+6,20	0,609	не значимо
Лабиализованность гласных	14,27	13,61	нет увеличения	–	–
Нелабиализованность гласных	28,04	25,03	нет увеличения	–	–
Лабиализованность согласных	12,41	11,98	нет увеличения	–	–
Лабиализованность	26,25	25,59	нет увеличения	–	–

Увеличение значений показали 9 фонетических признаков, но *звонкость*, *глухость*, *взрывность*, *сонорность* и *переднеязычность* показали статистически не существенные изменения, в отличие от *латеральности*, *дрожания*, *гуттуральности* и *фрикативности шипящих*, попавших в зону значимости выраженности признака.

На основании значения $\varphi^*_{эмп}$ фонетических признаков в зоне значимости была построена шкала градуальности проявления степени интенсивности значимости фонетических признаков, отражающая их звукосимволический потенциал для репрезентации пейоративности (Рисунок 5).

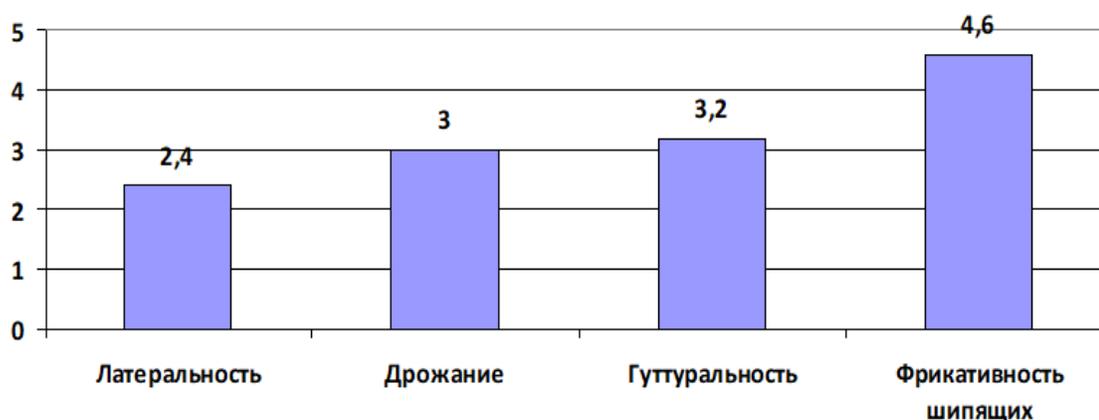

Рисунок 5 – Шкала градуальности звукосимволического потенциала фонетических признаков в русском языке в символизации пейоративности на основе $\varphi^*_{эмп}$

Наибольшим звукосимволическим потенциалом для репрезентации пейоративности в русском языке на уровне фонетического признака обладает *фрикативность шипящих*. Существенно значимыми являются *гуттуральность*, *дрожание* и *латеральность* (в порядке убывания).

5.3. Фонотипы в символизации пейоративности

Учитывая полученные ранее результаты, были выделены следующие статистически значимые для нашего исследования фонотипы: PLOS, PLOS^v, PLOS[^], PLOS^{LAB}, FRIC^v, FRIC[^], FRIC^{LAB}, LAB^v, LAB[^], SON^{LAT}, R, SIB, SIB^v, GUTT, GUTT[^], SIB^{HISS}, SIB^{HISS^}.

Стоит отметить, что в терминологии С. В. Воронина *сбилянты* – это только *свистящий* (SIB) [Воронин, 2006]. Специального термина для шипящих в типологии С. В. Воронина нет. Поэтому мы ввели значимое для нашего исследования обозначение SIB^{HISS} (сбилянты шипящий).

Таблица 7 – Значимость частотности фонотипов в русских пейоративах (%)

Фонотип	Частотность в норме	Частотность в пейоративах	Увеличение частотности	Значение $\Phi^*_{эмп}$	Значимость увеличения частотности
PLOS	18,83	21,33	+13,28	1,281	не значимо
PLOS ^v	6,27	8,28	+32,06	2,984	значимо
PLOS [^]	12,56	13,05	+3,90	0,404	не значимо
PLOS ^{LAB}	4,40	6,14	+39,55	3,655	значимо
FRIC ^v	7,13	5,87	нет увеличения	–	–
FRIC [^]	7,79	8,46	+8,60	0,858	не значимо
FRIC ^{LAB}	4,80	3,54	нет увеличения	–	–
SIB ^{HISS}	2,03	3,07	+51,23	4,606	значимо
SIB ^{HISS^}	1,09	2,14	+96,33	8,082	значимо
SIB	7,12	6	нет увеличения	–	–
SIB ^v	1,65	1,97	+19,39	1,843	значимо
LAB ^v	6,13	5,99	нет увеличения	–	–
LAB [^]	3,07	3,69	+20,20	1,931	значимо
SON ^{LAT}	4,40	5,54	+25,91	2,423	значимо
R	4,73	6,25	+32,14	2,984	значимо
GUTT	6,16	8,27	+34,25	3,171	значимо
GUTT [^]	4,46	6,37	+42,83	3,901	значимо

Затем встречаемость фонотипа в пейоративных единицах была сопоставлена со встречаемостью фонотипа в норме. Все повышения значений были проверены на достоверность и значимость при помощи углового преобразования Фишера (критерий φ^*) (Таблица 7).

Из таблицы 7 видно, что 10 фонотипов из 17 показали существенное увеличение частоты использования в пейоративной лексике.

На основании $\varphi^*_{\text{эмп}}$ фонотипов в зоне значимости была построена шкала градуальности проявления степени интенсивности звукосимволической значимости фонотипов, отражающая их звукосимволический потенциал для репрезентации пейоративности (Рисунок 6).

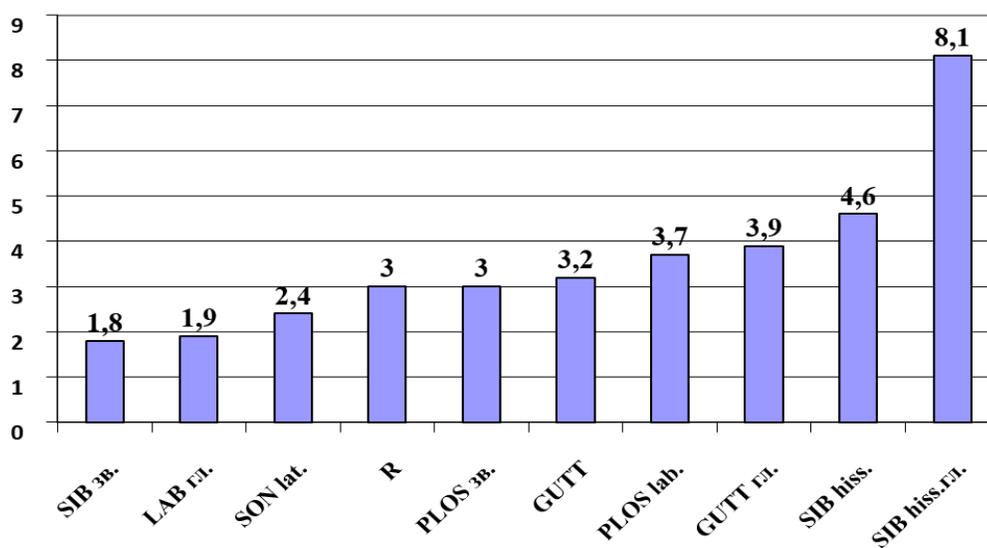

Рисунок 6 – Шкала градуальности фоносемантического потенциала фонотипов в русском языке в символизации пейоративности на основе $\varphi^*_{\text{эмп}}$

Наибольшим звукосимволическим потенциалом для репрезентации пейоративности в русском языке обладает фонотип SIB^{HISS}Λ; наименьшим – LAB^Λ и SIB^V (оба находятся в зоне неопределённости).

Расчёты выявили следующие закономерности:

- достоверную и значимую связь с репрезентацией пейоративного значения показывает *гуттуральность (велярность)*. В частности, фонотип GUTT[^] имеет больший звукосимволический потенциал, чем звонкий;
- *взрывность* сама по себе показала несущественное увеличение (+13,28%) встречаемости в пейоративах, но фонотипы PLOS^{LAB} и PLOS^V показали значимый звукосимволический потенциал;
- *фрикативность* в целом не показала связи с репрезентацией пейоративного значения, но фонотип фрикативный SIB^{HISS^} показал наибольший звукосимволический потенциал;
- *лабиальность* также не показала связь с репрезентацией пейоративного значения, но фонотипы PLOS^{LAB} и LAB[^] показали наличие такой связи;
- *глухость*, имея незначимое повышение (+4,85%) в частотности усиливает звукосимволический потенциал гуттуральных, фрикативных, взрывных, лабиальных.

В целом исследование показало, что существует определённая связь между *велярностью (гуттуральностью)*, *«шипяцностью»*, *глухостью*, *лабиальностью*, *взрывностью*, *фрикативностью*, *сонорностью* и репрезентацией пейоративного значения в русском языке. Наиболее сильные связи устанавливаются на уровне FRIC, SIB^{HISS}, GUTT, CONS[^], PLOS, R и LAB фонотипов. В области вокализма нам не удалось обнаружить устойчивой фоносемантической тенденции. В зоне значимости оказались гласные А и У, которые характеризуются артикуляционной «опозиционностью»: У лабиализованный – А нелабиализованный; У верхнего подъёма – А нижнего. Гласная У примыкает к губным согласным по месту образования.

Таким образом, звукосимволический потенциал пейоративности в русском языке лежит в области консонантизма. Можно говорить о следующих тенденциях в фоносемантических способах репрезентации пейоративности на уровне фонотипов в русском языке:

- **SIB^{HISS^Λ}** (ш, щ, х) – *шшиш, шлѐндра, шлюха, шляпа, шмакодявка, шмара, шнырь, шняга, шобла, шпана, шпендик, шпынь, шулер, шуры-муры, шут, шушера, шваль, щелкопѐр, щелкун, щенок, алкаш, вруша, дикошарый, дрыш, кошѐлка, нищѐброд, отщепенец, плешиивый, чушь* и др. (см. также примеры в GUTT^Λ);

- **GUTT^Λ** (х, к) – *хабалка, хайло, халабруда, халда, халтура, халуна, халява, хам, хамло, хандра, ханжа, ханурик, ханыга, хапуга, харя, хахаль, хачик, хвастун, херить, херня, херовина, хибара, хияк, хиреть, хитрожоный, хитрюга, хлам, хлебало, хлыщ, хлюпик, хлюст, хмурый, хмырь, хныкала, холера, холоп, холуй, хомячить, хонорик, хорѐк, хрень, хроник, хрыч, хулиган, хулить, хунта; кабан, карга, колхозник, критикан, кавардак, каверзник, казнокрад, каин, какашка, каланча, калека, калоша, каналья, канючить, капризный, каракатица, каракули, карга, квазимодо, квасить, квашня, квольй, квочка, кикимора, кисель, клоака, клоун, клуша, клюшка, кляузник, кляча, кобель, кобениться, кобыла, козѐл, колготиться, колдырь, колоброд, колomes, колымага, конченный, корова, коротышка, корявый, коряга, космы, косноязычный, косой, косяк, кочевряжиться; ахинея, балахон, барахло, доходяга, прихлебатель, нескладѐха* и др.;

- **FRIC** (ш, ф, х, щ, з) – *фалалей, фальшивка, фанфарон, фарцовщик, фатюй, фашист, фѐкла, фефѐла, фи́га, фигляр, филон, финтить, финтифлюшка, фитюлька, фифа, фифѐла, фордыбачить, фофан, фраер, фрик, фря, фурия, фуфел, фуфло, фуфлыга; забияка, забулдыга, завистник, задавака, задира, задохлик, задрипанный, задрот, задрыга, зазнайка, замарашка,*

заморыш, замухрышка, замызганный, заноза, зануда, занюханный, западло, зараза, затетёха, заурядность, захолустье, зачуханный, зверюга, зевака, zenки, злобный, змеюка, зомби, зубоскал, зубрила, зудила, зюзя; альфонс, ехидный, мухлѣж, офигевший, позорище, показуха, похабщина, раздолбай, раззява, слепошарый и др. (см. также примеры в SIB^{HISS}^Λ, GUTT^Λ, LAB);

- **LAB** (у, ф, б) – убивец, ублюдок, убогий, увалень, уголовник, ужасный, узурпатор, умник, унылый, упёртый, упрямый, упырь, урод, уросить, утлый, утырок, ушастый, ушлёпок, ушлый, ущербный; баба-яга, бабник, бабуин, бадяга, базар, байда, баклан, баламут, баланда, балбес, балда, бандит, бандура, бандюга, баран, барахло, бардак, барыга, басурман, бахвал, бацилла, башка, бедлам, бездарь, белебенья, белиберда, бесовщина, бестия, бестолочь, бздеть, бздун, бич, блевотина, блудник, бобик, богадельня, бодяга, болван, бомж, бордель, борзый, боров, ботан, бредни, бредятина, брехня, брюзга, бугай, будорага, бузить, бука, бухарик, бухой, быдло, быдлятина, бычара, бяка; бурда, вафля, оболтус, пузатый, расфуфыренный, туфта, убогий, фуфло, чурбан, швабра, шобла и др. (см. также примеры в FRIC);

- **PLOS** (б, к) – истукан, каблук, кикимора, крохобор, куркуль, обноски, пакостник, плакса, пустобрѣх, ябеда и др. (см. также примеры в GUTT^Λ, LAB);

- **CONS^Λ** (ш, ф, х, к, щ) – ишак, клюшка, паршивка, профукать, психопат, рахит, тощий, тюфяк, хлыщ и др. (см. также примеры в SIB^{HISS}^Λ, GUTT^Λ, FRIC);

- **SON^{LAT}** (л) – лабуда, лапоть, лахудра, лачуга, лгун, лебезить, легавый, лежебока, лентяй, лешак, лжец, липовый, лиходей, лицемер, лоботряс, ловелас, ловкач, лодырь, ломака, лопух, лох, лохануться, лохмы, лохотрон, лошара, лоштиндос, лузер, лукавый, лярва; мямля, нахал, неуклюжий, оглобля, охламон, слабак, уголовник; фефёла, фигляр, хлебало,

рохля, рухлядь, рыло, хлюпик, хлюст, фалалей, фальшивка, фёкла, фуфел, филон, холера, холоп, холуй, хулиган, хулить; каланча, калека, калоша и др.;

• **Р** (р) – *разбойник, развалюха, разведёнка, развратник, разгильдяй, раздолбай, раззява, разиня, размазня, раскоряка, раскудахтаться, распустёха, распутник, растеряха, растяпа, расфуфыра, расхититель, расхлябанный, рахит, рванина, рвань, рвач, рёва, ренегат, рехнуться, решала, рогоносец, рожка, ротозей, рохля, рукожоп, рухлядь, рыло, ряха; аферист, бездарь, беспрокий, бред, вертопрах, жиртрест, курва, лодырь, лошара, халабруда, хрень, хроник, хрыч, фраер, фририк, фря, фурия и др.*

Гипотеза о значимости низкочастотных звуков в норме в символизации пейоративности в русском языке находит подтверждение лишь частично, поскольку, по нашим данным, высокочастотный Б имеет существенный звуко-символический потенциал в выражении пейоративности наряду с низкочастотными в норме Ф, Ш.

По нашим данным, в русском языке *палатализованность* не показывает каких-либо значимых различий с нормой.

При анализе метариала обращают на себя внимание группы слов с одинаковыми фонестемами-инициалами *кв-, кл-, хл-, фр-, хр-* и др. (*квасить, квашня, квольй, квочка – клоака, клоун, клуша, клюшка, кляузник, кляча – хлам, хлебало, хлыщ, хлюпик, хлюст – фраер, фририк, фря – хрень, хроник, хрыч* и т.п.), что требует отдельного исследования. Состав фонестем совпадает с выделенными в нашем материале пейоративов фонотипами.

Также необходимо отдельно исследовать звуко-символизм морфем (корень, приставка, суффикс) в пейоративах в группах слов, например, с приставками типа *задавака, задира, задохлик, задрипанный, задрот, зазнайка, замарашка, заморыш, замухрышка, замызганный, зануда, занюханный; раскольник, раскоряка, раскудахтаться, расподонок, распустёха, распутник, рассеянный* и т.п., что открывает широкие перспективы исследования.

Наличие регулярных фонем в репрезентации пейоративного значения также указывает на вхождение исследуемой группы русских пейоративов в звуко-символическую подсистему звукоизобразительной системы языка.

6. Звуко-символизм пейоративов в английском языке

6.1. Английские графоны в символизации пейоративности

Частотность графонов в английских пейоративах по сравнению с нормой представлена на Рисунке 7 и в Таблице 8.

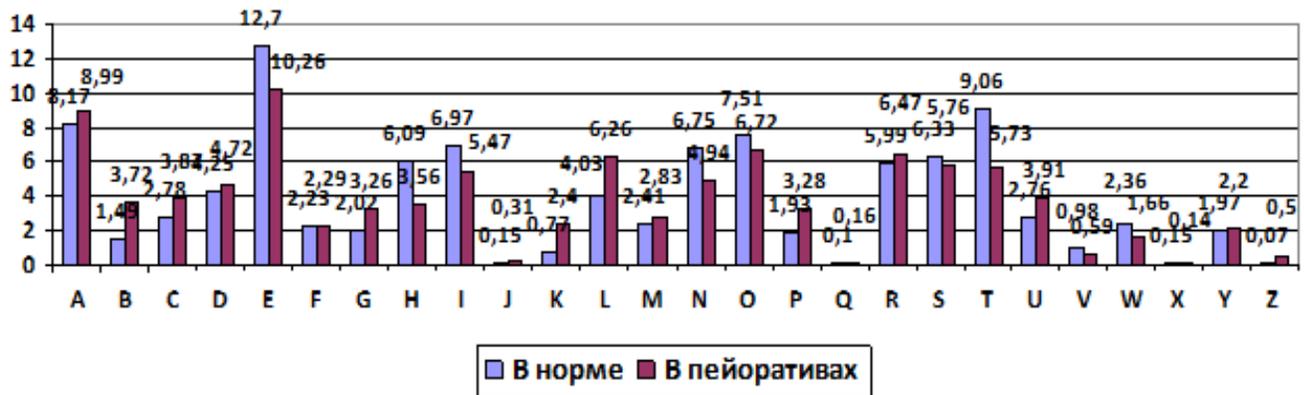

Рисунок 7 – Частотность английских графонов в норме и в пейоративах (%)

В Таблице 9 представлено, насколько чаще использовались графоны в пейоративных единицах по сравнению с графонами в норме.

Согласно полученным данным, максимально больше нормы в пейоративах в английском языке встретились следующие четыре графона: **Z**, **K**, **V** и **J**.

Звонкий свистящий фрикатив **Z** (*boozer* «выпивоха», *buzzard* «скряга», *klutz* «увалень», *brazen-faced* «бесстыжий», *zany* «простофиля», *zooty* «пижон») встретился в отобранных единицах в 7,1 раза чаще нормы. Прирост частоты использования составил 614,29%.

Таблица 8 – Частотность графонов в норме и в пейоративах
в английском языке (%)

Графон	Частотность графонов в пейоративах	Частотность графем в норме по Leland	Частотность по В. С. Пилиди в норме	Частотность графонов по Л.П. Прокофьевой
A	8,99	8,17	8,17	8,2
B	3,72	1,49	1,60	1,5
C	3,87	2,78	2,74	2,8
D	4,72	4,25	4,17	4,3
E	10,26	12,70	12,24	12,7
F	2,29	2,23	2,29	2,2
G	3,26	2,02	2,11	2,0
H	3,56	6,09	5,83	6,1
I	5,47	6,97	6,85	–
J	0,31	0,15	0,20	0,2
K	2,4	0,77	0,87	0,8
L	6,26	4,03	4,32	4,0
M	2,83	2,41	2,59	2,4
N	4,94	6,75	6,88	6,7
O	6,72	7,51	7,65	7,5
P	3,28	1,93	1,87	1,9
Q	0,16	0,10	0,11	0,1
R	6,47	5,99	6,04	6,0
S	5,76	6,33	6,34	6,3
T	5,73	9,06	8,92	9,1
U	3,91	2,76	2,88	–
V	0,59	0,98	1,00	1,0
W	1,66	2,36	2,11	2,4
X	0,14	0,15	0,18	0,2
Y	2,2	1,97	1,93	2,0
Z	0,5	0,07	0,10	0,1

Глухой велярный взрывной **K** (*bumpkin* «мужлан», *crook* «проходимец», *freak* «урод», *gawk* «остолоп», *killjoy* «брюзга», *nark* «стукач», *poke* «копуша») – в 3,1 раза чаще нормы. Увеличение частоты – +211,69%.

Звонкий билабиальный взрывной **B** (*slob* «лентяй», *vagabond* «бездельник», *beanpole* «жердь», *belfry* «каланча», *blabber* «пустомеля», *boor*

«хам», *bore* «зануда») – в 2,5 раза. Прирост частоты встречаемости графона относительно нормы – +149,66%.

Звонкая постальвеолярная аффриката **J** (*abject* «жалкий», *jabber* «молоть чепуху», *jaboneu* «мужлан», *jackal* «подлый обманщик», *jackass* «осёл», *jackdaw* «брюзга») встретила с кратностью в 2,1 раза, что показало прирост +106,67%.

Из Таблицы 9 видно, что ещё 12 графонов в английском языке показали увеличение частоты использования в пейоративных единицах относительно нормы в пределах от 2,69% до 69,95%.

Таблица 9. Увеличение частотности графонов в английских пейоративах (%)

Графон	Частотность графонов в пейоративах	Частотность графем в норме по Leland	Увеличение частотности графона в пейоративах
A	8,99	8,17	+10
B	3,72	1,49	+149,66
C	3,87	2,78	+39,21
D	4,72	4,25	+11,06
E	10,26	12,70	нет увеличения
F	2,29	2,23	+2,69
G	3,26	2,02	+61,39
H	3,56	6,09	нет увеличения
I	5,47	6,97	нет увеличения
J	0,31	0,15	+106,67
K	2,4	0,77	+211,69
L	6,26	4,03	+55,33
M	2,83	2,41	+17,43
N	4,94	6,75	нет увеличения
O	6,72	7,51	нет увеличения
P	3,28	1,93	+69,95
Q	0,16	0,10	+60
R	6,47	5,99	+8,01
S	5,76	6,33	нет увеличения
T	5,73	9,06	нет увеличения
U	3,91	2,76	+41,67
V	0,59	0,98	нет увеличения
W	1,66	2,36	нет увеличения
X	0,14	0,15	нет увеличения
Y	2,2	1,97	+11,68
Z	0,5	0,07	+614,29

Все изменения в частоте использования в большую сторону были проверены на достоверность и значимость при помощи критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера), включая результаты вышерассмотренных графонов (Z, K, B, J), показавших многократное увеличение частотности (табл. 10).

Из Таблицы 10 видно, что критерий ϕ^* в зоне значимости колеблется от 1,668 до 34,464, что позволяет говорить об интенсивности проявления признака в английских графонах, символизирующих пейоративность.

Таблица 10. Значимость частотности английских графонов: критерий ϕ^*

Графон	Значение $\phi^*_{эмп}$	Уровень значимости	Вывод
A	0,984	в зоне незначимости	H_1 отвергается
B	11,689	в зоне значимости	H_0 отвергается
C	3,609	в зоне значимости	H_0 отвергается
D	1,068	в зоне незначимости	H_1 отвергается
F	0,282	в зоне незначимости	H_1 отвергается
G	5,396	в зоне значимости	H_0 отвергается
J	8,804	в зоне значимости	H_0 отвергается
K	15,495	в зоне значимости	H_0 отвергается
L	4,926	в зоне значимости	H_0 отвергается
M	1,668	в зоне неопределённости	H_0 отвергается
P	6,111	в зоне значимости	H_0 отвергается
Q	5,29	в зоне значимости	H_0 отвергается
R	0,775	в зоне незначимости	H_1 отвергается
U	3,803	в зоне значимости	H_0 отвергается
Y	1,152	в зоне незначимости	H_1 отвергается
Z	34,464	в зоне значимости	H_0 отвергается

На основании критерия $\phi^*_{эмп}$ в зоне значимости установим степень интенсивности и построим шкалу градуальности проявления звукосимволического потенциала каждого графона (Рисунок 8).

Наибольшим звукосимволическим потенциалом для репрезентации пейоративности в английском языке обладают графоны Z, K и B; наименьшим – U, C и M (находится в зоне неопределённости).

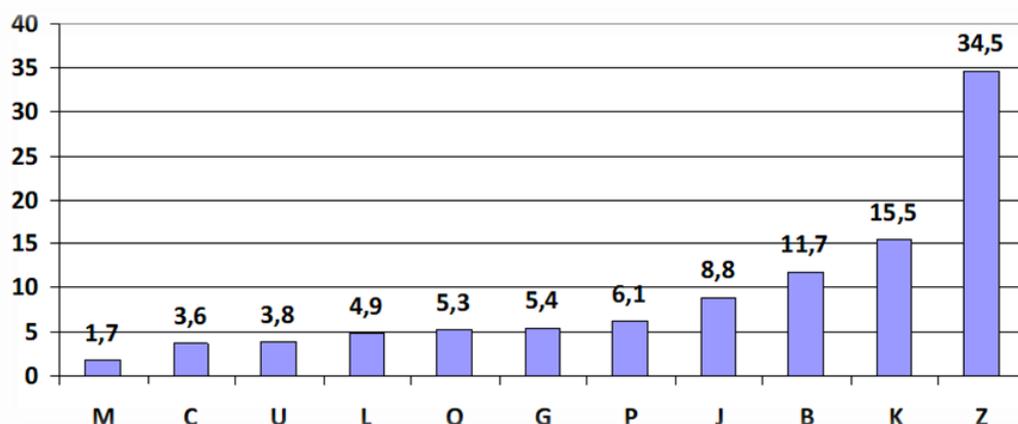

Рисунок 8 – Шкала градуальности фоносемантического потенциала английских графонов в символизации пейоративности на основе $\varphi^*_{ЭМП}$

Проверка на достоверность и значимость увеличения частоты использования графонов в английских пейоративах показала существенную разницу для следующих 11 графонов: B, C, G, J, K, L, M, P, Q, U и Z. Они были сгруппированы по значимым для нашего исследования фонетическим признакам (лабиализованность, взрывность, фрикативность, сонорность и др.) и сопоставлены с нормой.

Остальные английские графоны либо соответствуют норме, либо имеют показатели ниже нормы, либо имеют незначимое увеличение к норме частотности.

6.2. Фонетические признаки в символизации пейоративности

11 графонов, показавших достоверное и значимое повышение частотности по отношению к норме в английских пейоративах, были сгруппированы по следующим статистически значимым для нашего исследования фонетическим признакам: *лабиализованность* (B, M, P, Q, U),

лабиализованность гласных (U), лабиализованность согласных (B, M, P, Q), звонкость (B, J, Z, G), глухость (K, P, C, Q), взрывность (B, C, G, K, P, Q), сонорность (L, M), назальность (M), латеральность (L), фрикативность (Z), фрикативность свистящих (Z), аффрикативность (J), гуттуральность (K, G, C, Q), переднеязычность (Z, L).

Следует отметить, что графема Q в английском языке почти всегда встречается только в диграфе QU и образует фонестему /kw/, которая обладает следующими характеристиками: *глухая, лабиализованная, велярная, взрывная*, поэтому в рамках нашего исследования Q считается *лабиализованной, глухой, гуттуральной и взрывной*.

Графема C в зависимости от следующего за ней гласного или согласного может давать несколько вариантов звучания: [s], [k], [ʃ], [tʃ], [h], которые значительно отличаются друг от друга по месту и способу образования. Тем не менее, 77,27% произношения буквы C в пейоративах реализовано как [k]. Общей характеристикой для всех вариантов произношения является *глухость*. В рамках нашего исследования мы рассматривали C как *глухой, гуттуральный, взрывной*.

G также даёт несколько вариантов произношения – [g], [dʒ], [ŋ] – в зависимости от окружающих её гласных и согласных. В 78,98% случаев в английских пейоративах – произношение [g]. Общим фонетическим признаком для всех произношений – *звонкость*, за исключением случаев, где g вообще «немая». В рамках нашего исследования мы рассматривали G как *звонкий, гуттуральный, взрывной*.

Частота встречаемости фонетического признака в пейоративах была сопоставлена с частотой в норме (Рисунок 9).

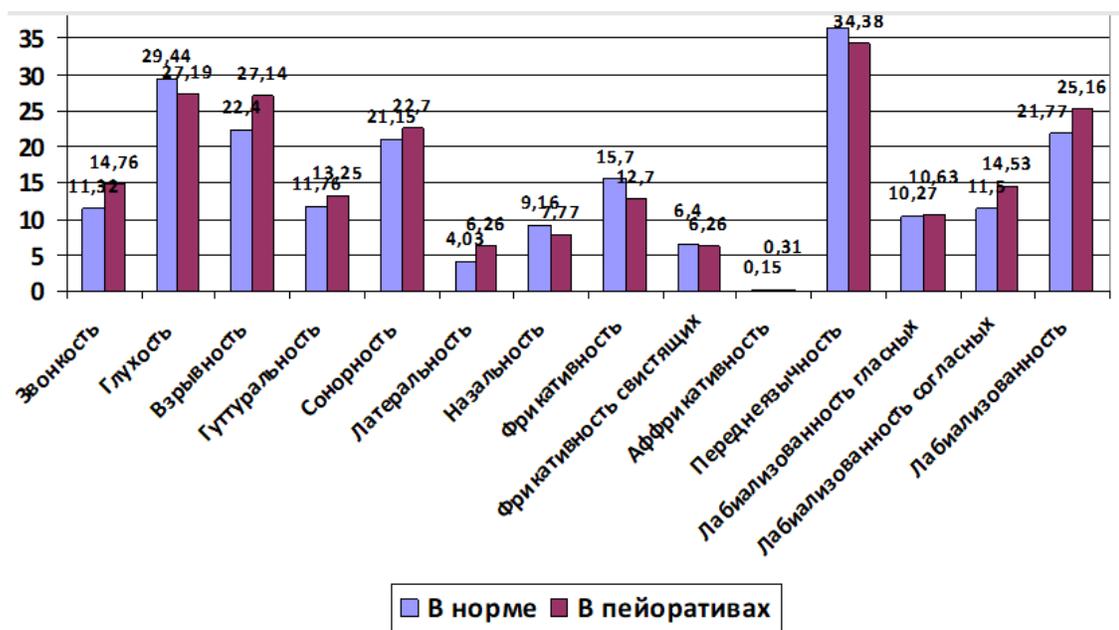

Рисунок 9 – Частотность фонетических признаков в английских пейоративах (%)

Все повышения значений были проверены на достоверность и значимость при помощи углового преобразования Фишера (критерий ϕ^*). Полученные данные внесены в таблицу (Таблица 11).

Увеличение значений, также как и в русском, показали 9 фонетических признаков. *Взрывность*, *лабиализованность согласных*, *звонкость*, *латеральность* и *аффрикативность* попали в зону значимости, а *гуттуральность*, *сонорность*, *лабиализованность гласных* и общая *лабиализованность* графонов в вокализме и консанантизме не показали статистически существенных изменений.

Таблица 11 – Значимость частотности фонетических признаков
в английских пейоративах (%)

Фонетический признак	Частотность в норме	Частотность в пейоративах	Увеличение частотности	Значение $\Phi^*_{эмп}$	Значимость увеличения частотности
Звонкость	8,96	13,10	+46,21	4,194	значимо
Глухость	29,44	27,19	нет увеличения	–	–
Взрывность	22,40	27,14	+21,16	2,019	значимо
Гуттуральность	11,76	13,25	+12,67	1,237	не значимо
Сонорность	13,19	14,03	+6,37	0,609	не значимо
Латеральность	4,03	6,26	+55,33	4,926	значимо
Назальность	9,16	7,77	нет увеличения	–	–
Фрикативность	15,7	12,7	нет увеличения	–	–
Фрикативность свистящих	6,40	6,26	нет увеличения	–	–
Аффрикативность	0,15	0,31	+106,67	8,804	значимо
Переднеязычность	36,48	34,38	нет увеличения	–	–
Лабиализованность гласных	10,27	10,63	+3,51	0,363	не значимо
Лабиализованность согласных	11,50	14,53	+26,35	2,468	значимо
Лабиализованность	21,77	25,16	+15,57	1,495	не значимо

На основании значения $\Phi^*_{эмп}$ фонетических признаков в зоне значимости была построена шкала градуальности проявления степени интенсивности звуко-символической значимости фонетических признаков, отражающая их звуко-символический потенциал для репрезентации пейоративности в английском языке (Рисунок 10).

Наибольшим звуко-символическим потенциалом для репрезентации пейоративности в английском языке на уровне фонетического признака

обладает *аффрикативность*; наименьшим *лабиализованность согласных* и *взрывность* (находится в зоне неопределённости).

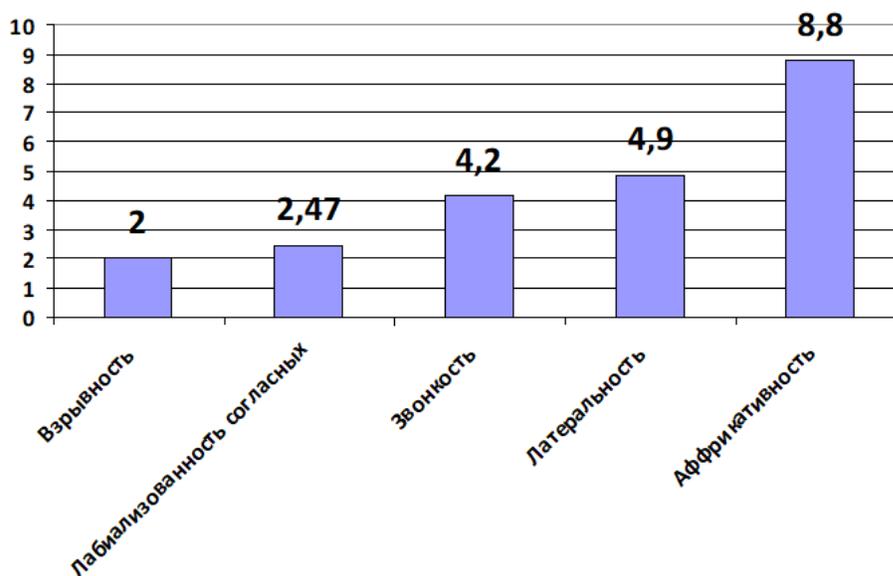

Рисунок 10 – Шкала градуальности звуко-символического потенциала фонетических признаков в английском языке в символизации пейоративности на основе $\phi^*_{ЭМП}$

6.3. Фонотипы в символизации пейоративности

С учетом полученных ранее результатов выделены следующие значимые для нашего исследования фонотипы: PLOS, PLOS^V, PLOS[^], PLOS^{LAB}, AFFR, SON^{NAS}, SON^{LAT}, SON^{LAB}, LAB^V, LAB[^], SIB, SIB^V, GUTT^V, GUTT[^].

Затем встречаемость фонотипа в пейоративных единицах была сопоставлена со встречаемостью фонотипа в норме. Все повышения значений были проверены на достоверность и значимость при помощи углового

преобразования Фишера (критерий ϕ^*). Полученные данные представлены в таблице (Таблица 12).

Таблица 12 – Значимость частотности фонотипов в английских пейоративах (%)

Фонотип	Частотность в норме	Частотность в пейоративах	Увеличение частотности	Значение $\phi^*_{эмп}$	Значимость увеличения частотности
PLOS	22,40	27,14	+21,16	2,019	значимо
PLOS ^v	7,76	11,70	+50,77	4,557	значимо
PLOS [^]	14,64	15,44	+5,46	0,527	не значимо
PLOS ^{LAB}	3,42	7,00	+104,68	8,665	значимо
AFFR	0,15	0,31	+106,67	8,804	значимо
SON ^{NAS}	9,16	7,77	нет увеличения	–	–
SON ^{LAT}	4,03	6,26	+55,33	4,926	значимо
SON ^{LAB}	2,41	2,83	+17,43	1,668	значимо
LAB ^v	4,83	5,97	+23,60	2,242	значимо
LAB [^]	4,26	5,73	+34,51	3,216	значимо
SIB	6,40	6,26	нет увеличения	–	–
SIB ^v	0,07	0,5	+614,29	34,464	значимо
GUTT ^v	2,02	3,26	+61,39	5,396	значимо
GUTT [^]	9,74	9,99	+2,57	0,242	не значимо

Из Таблицы 12 видно, что 10 фонотипов из 14 показали существенное увеличение частоты использования в пейоративной лексике.

На основании значения $\phi^*_{эмп}$ фонотипов в зоне значимости была построена шкала градуальности проявления степени интенсивности звуко-символической значимости фонотипов, отражающая их звуко-символический потенциал для репрезентации пейоративности в английском языке (Рисунок 11).

Наибольшим звуко-символическим потенциалом для репрезентации пейоративности в английском языке обладает фонотип SIB^v; наименьшим – PLOS и SON^{LAB} (оба находятся в зоне неопределённости).

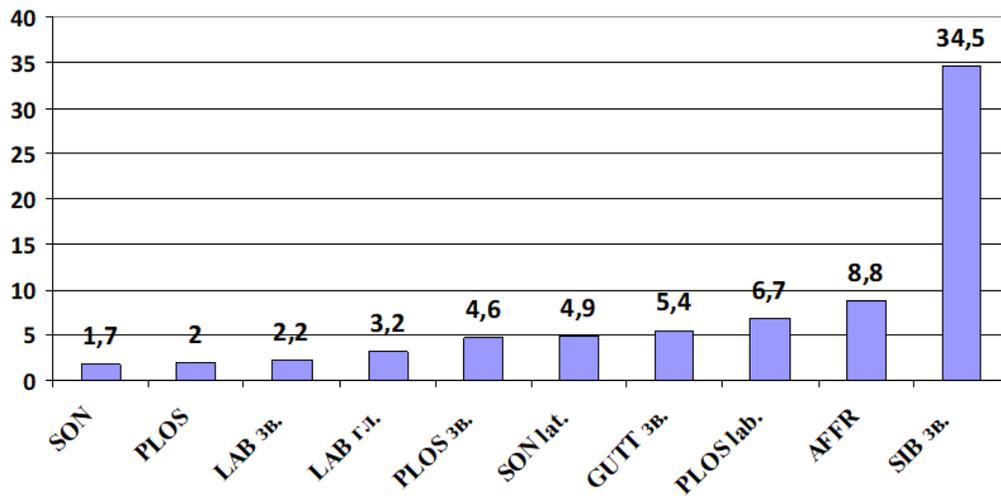

Рисунок 11 – Шкала градуальности фоносемантического потенциала фонотипов в английском языке в символизации пейоративности

на основе $\varphi^*_{\text{ЭМП}}$

Анализ выявил следующие закономерности:

- *аффрикативность* и *латеральность* показывают устойчивую связь с репрезентацией пейоративного значения на уровне AFFR и SON^{LAT} фонотипов;
- *взрывность* сама по себе показала увеличение встречаемости в пейоративах. Более существенный звукосимволический потенциал показали фонотипы PLOS^{LAB}, PLOS^v;
- *фрикативность* в целом не показала связи с репрезентацией пейоративного значения, но фрикативный фонотип SIB^v показал наибольший звукосимволический потенциал;
- *лабиальность* показала значимую связь с репрезентацией пейоративного значения только в системе консонантизма. Фонотип PLOS^{LAB}

обнаружил наибольший звукосимволический потенциал по сравнению с другими лабиальными;

- *гуттуральность* показывает высокий потенциал в связке со звонкостью, что обнаруживает символический потенциал GUTT^V фонотипа;
- *звонкость* сама по себе показала значимую связь с репрезентацией пейоративного значения в английском языке, что актуализировало PLOS^V, SON^{LAT}, SON^{LAB}, LAB^V, SIB^V, GUTT^V.

В целом исследование продемонстрировало, что существует определённая связь между *фрикативностью*, *аффрикативностью*, *взрывностью*, *лабиальностью*, *гуттуральностью* (*велярностью*), *свистящностью*, *звонкостью* и репрезентацией пейоративного значения в английском языке.

Наиболее сильные связи устанавливаются на уровне PLOS и FRIC^{SIB} фонотипов.

Согласно полученным в ходе исследования результатам, можно говорить о следующих тенденциях в способах репрезентации пейоративности на уровне фонотипов в английском языке:

- **FRIC^{SIBV}** (Z) – *zany, zealot, zigzag, zilch, zoilus, zombie, zonked, zooty, zuch; bazoo, boozey, buzzard, drizzle, grizzler, lazybones* и др.;
- **AFFR** (J) – *jabber, jaboney, jackal, jackanapes, jackass, jackdaw, jackeen, jackstraw, jade, jasper, jaw, jay, jaywalker, jellyfish, jerk, jezebel, jewess, jewish, jiggery-pokery, jingo, jive, jock, jockey, joskin, josser, judas, juggins, junk, abject, jughead, killjoy* и др.;
- **LAB** (U, B, P, M, Q) – *ubble-gubble, ugly, uppish; bad, bafflegab, baggage, bagpipe, bald, ballyhoo, balmy, bam, bamboozle, banana, bandbox, banger, bantling, barbarian, barge, barmy, barnacle, barrator, barrel-bellied, bauchle, bavardage, bawler, bazoo, beagle, beaky, bean, bear, beast, beeper, beetle, begger,*

berk, betrayer, bezonian, bibber, bigmouth, bilge, bimbo, bind, boloney, bonehead, bone-idle, booby, bubblehead, bucko, buff, bufflehead, bugaboo, bugger, bulky, bull, bullhead, bullshit, bully, bum, BUMMER, bumpkin, buncombe, bunk, bushwhacker, butch, buzzard, bagpipe; painted, palaver, palmer, palooka, paltry, pampered, pan, parrot, partan, parvanimity, pastepot, pate, patch, patsy, paughty, paunchy, pauper, peacockish, peahead, peasant, peddler, peevish, peewee, pen-pusher, pepper-box; mad, magpie, magsman, makebate, maladroit, malformed, mangy, mannish, marble-hearted, maunderer, maypole, messy, midget, milquetoast, misbegotten, miserable, mob, money-grubber, monkey, mope, mucker, muckworm, muddle-head, mudslinger, muff, mug, mule, mumble, mummer, mumper, mushroom, mutt, mutton-head; quack, quaffer, quaggy, quamish, quarrelsome, quibbler, quitter, quiz; hempseed, lobster, looby, lubber, lump, mumper, mushroom, poop и др.;

- **PLOS** (К, В, Р, G, C, Q) – *keelie, kibosh, kike, klotz, klutz, knave, gab, gabble, gadder, gadfly, gaff, gagger, galimatias, galoot, gammon, gander, ganef, gangster, gaper, garbage, gargoyle, gasser, gauche, gaud, gawk, gay, geck, gewgaw, ghostly, ghoul, gid, gink, goat, goblin, gollywog, gomerel, gonzo, goody, goof, gook, gouge, guck, gudgeon, gull, gunsel; cabbage-head, cack-handed, cackler, cad, cadger, cake, calf, capon, carper, carrion, cat, coaster, cobblers, cock, cockalorum, cod, coffin, cog, con, coon, coot, cow, coxcomb, coyote, cozener, cub, cuckoo, cuff, cull, cunt, cur, gypbaffle, klutz, lob, palooka, pizz, quack, quibbler, scabby, squeezable* и др. (см. также примеры в LAB);

- **GUTT** (К, G, C, Q) – *egg-sucker, fake, gawk, gonzo, gook, guck, pickthank, pipsqueak, squint* и др. (см. также примеры в PLOS, LAB);

- **SON** (M, L) – *lame, lamppost, lame, lanky, lazy, lecher, leech, lees, lewd, liar, libeller, light-minded, limmer, limping, lippy, lizard, loafer, lob, looby, loon, loopy, loose, loser, loudmouth, louse, lout, lumber, lummoх, lump, lunk, lunkhead, lush, fool, lickspittle, losel, malkin, maypole, numskull* и др. (см. также примеры в LAB).

В области вокализма не обнаружено устойчивой фоносемантической тенденции. В зоне значимости оказалась лишь гласная **U**, которая примыкает по месту образования к губным согласным.

Таким образом, звукосимволический потенциал пейоративности в английском языке также лежит в области консонантизма.

По нашим расчетам, в английском языке *палатальность* не показывает каких-либо значимых различий с нормой.

Гипотеза о значимости низкочастотных звуков в символизации пейоративности в английском языке находит подтверждение лишь частично, поскольку, по нашим данным, относительно высокочастотный **B** имеет существенный звукосимволический потенциал в выражении пейоративности.

Английский материал также обнаруживает весьма многочисленные группы слов-пейоративов с общими фонестемами-инициалами *gr-*, *bl-*, *br-*, *ch-*, *cl-*, *cr-* и др., которые совпадают по составу с выделенными нами фонотипами:

- *grab-all, grasper, grass, greedy-guts, gremlin, grinder, griper, grizzler, grouch, grouse, groveler, growler, grumbler, grumpy, grungy, grunter* и др.;

- *blab, blabbermouth, blackguard, black-sheep, bladder, blague, blah, blighter, blimp, blinker, blister, blithering, bloated, blob, blockhead, blockish, bloke, bloodsucker, bloody, blower, blowhard, blow-off, blowze, blubberheaded, blubbery, blunderhead, blunt, blusterer* и др.;

- *braggart, brat, brawler, brazen, brazen-faced, broad, broiler, brute* и др.;

- *charlatan, chatterbox, cheapie, cheapskate, cheat, cheeky, chili-bowl, chowderhead, chucklehead, chuff, chump, churl* и др.;

- *clam, clobber, clocking-hen, clod, clodhopper, clonk, clot, cloth-head, clown, cluck, clueless, clumpy, clumsy, clunker, clunkhead, clutch* и др.;

- *crab, crabstick, crack-brain, cracked, crackpot, crack-skull, crambo, crammer, crank, crass, crate, craven, crawl, crazy, crazy-cat, creaker, creature,*

creep, criticaster, criticule, croaker, crock, crone, crook, cross-eyed, cross-grained, crow, crowbait, crud, crum, crump, crust, crybaby и др.

В английском языке также необходимо отдельно исследовать звуко-символизм морфем (корень, приставка, суффикс) в пейоративах в группах слов, например, с приставками типа *unfortunate, ungainly, unkempt, unpleasant, unscrupulous, unseemly, untidy, unweighead, unwelcome, unwieldy, unwise, unworthy* и т.п.

Наличие регулярных фонем в репрезентации пейоративного значения также указывает на вхождение исследуемой группы английских пейоративов в звуко-символическую подсистему звукоизобразительной системы языка.

7. Изоморфизм и алломорфизм в звуко-символизме пейоративов

В типологических исследованиях важно установить сходство или подобие языковых систем на тех или иных уровнях. Подобие, параллелизм в организации звуковой и смысловой сторон языка, плана выражения и плана содержания, отдельных элементов структуры языка и т.п. называется *изоморфизм*.

Изоморфизму противостоит *алломорфизм*, указывающий на отсутствие подобия, разнотипность явлений языка.

Изоморфизм в той или иной степени связан с относительными фоносемантическими универсалиями, алломорфизм – со спецификой конкретного языка.

«Существование субъективного звукового символизма, т.е. определённых соответствий между звуковыми и семантическими единицами в психике носителей того или иного языка, не вызывает сомнений» [Левицкий, 2009, с. 24], поэтому можно говорить о том, что звуко-символизм носит национально-специфический, или идиоэтнический, характер.

Насколько правомерным будет сопоставлять данные, полученные на материале разных языков, чтобы выявить универсальные звукосимволические признаки? В. В. Левицкий считает, что «звукосимволическое сходство между языками не зависит от их генетического родства» [там же, с. 25].

Следовательно, можно сопоставлять материал, полученный из разных языков (необязательно из разных языковых семей) для выявления универсальности. В нашем случае универсальных фоносемантических способов репрезентации пейоративности в русском и английском языках. Считается, что «сопоставление символических свойств фонетических систем различных языков окажется более эффективным, если осуществить анализ не на уровне фонем, а на уровне фонетических признаков» [там же, с. 35].

Одним из фундаментальных законов фоносемантики является *закон доминантности изоморфизма*, который гласит о том, что в звукоизобразительных системах любых двух языков изоморфические черты доминируют над алломорфическими [Газов-Гинзберг, 1965; Воронин, 2006], т.е. звукоизобразительные слова любых языков мира будут иметь больше сходных черт, чем различных.

Для выявления изоморфизма и алломорфизма в звукосимволизме пейоративов сопоставим шкалы градуальности звукосимволического потенциала графонов (Рисунок 12).

Визуализируем фонотипы на основе шкалы градуальности звукосимволической пейоративности русских и английских графонов на основании $\Phi^*_{ЭМП}$ с учётом фонетических признаков и фонотипов (Рисунок 13).

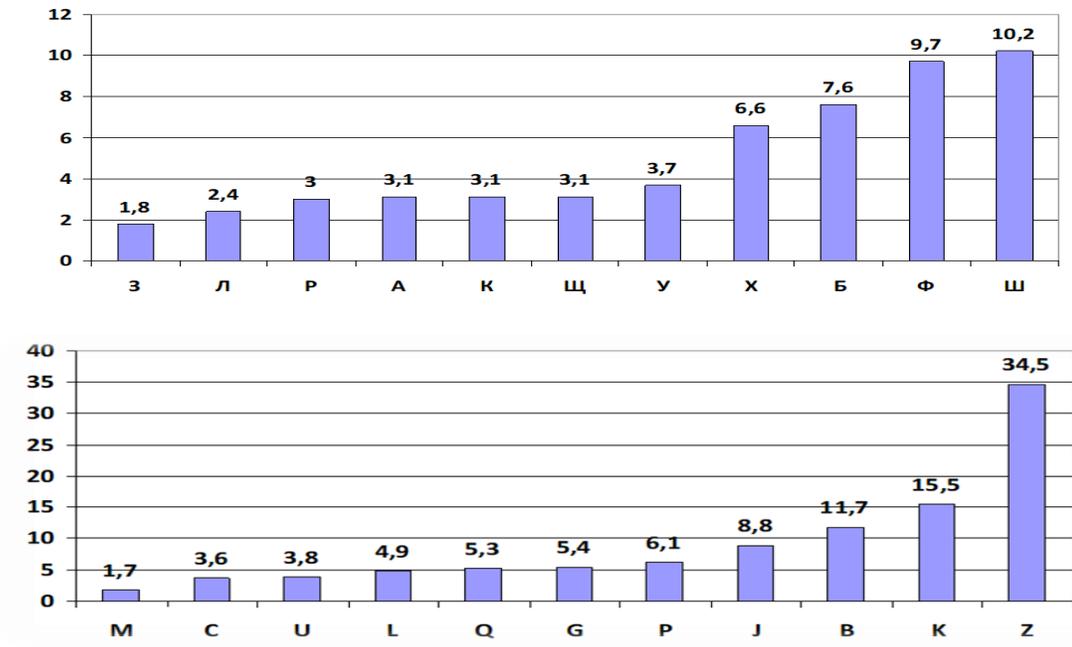

Рисунок 12 – Шкалы градуальности фоносемантического потенциала русских и английских графонов в символизации пейоративности на основе $\varphi^*_{ЭМП}$

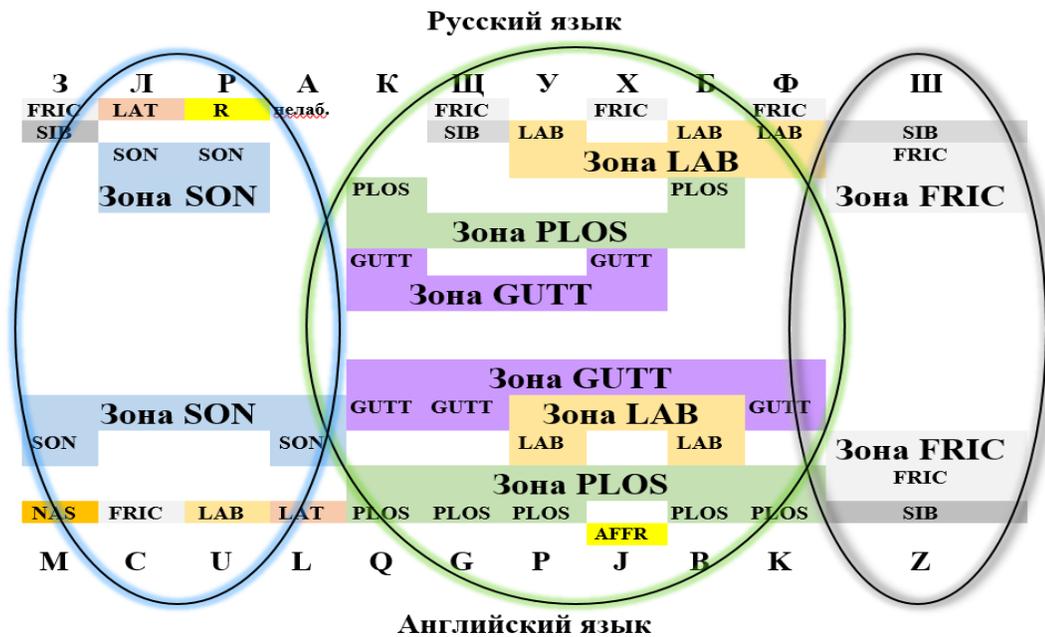

Рисунок 13 – Восходящая шкала градуальности символизации пейоративности: изоморфизм фонотипов

На шкале градуальности звукосимволической пейоративности отчётливо выделяются три зоны, в которых доминируют те или иные фонотипы (по возрастающей SON, LAB, GUTT, PLOS, FRIC):

- зона *фрикативности* (максимальный звукосимволический потенциал) – высокочастотные;
- зона *лабиальности, взрывности и гуттуральности* – среднечастотные;
- зона *сонорности* (минимальный звукосимволический потенциал) – низкочастотные (Рисунок 13).

Изоморфизм звукосимволизма пейоративности в русском и английском языках включает следующие позиции (Рисунок 13):

- Звукосимволическим потенциалом для репрезентации пейоративности обладают 10 графонов + 1 графон, входящий в зону неопределённости;
- Существует определённая связь между *лабиальностью, взрывностью, фрикативностью, сонорностью, гуттуральностью, глухостью, звонкостью, латеральностью* и репрезентацией пейоративной семантики;
- В области *вокализма* не обнаружено устойчивой фоносемантической связи фонотипов с семантикой пейоративности, за исключением гласной **У / У**, которая примыкает по месту образования к губным согласным;
- Звукосимволический потенциал пейоративности лежит в области *консонантизма*;
- Признак *сонорности* показывает связь со значением пейоративности нестабильно, т.к. в зону значимости входит только по два графона: в русском

из пяти сонорных [л, м, н, р, й'] только **Л, Р**; в английском из семи сонантов [m, n, ŋ, l, j, r, w] только **L, M**;

- Признак *фрикативности* показывает наиболее сильные связи с семантикой пейоративности точно: преимущественно шипящий в русском языке и свистящий в английском;

- Гипотеза о значимости *низкочастотных* звуков в символизации пейоративности находит подтверждение лишь частично, поскольку относительно высокочастотный русский **Б** и английский **B** имеют существенный звукосимволический потенциал;

- Звукосимволическая объективация семантики пейоративности в двух языках связана с категориями интенсивности и градуальности как степени выраженности фоносемантической значимости;

- *Палатализованность* не связана с семантикой пейоративности;

- *Глоттализация* связана с семантикой пейоративности, т.к. в терминах С. В. Воронина глоттализация=гуттуральность=велярность;

- Изоморфизм в звукосимволизме пейоративов преобладает над алломорфизмом, что является базовой характеристикой звукоизобразительной системы языка.

Восходящая шкала градуальности символизации пейоративности позволяет выделить алломорфные черты в фоносемантических способах репрезентации пейоративности (Рисунок 14).

Алломорфизм звукосимволизма пейоративности в русском и английском языках отражают следующие позиции (Рисунок 14):

- Звукосимволический потенциал английских графонов (максимальное значение $\varphi^*_{эмп}$ 34,5) в полтора-три раза превышает звукосимволический потенциал русских графонов (максимальное значение $\varphi^*_{эмп}$ 10,2) (Рисунок 12);

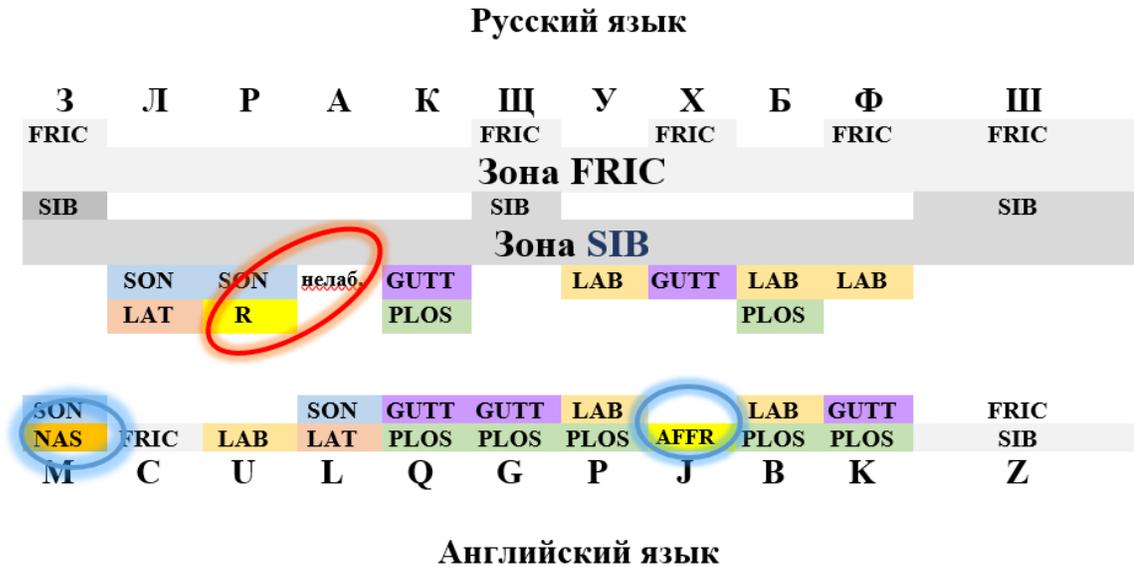

Рисунок 14 – Восходящая шкала градуальности символизации пейоративности: алломорфизм фонотипов

- Наиболее сильные связи со значением пейоративности в русском языке у *фрикативных, шипящих сибиллянтов и глухих*; в английском языке – у *аффрикат, звонкого сибиллянта и взрывных*;
- Согласный, щелевой, переднеязычный, звонкий, твёрдый **З / Z** в русском языке обладает минимальным звукосимволическим потенциалом (минимальное значение $\varphi^*_{эмп}$ 1,8, находится в зоне неопределённости); в английском языке – максимальным (максимальное значение $\varphi^*_{эмп}$ 34,5).
- *Назальность* в символизации пейоративности в английском языке представлена точно (только **M** в зоне неопределённости); в русском языке эти связи отсутствуют.
- *Вибрант* обладает символической значимостью в области пейоративности только в русском языке; в английском эти связи отсутствуют.

- *Аффриката* обладает символической значимостью для репрезентации пейоративности только в английском языке; в русском данная связь отсутствует.

Представим полевую структуру фоносемантической категории градуальности фонотипов, символизирующих пейоративность, для русского и английского языков. На рисунке 15 алломорфизм фонотипов в русском языке выделен красным; в английском – зелёным; изоморфизм – общие фонотипы для русского и английского языков – чёрным.

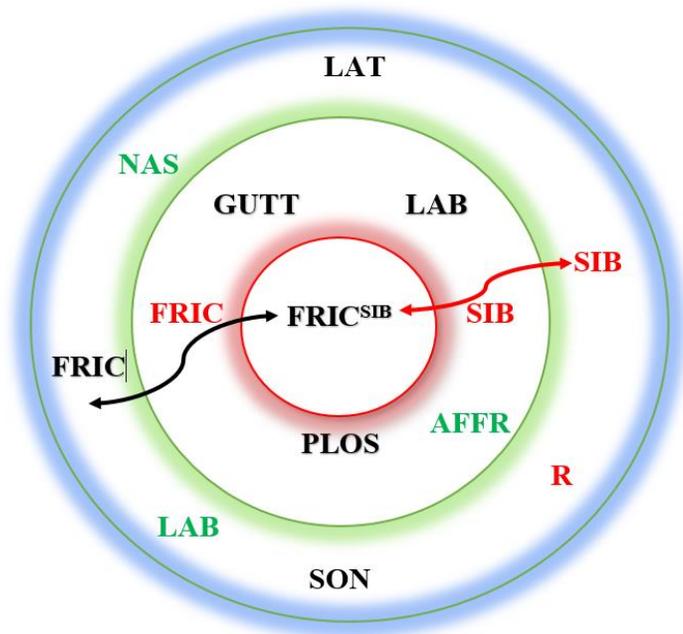

Рисунок 15 – Структура фоносемантического поля пейоративности в русском и английском языках

Ядром фоносемантического поля пейоративности выступает высокочастотный $FRIC^{SIB}$; околядерная зона – среднечастотные LAB, GUTT, FRIC, PLOS, SIB, AFFR; периферия – низкочастотные SON, SIB, LAB, LAT, R, NAS, FRIC (Рисунок 15). На Рисунке 15 двусторонними стрелками выделены наиболее регулярные фоносемантические внутрисистемные связи между ядром

и периферией на уровне FRIC и SIB фонотипов. Алломорфизм фонотипов для символизации пейоративности в русском и английском языках наиболее очевиден на периферии поля.

Таким образом, **относительной универсалией** для репрезентации пейоративности в русском и английском языках являются следующие фонотипы:

- LAB (рус. У, Ф, Б – англ. U, B, P, Q);
- PLOS (рус. Б, К – англ. K, B, P, G, C, Q);
- FRIC (рус. Ш, Ф, Х, Щ, З – англ. Z);
- GUTT (рус. Х, К – англ. K, G, C, Q);
- SON (рус. Л, Р – англ. L, M).

Полученные результаты согласуются с фундаментальным фоносемантическим законом *доминантности изоморфизма*, поскольку в звукосимволизме пейоративов в русском и английском языках изоморфические черты доминируют над алломорфическими.

8. Интерпретация результатов

Дополнительно сравним полученные нами результаты с результатами других исследователей, которые пусть фрагментарно, но представлены в научном дискурсе.

По В. В. Левицкому, понятие *плохой* ассоциируется с фонетическим признаком *глухость* [Левицкий, 2009], что в нашем исследовании справедливо для русского языка, но не нашло подтверждения в английском (только в лабиальных глухих).

По данным В. В. Левицкого, пейоративность выражается таким признаком согласных, как *фрикативность*, что находит подтверждение и в

нашем исследовании. Самые частотные согласные в русском языке – это **Ш, Ф, Х**; в английском – **Z**.

А. М. Газов-Гинзберг [Газов-Гинзберг, 1965] пишет о связи *лабиализации, назализации и фрикативности* с выражением отвращения. Наши данные подтвердили такую связь лабиализации и фрикативности в русском и английском языках и назализации в английском.

В своей монографии «Фонетическое значение» А.П. Журавлёв дал символическое значение русским звукам по 25 признаковым шкалам. По шкале *хороший-плохой* «плохими» получились *фрикативные* [с, с', ж, ш, х'], *взрывные* [п', г'], *лабиализованный* [п'], *велярные* [г', х'], *аффриката* [ц].

По шкале *красивый-отталкивающий* «отталкивающие» звуки – *фрикативные* [с, ж, х'], *дрожащий* [р'], *взрывные* [п', б'], *лабиализованные* [п', б'], *велярный* [х'].

По шкале *нежный-грубый* «грубые» – *фрикативный* [ж], *взрывной* [в], *лабиализованный* [в], *велярные* [г, к], *дрожащий* [р].

По шкале *светлый-тёмный* «тёмные» – *фрикативные* [ж, ш], *дрожащий* [р], *велярный* [к].

По шкале *величественный-низменный* «низменные» – *фрикативные* [с, с', ж, ш, х'], *взрывные* [п', г'], *аффриката* [ц], *велярный* [х', г'] [Журавлёв, 1974]

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что негативная семантика по А. П. Журавлёву передаётся при помощи *фрикативных, взрывных, лабиализованных и велярных*, что коррелирует с полученными нами результатами.

В работах С. С. Шляховой и А. С. Лобановой [Шляхова, 2012а; Шляхова, 2013; Шляхова, 2014; Шляхова, 2016], по изучению звуко-символизма коми-пермяцкого языка находим следующие соответствия с нашими данными, демонстрирующие связь пейоративного значения с акустическим признаком

глухости (для русского языка), *лабиальности* и *велярности* согласных (для русского и английского).

Исследование звуко-символизма экспрессивной лексики китайского языка с пейоративным значением Т. А. Пруцких так же «подтверждает наличие звуко-символической связи между *лабиальными* звуками и отрицательным экспрессивно-эмоционально-оценочным значением». Оно показало, что «в фонетическом составе преобладают лабиальные финалы, которые составляют 81%» [Пруцких, 2020, с. 29] рассмотренных единиц.

Данные в работах иностранных коллег также созвучны нашим результатам в отношении *велярности* [Mandelbaum, 2024; Yardy, 2010], *взрывности* [Lev-Ari, 2022; Mandelbaum, 2024; Nielsen, 2013; Yardy, 2010] и выражения негативно-оценочного значения [Nielsen, 2013; Nielsen, 2011].

Обзор научной литературы показал, что в области консонантизма к звуко-символическим признакам пейоративности относят *назализацию*, *глоттализацию*, *фрикативность*, *глухость*, *взрывность*, *лабиальность* и *велярность*; в области вокализма – *заднеязычность* и *лабиализованность*.

В нашем материале находят подтверждение такие признаки, как *лабиальность*, *гуттуральность* (*глоттализация* / *велярность*), *фрикативность*, *взрывность*; как нерегулярные признаки выступают *сонорность*, *назализация* и *глухость*.

Сравнительный анализ наших результатов с данными других исследователей показал высокую валидность полученных данных, особенно, в отношении таких носителей пейоративного значения, как фонетические признаки – *лабиализованность*, *фрикативность*, *гуттуральность*, *взрывность* и *глухость*.

Представляется возможным говорить об относительных универсалиях в репрезентации пейоративного значения в русском и английском языках.

9. Фонотип и мотивотип

Согласно теории фоносемантики, фонотип – тип звука речи, содержащий фонетический признакотип, гомоморфный с мотивотипом [Воронин, 2004].

Имеющий отношение к звуко-символизму фонотип – это тип звука речи, содержащий артикуляторный, акустический, мимический признакотип, гомоморфный с незвуковым мотивотипом.

Объяснение мотивотипа того или иного фонотипа в символизации пейоративности не входит в задачи нашего исследования, т.к., на наш взгляд, на данный момент состояния теории звуко-символизма ответы на эти вопросы пока невозможны и носят дискуссионный характер.

Однако частично можно объяснить полученные нами результаты по кросс-модальным соответствиям и звуко-символическим ассоциациям согласно референтной теории Р. Брауна, а также как соответствия между перцептивными и концептуальными, аффективными или лингвистическими свойствами. Логично выглядит объяснение этих причин с опорой на теории, которые полагают в основу звуко-символизма физические (акустические и артикуляционные) свойства звуков, психофизиологические механизмы синестезии и синестэмии.

Мотивотип LAV (рус. У, Ф, Б – англ. U, V, P, Q) может быть обусловлен тем, что «символизм данного фонотипа определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоцию презрения. Презрение (как и отвращение) в значительной степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа и оттягивается верхняя губа (обнажая клык с одной стороны лица), нос поднимается кверху» [Воронин, 2006, с. 94–95].

При произнесении округлых гласных /ou/, /u/, сходных с русским /y/, губы вытягиваются, что (даже вне речевой деятельности) выражает плохое настроение, насмешку, презрение [Bally, 1950].

Мотивотип PLOS (рус. Б, К – англ. K, B, P, G, C, Q) может быть обусловлен гомоморфностью способа образования: взрывные образуются способом, при котором голосовой тракт блокируется, прекращая поток воздуха. Этот процесс обычно включает три фазы: (1) подход, во время которого артикуляторы соединяются; (2) удержание (окклюзия, смыкание), во время которого артикуляторы удерживаются и блокируют поток воздуха; (3) высвобождение (взрыв, plosion), когда артикуляторы отделяются, выпуская сжатый воздух [Collins, 2013].

Отмечается связь между взрывными согласными *p*, *t*, *k* и значением *грубости* и *резкости* [Yardy, 2010; Nielsen, 2011];

Существующие значения слова *взрыв* также несут пейоративные коннотации: (1) Разрыв с большой разрушительной силой специального снаряда, оболочки и т.п. || Крайне быстрое и резкое освобождение большого количества энергии в ограниченном объёме вследствие мгновенного химического разложения вещества и образования сильно нагретых газов; (2) разрушение чего-либо при помощи взрывчатых веществ, взрывных снарядов и т.п.; (3) *перен.* Внезапное, бурное проявление какого-либо действия или чувства [СРЯ, 1985].

Мотивотип FRIC (рус. ш, ф, х, щ, з – англ. z) может быть связан с «фонетической мимикой отвращения». «Так называет Ф. Бруни мимику, дающую международную группу междометий, в русском языке представленную словами *фу!*, *фи!*, выражающую отвращение, в частности к дурному запаху». Происходят они от звука, с которым, по словам Бруни, «изгоняется прочь захваченный воздух из носа и рта». «В основном, конечно, действует нос; но так как в языках исторической эпохи очень редки глухие

носовые фонемы, звук передаётся ротовым щелевым глухим, сходным с носовым тем, что осуществляется мягкими, однородными органами (губами)» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 31–33].

Фонотип SIB как «фрикатив с препятствиями» отличается мощным первоначальным импульсом и активной динамикой. Перцептивно воспринимаются громче, агрессивнее и резче, чем их несIBILЯНТНЫЕ аналоги; у них более высокая амплитуда и более высокие частоты (около 8000 Гц), что приводит к перцептивной интенсивности СИБИЛЯНТОВ, поскольку они отличаются самыми чувствительными для слуха частотными диапазонами.

СИБИЛЯНТЫ являются сложными звуками при их производстве. В детской речи СИБИЛЯНТЫ появляются позже других звуков, чаще произносятся неправильно, что проявляется в СИГМАТИЗМЕ и ПАРАСИГМАТИЗМЕ.

При звукозаписи вокала и при «живом» пении звукоизвлечение СИБИЛЯНТОВ кажется очень агрессивным, резким, неприятным и утомительным; ситуацию не спасают даже совершенная техника и микрофоны.

Кроме того, звук шипения в природе и в быту обычно связан с ситуацией негативного характера (появление змеи, неисправности в технике, агрессия домашних животных, например, кошки и пр.).

Выявленный в нашем исследовании признак *глухости* для символизации пейоративности частично может объясняться тем, что глухие фРИКАТИВНЫЕ имеют более широкий спектр и высокую интенсивность шума за счет трения и турбулентных колебаний воздуха при образовании фРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ.

Мотивотип GUTT (рус. X, K – англ. K, G, C, Q), возможно, обусловлен характером глоттальных звуков, которые придают резкости языку, напоминают лающие звуки, что может приводить к перцептивной агрессивности для носителей языков, в которых таких звуков нет. В любом случае, глоттальные звуки – это горловые звуки, а горловой звук может ассоциироваться с мимическим движением позыва к рвоте.

Рвота – физиологическая реакция, направленной на защиту организма от токсичных веществ. Чаще всего рвота является негативным симптомом и характерна для инфекционных заболеваний, отравлений (пища, лекарственные препараты, алкоголь, запрещенные вещества), поражения почек, гастрита, язвы, сотрясения мозга и пр.

Рвота также может быть связана с сильным волнением, отрицательными эмоциями, разного рода фобиями, морской болезнью и пр. В любом случае рвота всегда вызывает негативные чувства и эмоции у человека, порождает тревогу, беспокойство, физиологическую слабость.

Мотивотип SON (рус. Л, Р – англ. L, M) частично может быть связан с назализацией как презрительным и / или неприятным в перцепции говорением в нос. Сама этимология выражения *говорить в нос* означает «произносить слова невнятно», «бубнить» (под нос), «гундосить» и несёт в себе оттенок презрительности, брезгливости, отвращения по отношению к собеседнику.

Гнусавость (ринолалия, дисфония, аллаия и пр.) связана с функциональными нарушениями носоглотки или анатомических дефектов речевого аппарата.

Гнусавость всегда требует медицинского или логопедического вмешательства, поскольку может приводить к астеническому синдрому (апатичность, усталость, вялость), проблемам со сном, повышенной немотивированной раздражительности, эмоциональной неустойчивости, иногда – к проблемам с физическим или умственным развитием. Негативные эмоции обеспечены.

Кроме того, все сонорные являются сложными звуками при их производстве. Для детей все сонорные считаются наиболее сложными для произношения, особенно Л и Р.

Однако подобных корреляций недостаточно, т.к. в фоносемантических исследованиях важнейшую роль играет фоносемантическая этимология,

которая, например, позволяет ответить на вопрос *Почему слово фея содержит фонотип (глухой фрикативный сибиллянт), связанный с негативной семантикой?*

Мифологическая, культурологическая и этимологическая история слова *фея* позволяет проследить верования, в которых фея представала как «пониженный в должности ангел»; дух умершего; существа типа финно-угорской чуди; магический персонаж, который выполняет функции вредоносных языческих божеств и пр.

Однако более аргументированным представляется тезис о том, что один из принципов фоносемантики гласит: все фонотипы в звукоизобразительном слове полифункциональны [Воронин, 2006].

Согласно фоносемантическому принципу отражения, оставаясь в целом адекватным, отражение в языковом знаке претерпевает определённые искажения, обусловленные, в частности, двуступенчатостью отражения (двойным преломлением отражаемого) в знаке, много-многозначностью соотношения между знаком и объектом номинации, относительной денатурализацией знака (частичной утратой им примарной мотивированности) в процессе эволюции [Там же].

Проще говоря, чтобы ответить на вопрос *Почему тот или иной фонотип репрезентирует в языке ту или иную семантику?* необходимо, как минимум, провести фоносемантический этимологический анализ всей группы слов с определённой семантикой в нескольких разноструктурных языках, установить исторические фонетические и семантические изменения в каждом слове в процессе его эволюции и функционирования, установить степень и причины «деиконизации» [Флакман, 2015а] слова, установить звукоизобразительную модель, состоящую из фонотипов, по которой моделируются все исследуемые слова с заданной семантикой, а также проверить действие модели на других

неродственных и родственных языках. Это можно отнести к перспективам данного исследования.

Выводы по главе

Анализ научной литературы выявил недостаточность изученности проблемы пейоративности в языке, несмотря на то, что во всех языках есть лексические единицы, способные экспрессивно передать негативную оценку человека или ситуации. Мы столкнулись с проблемами в терминологии, разграничения понятий.

В рамках нашего исследования было принято решение считать пейоративами лексические единицы с негативно-экспрессивно-эмотивно-оценочным значением, которые входят в пласт общеупотребительной лексики и зафиксированы в словарях. Критериями отбора послужили словарные пометы с семантикой *бранное, неодобрительное, презрительное, уничижительное, пренебрежительное, грубое* и т.п., а также само толкование слова, определяющее его значение как негативно-оценочное.

В ходе исследования были выявлены следующие *относительные универсалии* в символизации пейоративного значения в русском и английском языках:

- LAB (рус. У, Ф, Б – англ. U, B, P, M, Q);
- PLOS (рус. Б, К – англ. K, B, P, G, C, Q);
- FRIC (рус. Ш, Ф, Х, Щ, З – англ. Z);
- GUTT (рус. Х, К – англ. K, G, C, Q);
- SON (рус. Л, Р – англ. L, M).

Построение шкалы градуальности звукосимволической пейоративности позволило выделить три зоны, в которых доминируют те или иные фонотипы:

- зона фриктивности (максимальный звукосимволический потенциал);
- зона лабиальности, взрывности и гуттуральности (велярности);
- зона сонорности (минимальный звукосимволический потенциал).

В литературе по звукосимволизму в области консонантизма к звукосимволическим признакам пейоративности относят *назализацию, глоттализацию, фриктивность, глухость, взрывность, лабиальность и велярность*; в области вокализма – *заднеязычность и лабиализованность*.

В нашем материале находят подтверждение такие признаки, как *лабиальность, велярность (глоттализация), фриктивность, взрывность, глухость, глоттализация (гуттуральность), сонорность*; как нерегулярные признаки выступают *звонкость, назализация*.

Изоморфизм в звукосимволизме пейоративов преобладает над алломорфизмом, что является базовой характеристикой звукоизобразительной системы языка и подтверждает фундаментальный закон фоносемантики – закон доминантности изоморфизма.

Таким образом, подчинение исследуемой группы лексики базовым фоносемантическим законам позволяет рассматривать пейоративы как часть звукосимволической подсистемы звукоизобразительной системы языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В рамках настоящей работы проведено специальное исследование звукоимволизма пейоративов на материале двух языков, а также разработана оригинальная методика исследования звукоимволизма пейоративов, основанная на апробированных собственно лингвистических, фоносемантических и статистических методах и подходах.

2. Обзор научной литературы по звукоимволизму пейоративов показал, что эти исследования отличаются несистемностью, фрагментарностью, часто противоречивостью, что может быть связано с отсутствием единых методик анализа, нерепрезентативностью выборки и исследуемого материала и пр.

Несистемность и фрагментарность типологических исследований на сегодня не позволяют выявить абсолютные и относительные звукоимволические универсалии, которые составляют фундамент звукоизобразительной системы языка. Однако звукоимволические способы репрезентации семантики оценочности, оценки (шкалы *плохой – хороший, приятный – неприятный, величественный – низменный, нежный – грубый* и т.п.) получают достаточное основание для выявления фоносемантических способов репрезентации пейоративности.

3. В современных научных исследованиях к звукоимволическим признакам пейоративности относят в области консонантизма *назализацию, глоттализацию, фрикативность, глухость, взрывность, лабиальность и велярность*; в области вокализма – *заднеязычность и лабиализованность*.

В нашем материале находят подтверждение такие признаки, как

- в области консонантизма *лабиальность, гуттуральность (глоттализация, велярность), фрикативность, взрывность, глухость, сонорность*;

- в области вокализма – *лабиализованность*;
- как нерегулярные признаки выступают *звонкость* и *назализация*.

4. Установлено, что звукосимволическая репрезентация семантики пейоративности в двух языках имеет разную степень выраженности фоносемантической значимости у различных графонов.

В исследованиях семантики с эмоционально-оценочными и экспрессивными коннотациями вводятся категории интенсивности и градуальности. В исследовании звукосимволического потенциала графонов, фонетических признаков и фонотипов, связанных с семантикой пейоративности, считаем целесообразным также оперировать категориями интенсивности и градуальности.

Выявление *степени интенсивности* звукосимволического потенциала графонов и фонетических признаков, а также построение шкалы градуальности позволило выделить следующие закономерности:

- наиболее сильные связи с семантикой пейоративности, которые устанавливаются на уровне *лабиального, фрикативного, взрывного, гуттурального* фонотипов;
- не показывают сильной связи – *сонорные, вибрант, назальные* согласные.

Построение шкалы градуальности звукосимволической пейоративности позволило выделить три зоны, в которых доминируют те или иные фонотипы:

- зона *фрикативности* (максимальный звукосимволический потенциал);
- зона *лабиальности, взрывности* и *гуттуральности*;
- зона *сонорности* (минимальный звукосимволический потенциал).

5. Анализ звукосимволизма пейоративности показал, что максимальный звукосимволический потенциал пейоративности лежит в области

консонантизма. Фоносемантической репрезентацией пейоративности в области консонантизма являются следующие фонотипы:

- *русский язык*: SIB^{HISS^Λ} (ш, щ); GUTT^Λ (х, к); FRIC (ш, ф, х, щ, з); LAB (у, ф, б); PLOS (б, к); CONS^Λ (ш, ф, х, к, щ); SON^{LAT} (л); R (р). Наиболее сильные связи со значением пейоративности у *лабиальных, фрикативных, шипящих, гуттуральных, взрывных и глухих*;
- *английский язык*: AFFR, FRIC^{SIB^V} (z); LAB (у, в, р, м, q); PLOS (к, в, р, г, с, q); GUTT (к, г, с, q); SON (м, л). Наиболее сильные связи – у *взрывных, лабиальных, гуттуральных и фрикативных*.

6. В области вокализма не удалось обнаружить устойчивой фоносемантической связи фонотипа с семантикой пейоративности; исключение – лабиализованные русский У и английский U.

7. Установленной *относительной универсалией* в символизации пейоративности для русского и английского языков являются следующие фонотипы:

- LAB (рус. У, Ф, Б – англ. U, В, Р, М, Q);
- PLOS (рус. Б, К – англ. К, В, Р, Г, С, Q);
- FRIC (рус. Ш, Ф, Х, Щ, З – англ. Z);
- GUTT (рус. Х, К – англ. К, Г, С, Q);
- SON (рус. Л, Р – англ. L, M).

6. Согласно базовому фоносемантическому закону доминантности изоморфизма в звуко-символизме пейоративов *изоморфизм преобладает над алломорфизмом*.

Наше исследование звуко-символизма пейоративности является пилотным, а потому не учитывающим многих условий и факторов, что обуславливает перспективы исследования.

Перспективным выглядит продолжение изучения фоносемантических способов репрезентации пейоративности с привлечением ещё большего количества пейоративных единиц, в том числе фразеологизмов, идиом, устойчивых сочетаний.

Необходимо исследование звукосимволизма пейоративности с учётом и дифференциацией морфемной структуры слова: определение звукосимволической нагрузки на корень, приставки, суффиксы и пр.

Важным представляется исследование звукосимволизма пейоративности с учётом и дифференциацией позиционных (оглушение, редукция, ассимиляция, диссимиляция, стяжение, диэреза и пр.) и комбинаторных изменений звуков.

Безусловный интерес представляет пласт обценной лексики, которая сохраняет свою функциональность и максимальный экспрессивный потенциал. Обценная лексика русского языка, по нашим данным, не подвергалась фоносемантическим исследованиям. В английском обценная лексика изучается фрагментарно, в составе негативно-оценочной лексики.

Перспективным предметом исследования можно рассматривать проявление универсального характера звукосимволизма на материале максимального большого количества языков.

Актуальным представляется формирование и использование в исследовании звукосимволизма пейоративов информационных технологий, программного обеспечения, нейросети, корпусных ресурсов.

Кроме того, на сегодня пока нельзя дать ответ на главный вопрос: почему именно эти звуки, фонотипы, фонетические признаки формируют в языке ту или иную семантику.

Вероятно, ответы на эти вопросы следует искать в теории звукосимволизма, природа которого на сегодня остается непрояснённой. Дискуссии продолжаются.

Кросс-модальные соответствия и звукосимволические ассоциации в фонотипном составе пейоративов могут рассматриваться как соответствия между перцептивными и концептуальными, аффективными или лингвистическими свойствами или как нейронные факторы (общий механизм нейронного кодирования для стимула, независимо от модальности).

Объяснение выбора того или иного фонотипа в формировании семантики пейоративности можно искать в теориях, которые полагают в основу звукосимволизма физические (акустические и артикуляционные) свойства звуков, психофизиологические механизмы синестезии и синестэмии.

Таким образом, пейоративы требуют дальнейших исследований, что в перспективе позволит установить универсальные механизмы функционирования и перцепции звукосимволизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Атаджанян С. А. Первоисточники цветоименований. Фоносемантика и этимология (на материале русского и испанского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Атаджанян Сюзанна Абриковна. – Пятигорск, 2014. – 214 с.
5. Афлитанова, Ю. Р. Изучение особенностей пейоративной лексики на примере русского, английского и французского языков / Ю. Р. Афлитанова, С. М. Давлетшина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании : Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2018. – Т. 2. – С. 228–231.
6. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва, 1961. – 202 с.
7. Бобе, А. С. Система распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица [Электронный ресурс] / А. С. Бобе, Д. В. Коньшев, С. А. Воротников // Инженерный журнал : наука и инновации : электронное научно-техн. изд. – Москва : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. – Вып. 9 (57). – С. 1–16. – URL: <https://engjournal.ru/catalog/mesc/rmrs/1530.html>. – DOI 10.18698/2308-6033-2016-9-1530.
8. Бобе, А. С. Программа ЭМОДЕТЕКТ (версии 2.3.0, 3.0.) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / разработчики А. С. Бобе, Д. В. Коньшев ; правообладатель ООО

- «Нейроботикс» (RU). – Москва, 2018. – Электронная программа : электронная.
9. Братчикова, Е. А. К вопросу о носителе фонетического значения / Е. А. Братчикова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2012. – № 1. – С. 15–22.
10. Бродович, О. И. О некоторых фундаментальных понятиях фоносемантики / О. И. Бродович // Знак: иконы, индексы, символы : Тезисы докладов международной конференции «Знак: иконы, индексы, символы», посвящённой 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина, 5–6 октября 2005 года. – Санкт-Петербург : Тип. ЦСИ, 2005. – 81 с.
11. Бродович О. И. Фонема и фонотип / О. И. Бродович // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Т. 9, № 3. – С. 620–624.
12. Буй, В. Русская заветная идиоматика (Весёлый словарь крылатых выражений) / Редакторскую работу над рукописью провели Анатолий Баранов и Дмитрий Добровольский. – Москва : Помовский и партнёры, 1995. – 309 с.
13. Ваулина, И. А. Фоносемантика просторечного слова / И. А. Ваулина // Уральский филологический вестник. Серия : Психолингвистика в образовании. – 2015. – № 4. – С. 17–34.
14. Ваулина, И. А. Фоносемантический компонент значения слова в свете экспериментальных данных / И. А. Ваулина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 33–47
15. Ваулина, И. А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: лингвистический и психолингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ваулина Ирина Александровна. – Екатеринбург, 2017. – 262 с.
16. Ваулина, И. А. Универсальный и национальный аспекты оценочного

- восприятия звуковой оболочки слова / И. А. Ваулина // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика : сборник научных трудов, Гуанчжоу - Екатеринбург, 05–08 декабря 2018 года. – Гуанчжоу; Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. – С. 141–149. – EDN LOOLPB.
17. Ваулина, И. А. Проект словаря звукоизобразительных экспрессем (идеофонов) современного русского литературного языка (по данным языкового сознания) / И. А. Ваулина, Е. Н. Иванова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 919–923. – EDN VPBFDS.
18. Ваулина, И. А. Проблемы лексикографической интерпретации фоносемантов / И. А. Ваулина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2020а. – № 18. – С. 135–148. – DOI 10.26170/pla20-01-14. – EDN AVJVLС.
19. Ваулина, И. А. Краш и крашиха: фоносемантика в молодёжном жаргоне / И. А. Ваулина // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 238–247.
20. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
21. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения : учебное пособие / С. В. Воронин. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 200 с.
22. Воронин, С. В. Английские ономатопы: фоносемантическая классификация / С. В. Воронин. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2004. – 190 с.
23. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
24. Воротников Ю. Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воротников Юрий Леонидович. – Москва, 1987. – 20 с.

25. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг. – Москва : Наука, 1965. – 184 с.
26. Газов-Гинзберг, А. М. Звуковой символизм как универсалия / А. М. Газов-Гинзберг // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока : VII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). – Москва : ГРВЛ, 1971. – С. 124–126.
27. Гладилин, А. В. Лексические маркеры предубеждений и ненависти / А. В. Гладилин // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. – 2013. – № 4 (4). – С. 21–26.
28. Гладилин, А. В. Табу и слуры / А. В. Гладилин // Русский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 1 (29). – С. 54–57.
29. Гладилин, А. В. Является ли слур языковой категорией? / А. В. Гладилин // Глобальный научный потенциал. – 2022а. – № 3 (132). – С. 223–226.
30. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь / В. Д. Девкин. – Москва : Международные отношения, 1976. – 256 с.
31. Докторович, В. А. Три теории порождения звуко-символизма [Электронный ресурс] / В. А. Докторович. – [Пятигорск, 2014]. – URL: https://upload.pgu.ru/iblock/b33/uch_2014_v_24.pdf (дата обращения: 07.03.2023).
32. Долгих З. Б. Актуальные подходы исследования градуальных значений / З. Б. Долгих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 12 (751). – С. 36–44.
33. Долгих З. Б. Операциональные средства и способы градуирования значений (на материале португальского языка) : автореф. дис. ... канд. наук : 10.02.05 / Долгих Зоя Борисовна. – Москва : МГЛУ, 2020. – 27 с.
34. Егорова В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании / В. Н. Егорова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 6–2, – С. 224–226.

35. Ершова Н. И. К вопросу о лингвистическом статусе категории градуальности и смежных с ней категориях в современном русском языке [Электронный ресурс] / Н. И. Ершова, Н. А. Кузминова // Огарёв-Online. – 2017. – №4 (93). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvisticheskom-statuse-kategorii-gradualnosti-i-smezhnyh-s-ney-kategoriyah-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 20.03.2024).
36. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 1997. – 328 с.
37. Жельвис, В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики / В. И. Жельвис // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 109–113.
38. Жельвис, В. И. Обзывания как национально-специфическая характеристика. Англо-русские бранные предпочтения / В. И. Жельвис // Жанры речи. – 2011. – № 7. – С. 188–210.
39. Жельвис, В. И. Жанр обзываний: тело как бранный инвентарь (немецко-русские языковые параллели) / В. И. Жельвис // Жанры речи. – 2015. – № 1 (11). – С. 85–92.
40. Журавлёв, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлёв. – Ленинград, 1974. – 160 с.
41. Журавлёв, А. П. Звук и смысл : Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А. П. Журавлёв. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1991. – 160 с.
42. Ирисханова, О. К. Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса / О. К. Ирисханова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 29–39. – EDN IUWTFL.
43. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва, 1991. – 495 с.

44. Карасик, В. И. Нормы поведения в языковой картине мира / В. И. Карасик // Вестник московского государственного областного университета. Серия : лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 35–49.
45. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : Учебное пособие / И. М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
46. Ковалевская, А. В. Пейоративность в категории наименования лица / А. В. Ковалевская // Аспирант и соискатель. – 2007. – № 3. – С. 45–51.
47. Ковалевская, А. В. Освещение понятия «пейоративность» в лингвистической литературе / А. В. Ковалевская // Вопросы филологических наук. – 2007а. – № 4. – С. 37–41.
48. Ковалевская, А. В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ковалевская Анна Владимировна. – Москва, 2008. – 22 с.
49. Коваленко, Е. В. Языковая актуализация пейоративной оценки (на материале английского языка) : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Коваленко Елена Викторовна. – Барнаул : РГБ, 2006. – 189 с. – URL: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0164/070164024.pdf> (дата обращения: 19.01.2018).
50. Колева-Златева, Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения: проблемы этимологизации [Электронный ресурс] / Ж. Колева-Златева // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2008. – № 53/2. – С. 381–395. – doi.org/10.1556/sslav.53.2008.2.12
51. Колева-Златева, Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения / Ж. Колева-Златева. – Дебрецен, 2008а. – 356 с. – ISBN 978-963-473-123-8.
52. Колева-Златева, Ж. О статусе звукоизобразительных слов в языке [Электронный ресурс] / Ж. Колева-Златева // *Slavica*. – 2008b. – № 37. – С. 33–53. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/698-o-statuse-zvukoizobrazitelnykh-slov-v-yazyke.html> (дата обращения: 14.10.2022).

- 53.Кривошеева, Е. И. К вопросу изучения иконизма в китайском языке / Е. И. Кривошеева // Актуальные проблемы языкознания. – 2019. – №1. – С. 250–255.
- 54.Кудисова, Е. А. Пейоративные номинации лица как средство проявления вербальной агрессии в английском языке (на примере сокращений) / Е. А. Кудисова, И. Ю. Рахманова // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2014. – № 36. – С. 54–62.
- 55.Кузьмич, И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузьмич Ирина Васильевна. – Санкт-Петербург, 1993. – 17 с.
- 56.Кухаренко, В. А. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics : учебное пособие / В. А. Кухаренко. – 8-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2016. – 184 с.
- 57.Левин, Ю. И. Об обценных выражениях русского языка / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. 809–819.
- 58.Левицкий В. В. Sound symbolism: Основные итоги / В. В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 129 с.
- 59.Левицкий, В. В. Звуковой символизм: Мифы и реальность / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2009. – 186 с.
- 60.Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Лескина Седа Витальевна. – Челябинск, 2010. – URL: <http://www.dissercat.com/content/kategoriya-peiorativnosti-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-v-aspekte-lingvokulturologicheskog> (дата обращения: 05.01.2016).

- 61.Лескина, С. В. Презентация категории пейоративности в русской и английской фразеологии / С. В. Лескина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2010а. – № 1 (1). – С. 272–279.
- 62.Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Москва, Ленинград, 1952. – Т. 7. – 995 с.
63. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики : монография / Н. А. Лукьянова ; отв. ред. А. И. Федоров ; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1986. – 230 с.
- 64.Михайлин, В. Русский мат как мужской обценный код / В. Михайлин // Тропа звериных слов : Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – Москва : НЛЮ, 2005. – С. 331–360.
- 65.Михалёв, А. Б. Теория фоносемантического поля / А. Б. Михалёв. – Пятигорск : ПГЛУ, 1995. – 213 с.
- 66.Михалёв, А. Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы / А. Б. Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы IV Международных Березенских чтений. – Вып.14. – Москва : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – С.140–146.
- 67.Михалёв, А. Б. Современное состояние фоносемантики [Электронный ресурс] / А. Б. Михалёв // Новые идеи в лингвистике XXI века. Материалы 1 Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора В. А. Хомякова. Ч. 1. – Пятигорск, 2009. – С. 52–59. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/640-sovremennoe-sostoyanie-fonosemantiki.html> (дата обращения: 12.07.2018).
- 68.Михалёв, А. Б. Методический арсенал фоносемантики [Электронный ресурс] / А. Б. Михалёв // Методология современного языкознания :

- Сборник статей / отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. – Москва : АСОУ. – 2010. – С. 122–141. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/636-metodicheskij-arsenal-fonosemantiki.html> (дата обращения: 12.07.2018).
69. Михалёв, А. Б. Фоносемантика: от античности до современности [Электронный ресурс] / А. Б. Михалёв // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. № 1. – С. 92–96. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/641-fonosemantika-ot-antichnosti-do-sovremennosti.html> (дата обращения: 12.07.2018).
70. Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 50–73. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (Дата обращения: 07.04.2016).
71. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи / И. Ю. Павловская. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2004. – 292 с.
72. Палладес, В. В. Инвективная лексика в арабском языке и её классификация / В. В. Палладес // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2022. – № 18-2. – С. 208–235.
73. Пилиди В. С. Криптография. Вводные главы [Электронный ресурс] / В. С. Пилиди. – Ростов-на-Дону, 2009. – 110 с. – URL: <http://window.edu.ru/resource/816/68816/files/rsu596.pdf> (дата обращения: 16.02.2016).
74. Пищальникова, В. А. Эмотивная экология как междисциплинарное направление современной лингвистики в трудах В. И. Шаховского и её перспективы / В. А. Пищальникова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3(166). – С. 193–197. – EDN TXYDM.

75. Пищальникова, В. А. Ассоциативный эксперимент как метод диагностирования динамических процессов в лексической семантике / В. А. Пищальникова // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе : коллективная монография Памяти Ольги Николаевны Селивёрстовой. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – С. 253–270. – EDN PNCZIC.
76. Пищальникова, В. А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова / В. А. Пищальникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023а. – № 2(870). – С. 49–56. – DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_49. – EDN VKUQGP.
77. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.
78. Плущер-Сарно, А. Большой словарь мата. Т.1 : Лексические и фразеологические значения слова «хуй» / А. Плущер-Сарно. – Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2005. – 392 с.
79. Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное / Л. П. Прокофьева. – Саратов : Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2007. – 280 с.
80. Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Прокофьева Лариса Петровна. – Саратов, 2009. – 388 с.
81. Прокофьева, Л. П. Синестезия в современной научной парадигме / Л. П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10, № 1. – С. 3–10.
82. Пруцких, Т. А. Звукосимволическая роль лабиальных в выражении семантики пейоративности на примере китайского языка [Электронный

- ресурс] / Т. А. Пруцких // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : Материалы 10-ой Международной научно-практической конференции, Иркутск, 18-19 июня 2005. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. – С. 540–546. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/750-zvukosimvolicheskaya-rol-labialnykh-v-vyrazhenii-semantiki-pejorativnosti-na-primere-kitajskogo-yazyka.html> (дата обращения: 27.01.2023).
83. Пруцких, Т. А. Проявление иконизма в языке: экспериментально-теоретическое исследование : дис. ... канд. филолог. Наук : 10.02.19 / Пруцких Татьяна Анатольевна. – Бийск, 2008. – 207 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/proyavlenie-ikonizma-v-yazyke-eksperimentalno-teoreticheskoe-issledovanie-0#ixzz3ogjmyot> (дата обращения: 5.01.2016).
84. Пруцких, Т. А. Звуковая форма пейоративных междометий / Т. А. Пруцких // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008а. – № 3. – С. 48–52.
85. Пруцких, Т. А. Звукосимволизм экспрессивной лексики китайского языка / Т. А. Пруцких // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – 2020. – № 29. – С. 24–30.
86. Рогожина, Г. С. Фоносемантические идеи в отечественном языкознании / Г. С. Рогожина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1 (7). – С. 213–220.
87. Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. – Уфа: Изд-во БашГУ. 2012. Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение). – С. 1313-1320.
88. Рогожникова, Т. М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации / Т. М. Рогожникова

- // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2016. – № 4 (23). – С. 95–108.
89. Рогожникова, Т. М. Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов / Т. М. Рогожникова // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5(83). – С. 164–182. – DOI 10.26170/pl20-05-15. – EDN XHNYBJ.
90. Румак, Н. Г. Звукосимволизм в японской ономотопее / Н. Г. Румак // Актуальные проблемы языкознания. – 2017. – Т. 1. – С. 300–305.
91. Савичева, Х. Н. Понятие семантической категории интенсивности и её языковое выражение [Электронный ресурс] / Х. Н. Савичева, Э. Ф. Рахимова // МНИЖ. – 2016. – №3–4 (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoy-kategorii-intensivnosti-i-ee-yazykovoe-vyrazhenie> (дата обращения: 20.03.2024).
92. Самсонова, Ю. А. О соотношении категорий оценки и градуальности в современном русском языке / Ю. А. Самсонова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3, Т. 1. – С. 118–122.
93. Сепир Э. Градуирование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 43–78.
94. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – Санкт-Петербург : ООО «Речь», 2002. – 350с.
95. Сичинский, А. Е. Когнитивные аспекты функционирования японской звукоизобразительной лексики / А. Е. Сичинский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 1 (1). – С. 193–205.
96. Сомова Е. Г. Звукосимволизм как фоностилистическое средство в поэтическом тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сомова Елена Георгиевна – Санкт-Петербург, 1991. – 206 с.

97. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
98. Сундуева, Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 344 с.
99. Сундуева, Е. В. Общественная лексика бурятского языка / Е. В. Сундуева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 2 (12). – С. 49–56.
100. Сюткина, Н. П. Диффузная группа эмотивных каузативов в русском и немецком языках / Н. П. Сюткина // Евразийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 4. – С. 37–41. – EDN DGZJUD.
101. Ташкинова, В. А. Фоносемантическая структура поликодового текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ташкинова Виктория Анатольевна. – Пермь, 2022. – 230 с.
102. Телия, В. Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1981. – 269 с.
103. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 143 с.
104. Турецкова, И. В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте (на материале немецких пейоративных имен, характеризующих человека) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Турецкова Ирина Васильевна. – Оренбург, 2011. – 225 с.
105. Турецкова, И. В. Социолингвистический аспект пейоративности на материале немецких и английских пейоративных имён // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы : сборник статей участников III Международной научно-практической конференции. – Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – С. 379–385.

106. Ускова А. И. Стилистический аспект описания аргю в словарях английского субстандарта / А. И. Ускова // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве : сборник материалов пятой международной научно-практической конференции, [г. Екатеринбург, 3 марта 2015 г.]. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 378–382.
107. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Успенский Б. А. // Избранные труды. Т. II. Язык и культура. – Москва, 1994. – С. 53–129.
108. Федяева Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы (на лексическом и текстовом материале современного русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Федяева Наталья Дмитриевна. – Барнаул, 2003. – 24 с.
109. Флакман, М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Флакман Мария Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 22 с.
110. Флакман, М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии / М. А. Флакман. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015а. – 199 с.
111. Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. – СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. – 201 с.
112. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : Монография / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
113. Шаховский, В. И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2012. – № 26. – С. 1–23.

114. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. – 504 с.
115. Шестакова, О. В. Универсальное и специфическое в ономотопее (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шестакова Ольга Валентиновна. – Пермь, 2013. – 256 с.
116. Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику : учебное пособие / С. С. Шляхова. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 217 с.
117. Шляхова, С. С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики / С. С. Шляхова. – Пермь, 2005. – 350 с.
118. Шляхова, С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья третья / С. С. Шляхова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1 (17). – С. 9–16.
119. Шляхова, С. С. Звуковой символизм в коми-пермяцком языке: фонестема, морфема, слово. Часть 1 / С. С. Шляхова // Вестник удмуртского университета. Серия История и филология. – 2013. – № 2. – С. 39–46.
120. Шляхова С. С. Иконичность редупликации в коми-пермяцком языке / С. С. Шляхова // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2013а. – №1. – С. 24–44.
121. Шляхова, С. С. Звуковой символизм в коми-пермяцком языке: фонестема, морфема, слово. Статья вторая / С. С. Шляхова // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. – 2014. – № 2. – С. 19–28.
122. Шляхова, С. С. Лингвистический иконизм в научном и интернет дискурсе [Электронный ресурс] / С. С. Шляхова // Russia Review. – 2015. –

- №1 (2). – URL: <http://rusreview.com/journal/vol-1-2015-rus/34-lingvisticheskiy-ikonizm-v-nauchnom-i-internet-diskurse.html> (дата обращения: 04.06.2023).
123. Шляхова, С. С. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность согласных в коми-пермяцком языке. Статья первая. Методика и результаты эксперимента / С. С. Шляхова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015а. – № 1(29). – С. 66–74. – EDN TMWFDX.
124. Шляхова, С. С. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность согласных в коми-пермяцком языке. Статья вторая. Обсуждение эксперимента / С. С. Шляхова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015b. – № 2(30). – С. 5–15. – EDN TYUWGT.
125. Шляхова, С. С. Звуковой символизм в коми-пермяцком языке: фонестема, морфема, слово. Статья третья / С. С. Шляхова // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. – 2016. – № 2 (26). – С. 143–152.
126. Шляхова, С. С. Проблемы лингвистического иконизма: фоносемантика на стыке XX-XXI вв. : Учебное пособие / С. С. Шляхова. – Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2023. – 109 с.
127. Шляхова, С. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / С. С. Шляхова, А. С. Лобанова. – Пермь, 2012а. – 297 с.
128. Шляхова, С. С. Немецкая оноματοпея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Deutsche Onomatopoeia: Forschungsgeschichte, Probleme, deutsch-russisches Wörterbuch. / С. С. Шляхова, О. В. Шестакова. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. – 289 с.
129. Шляхова, С. С. Фоносемантические идеи в российском языкознании: исторические очерки и извлечения : Учебное пособие. Хрестоматия / С. С. Шляхова, О. В. Шестакова. – Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2023а. – 148 с.

130. Ярошенко П. В. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультязычного корпуса) : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Ярошенко Полина Владимировна. – Москва, 2023. – 181 с.
131. Abelin, Å. Studies in sound symbolism / Å. Abelin. – Göteborg, 1999. – 279 p.
132. Abelin, Å. Emotional Prosody in Interjections: A Case of Non-arbitrariness in Language / Å. Abelin // Public Journal of Semiotics. – 2013. – № 1 (5). – P. 63–76.
133. Abelin, Å. Phonaesthemes and sound symbolism in Swedish brand names / Å. Abelin // Ampersand. – 2015. – №2. – P. 19–29.
134. Adelman, J. Emotional sound symbolism: languages rapidly signal valence via phonemes [Электронный ресурс] / J. Adelman, Z. Estes, M. Cossu // Cognition. – 2018. – № 175. – P. 122–130. – URL: <https://doi:10.1016/j.cognition.2018.02.007>
135. Ahlner, F. Cross-modal iconicity: A cognitive semiotic approach to sound symbolism [Электронный ресурс] / F. Ahlner, J. Zlatev // Sign Systems Studies. – 2010. – № 1/4 (38). – P. 298–348. – URL:<https://doi:10.12697/SSS.2010.38.1-4.11>
136. Alderete, J. Integrating sound symbolism with core grammar: The case of expressive palatalization [Электронный ресурс] / J. Alderete, A. Kochetov. – 2017 – URL: https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files/03_93.4Alderete.pdf (дата обращения 24.04.2023).
137. Allan, K. The Reporting of Slurs [Электронный ресурс] / K. Allan // Indirect reports and pragmatics: interdisciplinary studies. – 2015. – P. 211–232. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-21395-8_11 (дата обращения: 03.06.2023).

138. Allot, R. Sound Symbolism [Электронный ресурс] / R. Allot. – 1995. – URL: https://www.academia.edu/5957292/SOUND_SYMBOLISM (дата обращения 12.08.2016).
139. Anderson, L. Slurring Words / L. Anderson, E. Lepore // *Noûs*. – 2011. – № 1 (47). – P. 25–48.
140. Anderson, L. What Did You Call Me? Slurs as Prohibited Words / L. Anderson, E. Lepore // *Analytic Philosophy*. – 2013. – № 3 (54). – P. 350–363.
141. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Berne : Francke, 1950. – 440 p.
142. Bergen, B. K. The psychological reality of phonaesthemes / B. K. Bergen // *Language*. – 2004. – V.80, №2. – P. 290–311. – doi:10.1353/LAN.2004.0056.
143. Bolinger, R. J. The Pragmatics of Slurs [Электронный ресурс] / R. J. Bolinger // *Nous*. – 2017. – № 3 (51). – P. 439–462. – URL: <https://doi:10.1111/NOUS.12090>
144. Brown, R. Words and Things / R. Brown. – New York : Free Press, 1968. – 416 p.
145. Carling, G. Etymology and iconicity in onomatopoeia and sound symbolism: A Germanic case study [Электронный ресурс] / G. Carling // *Etymology and the European Lexicon Proceedings of the 14th Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17-22 September 2012, Copenhagen*. – Wiesbaden, 2016. – P. 93–104. – URL: https://www.academia.edu/67096717/Etymology_and_iconicity_in_onomatopoeia_and_sound_symbolism_A_Germanic_case_study
146. Collins, B. Practical Phonetics and Phonology : A Resource Book for Students / B. Collins, I. M. Mees. – 3rd ed. – Routledge, 2013. – 329 p.
147. Dinu, L. P. A Computational Exploration of Pejorative Language in Social Media [Электронный ресурс] / L. P. Dinu, I. B. Iordache, A. S. Uban, M. Zampieri // *Findings of the Association for Computational Linguistics*. – Punta

- Cana, Dominican Republic : Association for Computational Linguistics, 2021. – P. 3493–3498. – URL: <https://aclanthology.org/2021.findings-emnlp.296> (дата обращения: 03.06.2023).
148. Ervin-Tripp, S. M. Psycholinguistics / S. M. Ervin-Tripp, D. I. Slobin // *Annual Review of Psychology*. – 1966. – Vol. 17. – p. 435–474.
149. Finkelstein, S. R. Swearing and the brain [Электронный ресурс] // *The Oxford Handbook of Taboo Words and Language*. – [Oxford Handbooks], 2018. – P. 108-139. – URL: <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198808190.013.7>
150. Grossenbacher, P. G. Mechanisms of synesthesia: Cognitive and physiological constraints [Электронный ресурс] / P. G. Grossenbacher, C. T. Lovelace // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2001. – Vol. 5, № 1. – P. 36–41. – URL: [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(00\)01571-0](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(00)01571-0)
151. Hinton, L. Sound-symbolic processes / J. J. Hinton, L., Nichols, J., Ohala // *Sound Symbolism*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. 1–14.
152. Householder, Fred W. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme / Fred W. Householder // *Word*. – 1946. – №2. – P. 83–84.
153. Imai, M. Sound symbolism facilitates early verb learning [Электронный ресурс] / M. Imai, S. Kita, M. Nagumo, H. Okada // *Cognition*. – 2008. – №109(1). – P. 54–65. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.07.015>
154. Imai, M., Kita, S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution [Электронный ресурс] / M. Imai, S. Kita // *Philosophical Transactions of the Royal Society B : Biological Sciences*. – 2014. – №369(1651). – P. 1–13. – URL: <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0298>
155. Jakobson R., Waugh L. *The sound shape of language*. – Bloomington, Indiana University Press and London, Harvester Press, 1979. – 308 p .
156. Jeshion, R. Expressivism and the offensiveness of slurs / R. Jeshion // *Philosophical Perspectives*. – 2013. – № 1 (27). – Pp. 231–259.

157. Jeshion R. Loaded Words and Expressive Words: Assessing Two Semantic Frameworks for Slurs / R. Jeshion // *Croatian Journal of Philosophy*. – 2017. – Vol. 17, №50, – P. 111–130. – <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198758655.003.0004>
158. Jeshion, R. Slur Creation, Bigotry Formation: the Power of Expressivism / R. Jeshion // *Phenomenology and Mind*. – 2017a. – №11. – P 130–139. – https://doi.org/10.13128/Phe_Mi-20113
159. Jeshion, R. Varieties of Pejoratives / R. Jeshion // *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language*. – New York : Routledge. – 2021. – P. 211–231. – <https://doi.org/10.4324/9781003164869>
160. Johansson, N. E. The typology of sound symbolism: Defining macro-concepts via their semantic and phonetic features / N. E. Johanson // *Linguistic Typology*. – 2020. – № 2 (24). – P. 253–310.
161. Johansson, N. E. The building blocks of sound symbolism [Электронный ресурс] / N. E. Johansson. – [Lunds universitet, Media-Tryck, 2020a. – 281 p. – URL: https://www.academia.edu/82590130/The_building_blocks_of_sound_symbolism (дата обращения: 12.04.2023)]
162. Johnson, R. C. Phonetic symbolism in an artificial language / R. C. Johnson, N. S. Suzuki, W. K. Olds // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1964. – №69(2). – P. 233–236. – DOI: 10.1037/h0043851
163. Jouitteau, M. A survey of Breton expressive words / M. Jouitteau // *Expressivity in the European Linguistic Sphere*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2023. – P. 295–309. – URL: <http://dx.doi.org/10.1017/9781108989084.014>
164. Jürgens, U. M. Synaesthesia as an Ideasthesia-cognitive implications [Электронный ресурс] / U. M. Jürgens, D. Nikolić // *Synaesthesia and Children : Learning and Creativity*. – 2014. – P. 11–22. – URL: <http://www.danko->

- nikolic.com/wp-content/uploads/2013/08/Ideasthesia_English.pdf (дата обращения: 12.04.2023).
165. Leland, R. Cryptological mathematics. [s.l.]: The Mathematical Association of America, 2000. – 199 p.
166. Lev-Ari, S., McKay, R. The sound of swearing: Are there universal patterns in profanity? / Lev-Ari S, McKay R. // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2022. – Vol. 30 – P. 1103–1114. – doi: 10.3758/s13423-022-02202-0.
167. Madureira S. Exploring sound symbolism in the investigation of speech expressivity [Электронный ресурс] / S. Madureira, Z. A. de Camargo // Conference: 3rd Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics. – 2010. – P. 105–108 – URL: https://exlingsociety.com/wp-content/uploads/proceedings/exling-2010/03_0027_000147.pdf (дата обращения: 12.04.2023).
168. Madureira S. Sound symbolism, speech expressivity and crossmodality / S. Madureira, M. Augusto, S. Fontes, Z. Camargo // *Significances (Signifying)*. – 2019. – № 1 (3). – Pp. 98–113.
169. Magnus M. What's in a word?: Studies in Phonosemantics [Электронный ресурс] / M. Magnus. – 2001. – URL: <https://ntnuopen.ntnu.no/ntnu-xmlui/handle/11250/243679> (дата обращения: 17.08.2023).
170. Mandelbaum, E. The Sound of Slurs: Bad Sounds for Bad Words [Электронный ресурс] / E. Mandelbaum, S. Young // *Oxford Studies in Experimental Philosophy*. – 2024. – Volume 5. – URL: <https://philarchive.org/archive/MANTSO-26> (дата обращения 24.04.2023).
171. Miron, M. S. A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism. / M. S. Miron // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1961. – №62 (3). – P. 623–630. – doi:10.1037/h0045212
172. Mobbs, I. Phonoaesthesia, diachronic semantics, and the faculties of performance [Электронный ресурс] / I. Mobbs. – 2007. – URL:

- https://www.academia.edu/234791/Phonaesthesia_and_the_faculties_of_performance (дата обращения: 10.09.2023).
173. Nielsen A. The sound of round: Evaluating the sound-symbolic role of consonants in the classic Takete-Maluma phenomenon. / A. Nielsen, D. Rendall // *Canadian Journal of Experimental Psychology=Revue canadienne de psychologie expérimentale*. – 2011. – № 2 (65). – Pp. 115–124.
174. Nielsen, A. Parsing the role of consonants versus vowels in the classic Takete-Maluma phenomenon. / A. Nielsen, D. Rendall // *Canadian Journal of Experimental Psychology=Revue canadienne de psychologie expérimentale*. – 2013. – № 2 (67). – P. 153–163.
175. Ramachandran V. S. Synaesthesia – A Window Into Perception, Thought and Language / V. S. Ramachandran, E. M. Hubbard // *Journal of Consciousness Studies*. – 2001. – № 8 (12). – P. 3–34.
176. Ramachandran, V. S. The Phenomenology of Synaesthesia / V. S. Ramachandran, E. M. Hubbard // *Journal of Consciousness Studies*. – 2003. – № 10 (8). – Pp. 49–57.
177. Schloss, I. Chickens and pickles / I. Schloss // *Journal of Advertising Research*. – 1981. – №21. – P. 47–49.
178. Sidhu, D. Five mechanisms of sound symbolic association / D. Sidhu, P. Pexman // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2017. – № 25 (5). – P. 1619–1643. – URL: <https://doi.10.3758/s13423-017-1361-1>
179. Sidhu, D. Explorations of Sound Symbolism and Iconicity : Doctoral thesis. – Calgary, Canada, 2019. – P. 227. – URL: <http://hdl.handle.net/1880/111016>
180. Smith, G. W. The political impact of name sounds / G. W. Smith // *Communication Monographs*. – 1998. – №65(2). – P. 154–172.

181. Stapleton, K. The power of swearing: What we know and what we don't / K. Stapleton, K. B. Fägersten, R. Stephens ... [et al.] // *Lingua*. – 2022. – Vol. 277 (Article № 103406). – Pp 1–16 – doi:10.1016/j.lingua.2022.103406.
182. Tenchini, M. P. The Impoliteness of Slurs and Other Pejoratives in Reported Speech / M. P. Tenchini, A. Frigerio // *Corpus Pragmatics*. – 2020. – № 4. – P. 273–291. – URL: <https://doi.org/10.1007/s41701-019-00073-w>
183. Vanden Bergh, B. Linguistic distinction among top brand names / B. Vanden Bergh, K. Adler, L. Oliver // *Journal of Advertising Research*. – 1987. – №27(4). – P. 39–44.
184. Vanden Bergh, B. The rekurring kase of the special K. / B. Vanden Bergh // *Journal of Advertising Research*. – 1990. – №30(5). – P. RC9–RC12.
185. Wagoner, B. *Symbol formation* reconsidered: Moving forward by looking back / B. Wagoner // *Culture & Psychology*. – 2013. – № 19 (4). – P. 433–440. – DOI:10.1177/1354067X13500331.
186. Wescott, R. Linguistics iconism / R. Wescott // *Language*. – 1971. – №47(2). – P. 416–428. – doi:10.2307/412089. 10.2307/412089.
187. Willingham, E. The Linguistics of Swearing Explain Why We Substitute Darn for Damn [Электронный ресурс] / E. Willingham // *Scientific American*. – 2022. – December, 6. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-linguistics-of-swearing-explain-why-we-substitute-darn-for-damn/> (дата обращения: 03.06.2023).
188. Yardy, B. J. Sound symbolism, sonority, and swearing: an affect induction perspective / B. J. Yardy. – Lethbridge, Alta : University of Lethbridge, Dept. of Psychology, 2010. – P. 89. – URL: <https://hdl.handle.net/10133/2556> (дата обращения: 12.04.2023).
189. Zlatev, J. Editorial introduction : The return of sound symbolism / J. Zlatev // *Public Journal of Semiotics*. – 2013. – № 1 (5). – P. 1–2.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Англо-русский словарь современного сленга и ненормативной лексики. – Москва : АСТ : Восток – Запад, 2008. – 220 [4] с.
2. Апресян, 1998 – Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян. – 3-е изд. – Москва, 1998.
3. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 02.02.2024).
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
5. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского арго : свыше 12000 слов и выражений, арго-кинемалогос, жаргоны / В. С. Елистратов. – Москва : АСТ-Пресс, 2005. – 668 с.
6. Ермолович, Д. И. Новый большой русско-английский словарь / Д. И. Ермолович, Т. М. Красавина. – 2-е изд. – Москва : ООО «Русский язык – Медиа», 2006. – 1098 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 томах : около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006.
8. Квеселевич, Д. И. Русско-английский словарь ненормативной лексики / Д. И. Квеселевич. – Москва : ООО Изд-во Астрель, ООО Изд-во АСТ, 2002. – 1120 с.
9. Квеселевич, Д. И. Русско-английский словарь междометий / Д. И. Квеселевич, В. П. Сасина. – Москва : ООО Изд-во Астрель, ООО Изд-во АСТ, 2001. – 512 с.
10. Колева-Златева, Ж. С. Словник русских звуко-символических слов [Электронный ресурс]. – URL: <https://liconism.com/biblioteka-library/1071-slovník-russkikh-zvukosimvolicheskikh-slov.html> (дата обращения: 14.10.2022).

- 11.ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 709 с.
- 12.Ляшевская, 2009 – Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – 1087 с. Электронная версия издания: Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. Новый частотный словарь русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 16.02.2024).
- 13.Мюллер, В. К. Полный англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – Москва : Эксмо, 2014. – 907 с.
- 14.НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.02.24).
- 15.НСИС, 2006 – Новый словарь иностранных слов. – Москва : ООО Издательский центр «Азбуковник», 2006. – 784 с.
- 16.Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 3-е изд. – Москва : Аз, 1996. – 928 с.
- 17.Плуцер-Сарно, А. Словарь русского мата : в 12 тт. Тт. 1–2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://plutser.ru/mat/> (дата обращения 16.03.2024).
- 18.Русский мат : Толковый словарь / сост. Т. В. Ахметова. – 2-е изд., доп. и расшир. – Москва : Колокол-пресс, 1997. – 567 [1] с.
- 19.СРЯ, 1985 – Словарь русского языка в 4-х томах. АН СССР, ин-т русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1985.
- 20.Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2007.

21. ССЛТ, 2001 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
22. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 20.02.2024).
23. Толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Вече, 2001.
24. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. – Москва : Астрель, 2001.
25. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.02.2024).
26. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 17.02.2024).
27. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T. Dalzell, T. Victor. – Routledge, 2007. – 740 p.
28. Hotten J. A Dictionary of Modern Slang, cant and Vulgar Words / J. Hotten. – London, 1960. – 514 p.
29. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 2014. – 2224 p.
30. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson Education Limited, 2005. – 1620 p.
31. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 10th Edition. – Merriam-Webster, Incorporated Springfield, 1993. – 1598 p.
32. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 17.02.2024).

33. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English / E. Partridge. – New York, 1988. – 574 p.
34. Spears R. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / Richard Spears. – National Textbook Company; McGraw-Hill, 2000. – 577 с.
35. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – 9th edition. – Oxford University Press, 1995. – 1673 p.
36. Thesaurus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения: 17.02.2024).
37. Webster's New World Dictionary, third College Edition / Victoria Neufeldt, David B. Guralnik. – Cleveland & New York, 1989. – 516 p.

Приложение А

Словник русских пейоративов

абракадабра	баклан	бедолага	бессердечный
абсурд	бактерия	бедуин	бессмысленный
абьюзер	балабол	безалаберный	бессмыслица
авантюрист	балаган	безалаберщина	бессовестный
авгур	балагур	безбилетник	бесстыдник
авторитарный	баламут	безбожник	бесстыдный
аггел	баланда	безвкусица	бесстыжий
агитатор	балахон	безголовый	бестактный
агрессор	балбес	безграмотный	бесталанный
адепт	балда	бездарность	бестия
аккуратист	балласт	бездарный	бестолковка
алармист	баловень	бездарь	бестолковщина
алёша	балясник	безделушка	бестолковый
алиментщик	банальный	бездельник	бестолочь
алкаш	банальщина	бездушный	бесхарактерный
алкоголик	бандерлог	беззубый	бесхребетный
алконавт	бандит	безмозглый	бесцеремонный
алкота	бандура	безнадёжный	бесчинник
алчный	бандюга	безнравственный	бесчинный
альфонс	бандюган	безобразный	бесчинство
альяповатый	барабашка	безразличный	бесчувственный
амбал	барабора	безрассудный	бесшабашный
амёба	барабошка	безродный	бешеный
аморальный	баран	безумец	бздеть
аморфный	барахло	безумный	бздёх
анархист	барахольщик	безынициативный	бздун
анафема	барбос	белебеня	бздунишка
антисемит	бардак	белиберда	бирюк
антихрист	баржа	белобрысый	бирюльки
апатичный	бармалей	бес	битюг
аспид	барыга	бескультурие	бич
аутсайдер	баскобай	бесноватый	бичёвка
аферист	бастард	бесовщина	блажной
ахинея	басурман	беспардонный	блажь
баба	бахвал	беспокойный	блатной
бабайка	бацилла	бесполезный	блевотина
баба-яга	башка	беспорядочный	блевун
бабник	бегемот	беспредел	блин
бабуин	беготня	беспредельщик	блоха
бадяга	бедлам	беспринципный	блохастый
базар	беднота	беспрокий	блудливый
базарить	бедняк	беспутник	блудник
байда	бедокур	беспутный	блудня

блудодей	брюхан	вертеп	вымесок
блюдолиз	брюхастый	вертихвостка	вымогатель
бобик	брюхатый	вёрткий	выпендрёжник
бобыль	брюхач	вертлявый	выпивоха
богадельня	брюхо	вертопрах	выползень
богохульник	бубен	вертун	выродок
бодяга	бубнить	ветренный	выскачка
божок	бугай	вешалка	высокомерный
болван	будорага	взбалмошный	выухоль
болтливый	будоражащий	взбелениться	вякалка
болтовня	будоражный	вздор	вякать
болтун	бузила	вздорный	вялый
больной	бузить	взяточник	гаврик
бомж	бузотёр	визглявый	гад
бомжара	буйный	визгун	гадёныш
бомжатник	бука	вислоухий	гадина
бордель	буквояд	витютень	гадкий
борзый	бульварщина	вобла	гадливый
бормотун	бульдозер	волокита	гадостный
бормотуха	бумагомаратель	волокитчик	гадость
боров	бумаженция	волчара	гадюка
босяк	бунтарь	волынщик	гадюшник
ботан	бура	вольнодум	гаишник
бочка	бурда	вольнодумец	галдёж
бочонок	буржуй	вонючка	галиматья
бражник	бухарик	воображала	гамадрил
бракованный	бухло	вор	гангстер
бракодел	бухой	воровайка	гаргулья
бранчливый	буян	ворчливый	гарпия
брань	быдло	ворчун	гастролёр
бревно	быдлятина	ворьё	гвалт
бред	бычара	ворюга	гемор
бредни	бюрократ	вражина	геморрой
бредятина	бьяка	враки	геноцид
брезгливый	важный	враль	гиббон
брезгун	валандаться	враньё	глиста
брезгуша	валенок	вредина	глумиться
брехло	вальяжный	вредитель	глупец
брехня	вандал	вреднюга	глуповатый
брехун	варвар	вредный	глупости
бродяга	варево	врун	глупый
бросовый	варнак	вруша	глухарь
брошенка	вафел	вспыльчивый	глухня
брыластый	вафля	вульгарный	глухомань
брюзга	вахлак	вшивый	гнида
брюзгливый	ведьма	выдра	гнилой
брюзглый	верзила	выжига	гном
брюзжать	вероломный	выкормыш	гнусавый

гну́сность	грязище	дикошарый	дурила
гну́сный	грязнуля	диктатор	дурило
гоблин	грязнуха	дилетант	дурища
говённый	грязный	динозавр	дурновоспитанный
говнистый	грязюка	диссидент	й
говнище	губан	дистрофан	дурной
говно	губастый	дистрофик	дурнушка
говновоз	губошлёп	додик	дуролом
говнодавы	гулёна	докучать	дурошлёп
говноед	гуляка	долбанутый	дурында
говнотик	гулянка	долбень	дурь
говнюк	гулящий	долботряс	душегуб
говорун	гундос	долбоящер	душитель
головожоп	гундосить	долговязый	душман
головорез	гундосый	долдон	душнила
головотяп	гусыня	долдонить	душный
голодранец	дальтоник	домосед	дылда
голоштанник	дармоед	доносчик	дыра
голубой	даун	допотопный	дятел
голытьба	двоечник	доска	евнух
голяк	дворняга	дохлик	егоза
гомик	дворняжка	дохлый	едрит-ангедрит
гомосек	двуличный	дохляк	едрит-мадрид
гондурас	двурушник	доходяга	ёкклмн
гонор	дебил	драндулет	ёк-макарёк
гоношиться	дебилоид	драчун	ёксель-моксель
гонщик	дебошир	дребедень	ёлки-моталки
гопник	дегенерат	дристун	ёлки-палки
гопота	деградант	дристунишка	ёлы-палы
горгона	дезертир	дроздофил	ё-маё
горемыка	декадент	дрыщ	ёпрст
горилла	делец	дрянной	ёптель-моптель
горлан	деляга	дрянь	ёра
горлодёр	демагог	дряхлый	ерепениться
горлопан	демон	дуб	ересь
грабёж	деревенщина	дубина	еретик
грабитель	деревня	дубовый	ёрник
грамотей	дерево	дуболом	ёрничать
грёбанный	держиморда	дуботол	ерошка
греховный	дерзкий	дубьё	ерунда
грешник	дерьмо	дундук	ерундень
грешный	деспот	дура	ерундистика
громила	дефективный	дурак	ехидна
громоздкий	дефектный	дуралей	ехидный
грубиян	дешёвка	дурачина	ехидство
грубый	диверсант	дурачьё	жаба
грузный	дикарь	дуремар	жадина
грымза	дикий	дурень	жадный

жадоба	забияка	зевака	ихтиозавр
жадобина	забулдыга	зенки	ишак
жадюга	завистливый	злобный	кабан
жалкий	завистник	зловещий	каблук
жалоба	задавака	зловонный	кавардак
жалобщик	задавала	зловредный	каверзник
жбан	задира	злодей	казнокрад
желторотик	задохлик	злоехидный	каин
желчный	задрапезный	злой	какашка
женатик	задрипаный	злонравный	каланча
женоненавистник	задрот	злопамятный	калека
женоподобный	задрьга	злопыхатель	калоша
женофоб	заснайка	злорадный	калякать
жердина	заика	злоумышленник	каналья
жердь	закорузлый	злыдарь	канашка
жердяй	заливала	злыдень	канитель
жестокий	замарашка	злыдня	канительщик
живоглот	заморыш	злюка	канцелярщина
живодёр	замухрыжка	злючка	канюк
жиголо	замухрышка	змеюка	канючить
жид	замызганный	змий	капризный
жидовка	заноза	зомби	каракатица
жидомор	заносчивый	зоопарк	каракули
жижа	зануда	зубоскал	карга
жирдяй	занюханный	зубрила	карлик
жирный	западло	зудила	картавый
жирнюга	запальчивый	зюзя	карьерист
жиробасина	запивоха	идиот	кастрюля
жиртрест	зараза	идиотский	катавасия
жируха	засоня	иждивенец	кащей
жлоб	засранный	изверг	квазимодо
жлобина	зассать	изворотливый	квасить
жмот	зассыха	извращенец	квашня
жмотина	затетёха	изгой	квашонка
жмотяра	затхлый	изменник	квёлый
жопа	затянутый	изувер	квольый
жопища	заунывный	имбецил	квочка
жополиз	заурядность	импотент	керосинщик
жук	захватчик	индюк	кикимора
жулик	захолустный	инквизитор	кисель
жульё	захолустье	инсургент	кисляй
жульничать	зацикленный	интриган	кичливый
жупел	зачуханенный	инфантил	клеветник
журить	зачуханный	ипохондрик	клоака
журналюга	зашуганный	ирод	клоун
жуткий	заяц	истеричка	клохтунья
жучара	зверь	истукан	клуна
забегаловка	зверюга	иуда	клуша

клюшка	кошатница	лебезить	лузер
клянча	кошёлка	легавый	лукавый
клятвопреступник	кошмар	легкомысленный	лунатик
кляузник	кощей	лежебока	лупастый
кляча	краля	лежень	лупоглазый
кобель	крамольник	ленивец	лысый
кобениться	краснобай	ленивый	льстец
кобыла	кретин	лентяй	любимчик
коварный	кретиноид	лешак	лютый
коза	кривляка	лешачина	лягушатник
козёл	кривобокий	лешачиха	лярва
козлина	кривоглазый	леший	мажор
козлодой	криволапый	лешовка	мазила
колготиться	кривоносый	лжец	мазня
колготня	криворотый	лживый	майданщик
колдун	крикун	лизоблюд	макака
колдырь	кринжовый	лизоблюдник	макаронник
колоброд	критик	лилипут	маклак
коломес	критикан	липовый	малодушный
колхоз	кровопивец	лиходей	малолетка
колхозник	кровопиец	лихоимец	малохольный
колченогий	кровопийца	лихоманка	манатки
колымага	кровосос	лицедей	маньяк
конура	крокодил	лицемер	маразм
конченный	крокозябра	лицемерный	маразматик
копуша	крохобор	лишайный	маргинал
корова	крыса	лоботряс	марионетка
коротышка	крысятничать	ловелас	мародёр
корыстный	кукиш	ловкач	маромойка
корыстолюбец	кулёма	лодырь	мартышка
корявый	курва	ломака	мастодонт
коряга	курдюк	лопотуха	махинатор
косматый	курица	лопоухий	мегера
космач	куркуль	лопух	медведь
космы	куролесить	лопухнуться	медлительный
косноязычный	куролесица	лось	междоумок
кособокий	куряга	лотоха	межеумок
косоглазый	куряка	лох	меланхолик
косой	курятник	лохануться	мелочный
косолапый	кутила	лохматый	мелюзга
косорукий	лабуда	лохмач	ментяра
костлявый	лазутчик	лохмотник	мерзавец
косяк	лайдак	лохмы	мерзкий
косячник	лапа	лохопупел	мерзопакостный
котелок	лапоть	лохотрон	мерзость
кочан	лахудра	лошадь	мерзота
кочевряться	лачуга	лошара	меркантильный
кочерыжка	лгун	лошпиндос	мещанка

мещанский	мямлить	недовольный	нерадивый
мизерный	мямля	недоделок	неразбериха
микроб	мятежник	недомерок	неразумный
михрютка	наглёж	недоносок	нервный
мишура	наглец	недоразвитый	нервозный
мозглый	наглый	недоросль	нервотрёпка
мозгля	надменный	недоросток	неряха
мозгляк	надоеда	недостойный	неряшливый
молокосос	надоедала	недотёпа	несговорчивый
молчун	надоедливый	недотрога	несдержанный
моль	надувала	недоумок	нескладёха
монстр	надувальщик	недоучка	нескладный
морда	надувательство	недруг	неслух
мордастый	надутый	неженка	несмыслёнок
мордатый	назойливый	нежить	несмышлёный
мордovorot	накосячить	незавидный	несмышлёныш
морока	нализаться	незадачливый	несносный
моська	напыщенный	неинтересный	несуразный
мот	наркоман	неказистый	нетактичный
мотыга	наркоша	некрасивый	неугомонный
мочалка	насмешник	некультурный	неудачливый
мошенник	нафиг	неладный	неудачник
мразь	нахал	нелёгкая	неуживчивый
мракобес	нахалюга	нелепица	неуклюжий
мрачный	нахлебник	нелепость	неумейка
мудак	нахлобучить	нелепый	неумёха
мудила	нахрап	неловкий	неумойка
мудило	нахрапистый	нелюдим	неуч
мудозвон	нацик	нелюдь	неучтивец
мужичка	нацист	ненадёжный	неучтивый
мужлан	неадекват	ненасытный	неформал
мура	небокопнитель	ненормальный	нехристь
муравейник	небылица	неопрятный	нечестивец
мурластый	невеглас	неотёса	нечестный
мурло	невежа	неотёсанный	нечистоплотный
мусор	невежда	неповоротливый	нечисть
мутный	невежливый	неподобающий	нигер
муторный	неверный	непокорный	низкий
мутотень	невоспитанный	неполноценный	никакой
муть	неврастеник	непонятливый	никакуся
муфлон	невротик	непоседа	никто
мухлевать	невыносимый	непослушник	никудашный
мухлёвщик	негодник	непотребный	никчёмный
мухлёж	негодяй	непригодный	ничто
мухомор	негритос	неприличный	ничтожество
мыра	недалёкий	непристойный	ничтожный
мышь	недалновидный	неприятный	нищерброд
мякотелый	недобрый	непутёвый	ноль

носастый	овца	охреневший	плакса
носатик	оглашенный	очкарик	плебей
носатый	оглобля	очкастый	плешивый
носач	оглоед	очконавт	плодожорка
ночлежка	оголец	ошалелый	плоскодонка
нуда	оголтелый	павлин	плохой
нудить	огр	падаль	плут
нудный	ограниченный	падла	плюгавец
нудятина	огрызаться	пакостник	плюгавый
нытик	огузок	пакостный	побирушка
нюни	одурелый	пакость	повеса
нюня	озорник	паникёр	повесничать
обалдуй	окаянный	паразит	поганец
обдирала	оккупант	паралитик	поганить
обдираловка	околесица	параноик	поганка
обдурить	окуляры	параша	поганый
обезьяна	олень	паршивый	погань
обезьянничать	олигофрен	паскуда	поддакиватель
обещалкин	олух	паскудник	подзаборный
обжирала	омерзительный	пасть	подкаблучник
обжираловка	опоздун	пацанка	подлец
обжора	опостылый	пачкун	подлиза
обидчик	орала	педант	подлипала
обирала	орангутанг	педик	подлость
обираловка	орк	пентюх	подлый
облапошить	орун	пень	подлюга
облезлый	орясина	пердун	подлянка
облом	осёл	перебежчик	подонок
обломовщина	оскорбитель	переросток	подснежник
обломщик	остервенелый	перечница	подстава
обманщик	остолоп	пёс	подстилка
обноски	остолопина	песец	подстрекатель
ободранный	отбросы	петух	подхалим
оболдуй	отвратительный	пехтерь	подхалюза
оболтус	отморозок	пешка	позёр
обольститель	оторва	пигалица	позор
оборванец	отпетый	пигмей	позорище
оборвыш	отребе	пижон	позорник
оборзевший	отрёпыш	пипец	позорный
обормот	отрепье	пирушка	позорщик
образина	отродье	писака	пойло
обременительный	отсталый	писанина	показуха
обрюзглый	отстой	писателишка	показушник
обрюзгший	отступник	писец	политикан
обшарпанный	отщепенец	пискля	полоумный
общага	отъявленный	пискун	полудурок
объедала	офигевший	писулька	полукровка
объедки	охламон	пиявка	помело

помешанный	приставала	пустоголовый	растратчик
помои	притворщик	пустозвон	растрёпа
помойка	притеснитель	пустолайка	растрепай
поносить	притон	пустомеля	растяпа
пончик	приторный	пустоплёт	расфуфыра
попандопуло	прихвостень	пустослов	расфуфыренный
попойка	прихлебала	пустышка	расхититель
попрошайка	прихлебатель	пухлый	расхлябанный
попрошайничать	прихлебник	пухляк	рахит
попугай	провинциал	пучеглазый	рванина
порицать	проглот	пшик	рвань
порожняк	прогульщик	пыжиться	рвач
порочить	продажный	пьяница	рёва
порочный	прожора	пьянчуга	ревун
посмешище	прожорливый	пьянчужка	ренегат
посредственность	пройдоха	пьяный	репа
посредственный	проказник	пьянь	репей
постылый	проклятый	раболепный	рехнуться
посудина	пролаза	разбойник	решала
потаскун	проныра	разболтанный	рисоваться
потаскуха	пропойца	развалина	рисовки
потаскушка	простак	развалюха	рифмоплёт
пофиг	простолюдин	разведёнка	рогоносец
похабный	простофиля	развратитель	рожа
похабщина	простыня	развратник	ротозей
похотливый	противный	разгильдяй	рохля
пошлец	профан	раздолбай	ругатель
пошлый	профукать	разжиреть	рукожоп
пошляк	профура	раззява	рухлядь
пошлятина	профурсетка	разиня	рыло
праздношатай	прохвост	разлучница	рыхлый
праздный	прохиндей	размазня	рябой
предатель	проходимец	расист	рябуха
презренный	прошмандовка	раскольник	ряха
пресный	прощельга	раскоряка	сабантуй
приблуда	прыщ	раскудахтаться	саботажник
привереда	псина	расподонок	савраска
привередничать	псих	распустёха	садист
придира	психопат	распутник	саяуга
придирщик	пугало	распутный	сайгак
придуриваться	пудель	распущенный	салабон
придурковатый	пузан	рассеянный	салага
придурок	пузатый	растепеля	салажонок
придурь	пузо	растерёха	салапет
приживалка	пузырь	растеря	самовлюблённый
прижимистый	пустобай	растеряха	самовольный
прилипала	пустоболт	растопыря	самодовольный
припадочный	пустобрёх	расточитель	самодур

самоед	скандал	содомить	строптивец
самозванец	скандалист	содомия	стропливый
самонадеянный	скаред	солдатня	стряпуха
самоуверенный	скаредник	солдафон	стукач
самоуправный	сквальга	солома	стыдоба
самоуправство	сквальжник	соня	стыдобище
самохвал	скверна	соплежуй	суета
сарай	сквернослов	сопливый	суетливый
саранча	скверный	сопляк	сука
сарделька	скептик	сорванец	сумасброд
сатана	скинхед	соромник	сумасбродный
сатрап	склеротик	сосунок	сумасшедший
сачок	склочник	сошка	суматоха
сборище	скотина	спекулянт	сумбур
сбрендивший	скотобаза	спесивый	сумятица
сбрендить	скряга	спиногрыз	супостат
сброд	скудный	сплетник	супротивник
сварливый	скудоумный	сплетничать	сутолока
свинарник	сунс	спорщик	сутяга
свиноматка	супердья	спятивший	сутяжник
свинский	супец	срам	сухарь
свинтус	супой	срамник	сучара
свинья	сучный	срамной	сыч
свинячить	слабак	срамота	такой сякой
свистопляска	слабо	ссыкуха	талагай
свистун	слабоумный	старикан	талалакать
свихнувшийся	слабохарактерный	старикашка	талдонить
своевольник	слабый	старичье	талдычить
сволота	слепень	старпёр	тарабарить
сволочь	слепешарый	старуха	тарабарщина
сволочьё	слизняк	старушеница	таранта
святоша	слониха	старье	тарантайка
себялюб	слюнтяй	стебаться	тарантас
секретутка	смерд	стерва	тараторить
сектант	смехотворный	стервенеть	тараторка
сердитый	сморозить	стервец	тарахтелка
сердобольный	сморчок	стервятник	тварина
сиволап	смрад	стиляга	тварь
сиволдай	смутьян	стихоплёт	тварюга
сивуха	смухлевать	столовка	тварюка
сикелявка	сноб	столпотворение	твердолобый
симулянт	собачник	страмец	телепаться
синебот	соблазнитель	страмина	телепень
синяк	совковый	страмище	телепня
синячить	совок	страхолоудина	тёлка
сифилитик	содержанка	страшилище	телок
скалдырный	содом	стрекотуха	тёмный
скалозуб	содомит	стрёмный	тёпа

терпило	трущобы	угрюмый	финтить
террорист	тряпка	удод	финтифлюшка
теснитель	тряпё	ужасный	фитюлька
тетеря	тугодум	узкоглазый	фифа
тетёха	тузик	узколобий	фифёла
тетёшка	тумак	узурпатор	фордыбака
тётка	тумба	укроп	фордыбачить
тип	тундра	умник	формалист
типок	тунеядец	умственно-	форсить
тиран	тупень	отсталый	форсун
тифозный	тупица	унылый	фофан
тихоня	туповатый	упёртый	фраер
толстобокый	тупоголовый	упрямец	франт
толстобрюхий	туподум	упрямый	фригидная
толстогубый	тупой	упырь	фрик
толстожопый	тупорылый	урод	фрукт
толстозадый	тупость	уродец	фря
толстомордый	тупоумец	уродина	фурия
толстопузый	тупоумный	уродиха	фуфел
толсторожий	туфта	уродище	фуфло
толсторылый	тухлый	уродливый	фуфлыга
толстосум	тухляк	уросить	фуфлыжник
толстуха	тухлятина	утка	фуфыря
толстый	тучный	утконос	фыркун
толстяк	тщедушный	утлый	хабалка
торгаш	тщеславный	утырок	хабальный
тормоз	тщетный	училка	хавронья
торопыга	тыква	ушастый	хайло
торчок	тюлень	ушлёпок	халабруда
тошно	тюля	ушлый	халабруй
тошнотворный	тюря	ущербный	халабуда
тошнотик	тютя	фалалей	халатный
тощий	тюфяк	фальшивка	халда
транжира	тюха	фанатик	халдей
трахома	тюхтя	фанфарон	халтура
трёп	тявкуша	фарцовщик	халтурщик
трепач	тягомотина	фатюй	халуй
трепло	тяп-ляп	фашист	халупа
трепотня	убивец	фёкла	халява
трескун	убийца	фетюк	халявщик
трещётка	ублюдок	фэфёла	хам
троглодит	убогий	фига	хамло
тронутый	убожество	фигли-мигли	хамоватый
трудный	увалень	фигляр	хамский
трус	угнетатель	физиономия	хамьё
трусливый	угодник	филон	хандра
трутень	уголовник	филонщик	ханжа
трухляк	угорелый	филя	ханорик

ханурик	хрен	чмошник	шаромыжник
ханьга	хреновый	чмырь	шастать
хаос	хренотень	чокнутый	шатун
хапёж	хрень	чопорный	шашни
хапуга	хроник	чревоугодник	швабра
хапун	хрыч	чувырла	шваль
хапунья	хрычовка	чудище	шебарша
харя	хулиган	чудной	шелопай
хахаль	хулитель	чудовище	шелопут
хачик	хулить	чукча	шелудивый
хвастун	хунта	чумазый	шелупонь
хворый	царёк	чумичка	шельма
хер	цаца	чурбак	шельмец
херить	центнер	чурбан	шемела
херня	цербер	чурек	шенাপан
херовина	циклоп	чурка	шепелявый
хибара	циник	чухан	шептун
хильй	цуцик	чухня	шестёрка
хияк	чайка	чучело	шибздик
хиппи	чайник	чучмек	шиза
хиреть	чахлый	чучундра	шизанутый
хитрец	чахоточный	чушка	шизик
хитрожопый	чванливый	чушпан	шизоид
хитрый	чванный	чушь	шизофреник
хитрюга	чванство	шабала	шилохвостка
хлам	чекушечник	шабарша	шимпанзе
хламида	человекообразное	шабаш	ширпотреб
хламина	чемодан	шавка	шиш
хламьё	чепуха	шайтан	шишига
хлебало	чепушила	шакал	шишимора
хлипкий	чепушило	шалава	шкура
хлын	чепушня	шаландаться	шкурник
хлыновец	червь	шалашовка	шкуродёр
хлыст	чердак	шалбер	шланг
хлыщ	черепеха	шалберник	шлёнда
хлюпик	черепушка	шалман	шлёндра
хлюст	черножопый	шалопай	шлёндря
хмурый	черномазый	шалопут	шлюха
хмырь	чернь	шалтай-болтай	шляпа
хныкала	чёрт	шалыган	шляться
холера	чертовщина	шальной	шмакодявка
холодрыга	чиканутый	шаляй-валяй	шмара
холоп	чинарик	шантажист	шмаровоз
холуй	чинуша	шантрапа	шмондя
хомяк	чистоплюй	шарага	шмоня
хомячить	чистюля	шарашка	шмотки
хонорик	чихвостить	шарлатан	шныра
хорёк	чмо	шаромыга	шнырь

шняга
шняжный
шобла
шовинист
шоферня
шоферюга
шпала
шпана
шпаньё
шпендик
шпендрик

шпынь
шпынять
шулер
шуры-муры
шут
шушера
щелкопёр
щелкун
щенок
щепотник
щербатый

щуплый
эгоист
эдакий
эксплуататор
экспроприатор
эпилептик
эскулап
этакий
юдофоб
юла
юрод

юродивый
ябеда
ябедник
язва
язвительный
язычник
яйцеголовый
якшаться
янки
ярыга

Приложение Б

Словник англоязычных пейоративов

abhorrent	baffle-gab	beanpole	blower
abject	baggage	bean-wagon	blowhard
abominable	bagpipe	bear	blow-off
abortion	bald	bearcat	blowze
accursed	bald-coot	beast	blubberheaded
acidhead	balderdash	beef	blubbery
addict	bald-head	beef-head	blunderhead
addle	bald-pate	beef-witted	blunt
addle-brained	balky	beetle	blusterer
addle-headed	ballad-monger	beetle-head	board
addle-pated	balls-up	begger	boaster
adolescent	ballyhoo	beldam	bobber
adulator	balmy	belfry	boco-smasher
anathema	bam	berk	bold-face
angler	bamboozle	besom-head	bollocks
angular	banana	betray	boloney
antic	banana-oil	bezonian	bonehead
ape	bandbox	bibber	bone-idle
appleknocker	banger	bigmouth	booby
apple-polisher	bantling	big-headed	boodle
applesauce	barbarian	bilge	bookworm
arab	barbarous	bimbo	boor
ark	barefaced	bind	bootlicker
arm-waver	barge	birdbrained	boozer
arriviste	barmy	bitch	bore
arrogant	barnacle	bitter-end	bosh
arse	barrator	blab	botch
arsehole	barrel-bellied	blabbermouth	bouncer
asinine	bastard	blackguard	braggart
ass	bats	black-sheep	brat
asshead	batty	bladder	brawler
aunt	bauchle	blague	brazen
authorling	bauson	blah	brazen-faced
awkward	bavardage	blighter	broad
axe-grinder	bawler	blimp	broiler
babbling	bazoo	blinker	brute
baboon	beachcomber	blister	bubblehead
bacchant	bead-house	blithering	bucko
backslaper	beadledom	bloated	buff
backwoodsman	beagle	blob	bufflehead
bad	beaky	blockhead	bugaboo
bad-actor	bean	blockish	bugger
badass	beanery	bloke	bulky
bad-news	bean-feast	bloodsucker	bull
bad-tempered	beano	bloody	bulldozer

bullet-head	clonk	crank	dawdle
bullhead	clot	crass	deadbeat
bullshit	cloth-head	crate	dead-head
bully	clown	craven	debauchee
bum	cluck	craw	deceiver
bummer	clueless	crazy	decry
bumpkin	clumpy	crazy-cat	defective
buncombe	clumsy	creaker	defilement
bunk	clunker	creature	deformity
bushwhacker	clunkhead	creep	degenerate
butch	clutch	criticaster	degrade
butterball	coaster	criticule	delator
butterfingers	cobblers	croaker	delirium
buzzard	cock	croak	demon
cabbage-head	cockalorum	crone	dense
cack-handed	cockamamie	crook	densehead
cackler	cockeyed	cross-eyed	deranged
cad	cocksparrow	cross-grained	derelict
cadger	cocktail	crow	despicable
cake	cod	crowbait	despot
calf	coddle	crud	detrimental
capon	codger	crum	deuce
carper	codswallop	crump	dick
carrion	coffee-house	crust	dicky-bird
cart-horse	coffee-klatsch	crybaby	diddle-daddle
cat	coffin	cub	diddler
catamaran	cog	cuckoo	difficile
cave-dweller	cold-fish	cuff	dilettant
caveman	comic	cuffee	dimwit
caviller	con	cull	ding-a-ling
charlatan	cookie-pusher	cullion	dingbat
chatterbox	coon	cunt	dirty
cheapie	coot	cur	disgusting
cheapskate	cow	cure	dishonour
cheat	coward	curmudgeon	dissembler
cheeky	cowbaby	cursed	dissenter
chili-bowl	cowboy	dabster	dissident
chowderhead	coxcomb	daffy	dissipater
chucklehead	coyote	daft	dissolute
chuff	cozener	dally	distasteful
chump	crab	dame	ditherer
churl	crabstick	damn	divorcee
cissy	crack-brain	dandiprat	dizzy
clam	cracked	dangler	dobbin
clobber	crackpot	darky	dodderer
clocking-hen	crack-skull	dastard	dodo
clod	crambo	daub	dog
clodhopper	crammer	daw	doggery

do-little	ear-basher	file	gab
dolt	easy-meat	filth	gabble
donkey	easy-rider	fishwife	gaby
do-nothing	effeminate	flaccid	gadabout
doodle	eggbox	flam	gadder
doormat	egg-sucker	flapdoodle	gadfly
dope	egoist	flap-jaw	gaff
dorian-grey	empty-headed	flapper	gaga
dormouse	evil	flat	gagger
dotard	evil-doer	flatterer	galimatias
double-dealer	evil-eye	fleabag	galoot
double-face	evil-minded	fleecer	gammon
dough-face	extortioner	flimflam	gander
dough-head	eye-wash	floating	ganef
dowd	face-ache	flop	gangster
down-and-out	faggot	flopperoo	gannet
drab	failure	flubdub	gaper
draggle-tail	fainéant	flunkey	garbage
dratted	faint-heart	foe	gargoyle
dread	fake	fogey	gas-bag
dreary	false	fool	gasser
dregs	fanatic	footle	gauche
drifter	fart	foot-licker	gaud
drivel	fat	foozle	gawk
drizzle	fat-brained	fop	gay
drone	fat-cat	fornicate	geck
dross	fat-faced	foul	geezer
drudge	fat-guts	foul-mouth	gentile
drunkard	fathead	four-eyes	gewgaw
dub	fatso	four-flusher	ghastly
duck	fatty	fox	ghoul
dud	fatuitous	fraud	gid
dude	fatuous	freak	giddy-brained
duds	favourite	freeloader	giddy-headed
duffer	fawner	fright	gimlet-eyed
dull	featherbrain	fritter	gink
dullard	featherhead	frivolous	glutton
dumb	feeble-minded	frog	goat
dumb-bell	feeble	frog-eater	goblin
dumbhead	feigner	froth	gollywog
dumdum	feisty	frump	gomerel
dummy	fibber	fuddler	gonzo
dump	fibster	fuddy-duddy	good-for-nothing
dunce	fico	fudge	goody
dunderhead	fiddle-faddle	fumbler	goof
dupe	fiddlehead	funky	goof-ball
dwarf	fiend	furious	goof-off
ear-banger	filcher	fury	goof-up

gook	hard-hearted	hokey-pokey	jackanapes
goon	hard-mouthed	holier-than-thou	jackass
goop	hard-nosed	holy-fool	jackdaw
goose	harlot	homebird	jackeen
goose-cap	harpy	homebody	jackstraw
goosey	harridan	hoodlum	jade
gormandizer	harum-scarum	hooey	jasper
gossip	has-been	hooker	jaw
gouge	hatrack	hooligan	jay
grab-all	haveless	horse-godmother	jaywalker
grasper	haver	horses-ass	jellyfish
grass	haverel	horseshit	jerk
greedy-guts	haw	hot-shot	jesebel
greenhorn	hawback	housebody	jewess
gremlin	hawk	hovel	jewish
grinder	hayseed	hoyden	jiggery-pokery
griper	haywire	hulk	jingo
grizzler	headshaker	humbug	jive
grouch	heartbreaking	hunks	jock
grouse	heartless	husky	jockey
groveler	heathen	hypocrite	joskin
growler	heavy-eater	hysterical	josser
grumbler	heavy-headed	idiot	judas
grumpy	hector	idler	juggins
grungy	hedge-born	ignoble	jughead
grunter	heel	ignoramus	junk
guck	heifer	ill-bred	keelie
gudgeon	hellcat	ill-favoured	kibosh
gull	heller	illiterate	kike
gunsel	hellhag	ill-mannered	killjoy
guzzler	hellhound	ill-natured	klotz
gyp	hellkite	ill-tempered	klutz
hackwork	hell-raiser	imbecile	knave
hag	helluo	impertinent	knucklehead
haggler	hempseed	improper	lame
hair-splitter	hen	impudent	lame-duck
hairy	henchman	inane	lamppost
half-headed	henpecked	inept	lanky
half-pint	hen-witted	informer	lard-head
half-scholar	hick	insipid	lascivious
half-wit	hidebound	insolent	lax
hamfatter	higgledy-piggledy	insulse	layabout
ham-fisted	highbinder	irksome	lazy
hammer-head	high-hat	iron-hearted	lazybones
hang-by	highroller	irrational	leaden
hang-dog	hind	jabber	leadswinger
hanger-on	hob	jaboney	leaky-vessel
hardhead	hog	jackal	lecher

leech	maladroit	monster	nothing
lees	malapert	moo	nit-picker
lewd	malarkey	mooch	nitwit
liar	malefactor	moody	no-account
libeller	malformed	mooncalf	nobody
libertine	malicious	moonraker	noddle
licentious	malign	moonshine	noddy
lick-penny	malkin	mope	no-go
lickspittle	mangy	mop-head	no-good
lighthead	mannish	mordant	no-hoper
light-minded	marasmus	moron	noisome
limmer	marble-hearted	mountebank	nonentity
limping	mare	mucker	nonsense
lippy	marginal	muckworm	noodle
lizard	mattoid	muddle-head	no-win
loafer	maunderer	mudslinger	nudnik
lob	maverick	muff	nudzh
lobster	mawworm	mug	nugacity
loiterer	maypole	muggings	nuisance
looby	meagre	mule	nullity
loon	mean	mumble	numbskull
loopy	mesly	mummer	numskull
loose	meathead	mumper	nuts
loosey-goosey	meddlesome	mushroom	nutcase
lop-eared	mediocrity	mutt	nutter
losel	menial	mutton-head	oaf
loser	messy	nag	obscenity
loudmouth	midget	nark	obtuse
louse	might-have-been	nash-gab	oddball
lout	mike	narrow-minded	oddfish
lowlife	milksoap	nasty	oddity
lubber	milquetoast	naught	odious
lubberhead	mindless	nauseous	ogre
lumber	minion	nebbish	old-bag
lummoX	misbegotten	necky	old-goat
lump	mischief-maker	nefarious	old-hag
lunk	misdoer	nerd	old-oak
lunkhead	miser	never-was	ornery
lush	misserable	nib	overstuffed
mad	moaner	niddering	owl
madcap	mob	niggard	oxhead
madhouse	mock	nigger	oyster
madman	moke	niggling	painted
mag	molly	nigra	paisano
magpie	mollycoddle	niminy-piminy	palaver
magsman	moneybags	nincompoop	pale-face
makebate	money-grubber	ninny	palmer
make-talk	monkey	nit	palooka

paltry	pie-faced	promiscuous	rapscallion
pampered	piet	prowler	rascal
pan	piffle	pseud	rat
panhandler	pig	pseudo	ratbag
panic-monger	piggy-wiggy	psycho	rater
pantywaist	pigheaded	pub-crawler	ratface
parakeet	pigpen	pudding	ratflink
paralytic	pigsconce	pudding-head	rats
paranoiac	pigsty	pudge	ratter
paranoid	piker	pudsy	rattle-brain
parasite	pilferer	puffy	rattle-head
parrot	pilgarlic	puke	rattle-pate
partan	pimp	pump	rattler
party-bummer	pinch-fist	punk	rattletrap
parvanimity	pinch-penny	puny	raunch
pastepot	pinhead	puppy	raw
pate	pinkling	pushy	raw-boned
patch	pinko	pygmy	razzle-dazzle
patsy	pipsqueak	quack	recalcitrant
paughty	pismire	quaffer	reckless
paunchy	pitchy	quaggy	recreant
pauper	pitted	quamish	red-neck
peacockish	pizz	quarrelsome	religionist
peahead	plug-ugly	quibbler	renegade
peasant	pocked	quick-and-dirty	reprobate
peddler	pockmarked	quill-driver	reptile
peevish	poddy	quitter	repugnant
peewee	podge	quiz	repulsive
penny-father	po-faced	rabbit-hearted	retardee
penny-pincher	poke	rabble	reveller
pen-pusher	poltroon	rabid	ribald
pepper-box	poop	rackabones	ribble-rabble
percy-boy	poor	racketeer	riffraff
perk	popoff	raff	rigmarole
pert	poppycock	raffle	riley
pervert	populace	ragamuffin	rinky-dink
pesky	porky	ragged	rip
pest	poseur	ragbag	roach
pestilent	potbelly	raggery	road-hog
pet	pothead	raggle-taggle	rogue
petty-tyrant	prat	ragtag	roister
petulant	prick	rake	romp
phiz-gig	prig	rakehall	rook
phoney	prissy	ramper	rooster
phrenetic	prittle-prattle	randy	rot
picayune	profane	rank	rotgut
pickthank	profiteer	ranter	rotten
pie-eyed	profligate	rapacious	rotten-hearted

rotter	scatterbrain	shammer	slob
roué	scelerate	shandrydan	slobber-chops
rough	sceptic	shark	slop
rough-hewn	schemer	sharp	sloppy-joe
rounder	schizo	shatter-brained	slosh
rowdy	schlemiel	shaver	slouch
rowdy-dowdy	schlep	sheep-dip	sloven
rubber-stamp	schlock	shifter	slow
rubbish	schmo	shit	slow-belly
ruck	schmooze	shorty	slowcoach
ruckus	schmuck	shot	slowpoke
rude	scoff	show-off	slow-witted
ruffian	scold	shrew	slug
ruffle	scoundrel	shrimp	slugabed
ruin	scrabble	shuck	sluggard
rumdum	scrag	sickening	slum
rummy	scraper	siddle	slut
rumpus	scratch-cat	silly	sly-fox
rushlight	scrawny	simp	slyboots
sabbath	screwball	simple	small-fry
saboteur	scribbler	simple-minded	smart-aleck
sackless	scrimshanker	simpleton	smashed
sack-rat	scrivener	sinister	smeller
sack-artist	scrooge	sissy	smug
sadistic	scrounder	sitter	smudgy
salacious	scrub	sizzler	snag
sanctimonious	scruffy	skilly	snail
sap	scum	skimble-skamble	snake
saphead	scumbag	skin-a-guts	snapper
sappy	scurrilous	skinflint	snarl
sassy	scurvy	skinny	sneak
satrap	scut	skirt	sneak-up
satyr	scuttler	skive	sniffy
saucebox	seedy	skulk	snipper-snapper
saucy	selfish	skunk	snippet
savage	self-seeker	slabber	snitch
save-all	senseless	slacker	sniveller
scabby	serpent	slag	snob
scaffold-pole	sexist	slanderer	snoot
scald	shabby	slant-eyed	snout
scallywag	shack	slapdash	snotnose
scammered	shaggy	slasher	snotter
scamp	shag-rag	slattern	snout
scandalmonger	shaitan	slicker	snuffling
scapegoat	shake-rag	slime	soak
scapegrace	shallow-brained	slippery-customer	so-and-so
scarecrow	sham	slipshad	sodden
scare-monger	shame	slipslop	sodomite

softhead	stinker	telltale	turn-coat
softling	stinko	termagant	turnip
softsoaper	stinkpot	thickhead	turntail
softy	stodgy	thick-lipped	turpitude
solitary	stooge	thicko	tut
sonneteer	stout	thickskin	twaddle
sop	strange	thief	twerp
sordid	strapper	thraso	twiddle-twaddle
sorehead	streetwalker	thug	twit
sot	string-bean	tightwad	tyke
sourball	stubborn-fool	timber-headed	tyrant
sourbelly	stuck-up	tinhorn	ubble-gubble
sourface	stud	tippler	ugly
sourpuss	stumblebum	tiresome	unbearable
sow	stumer	tittle-tattle	uncouth
spag	stunt	toad	underling
spalpeen	stupid	toadeater	unfortunate
spaniel	sty	tod	ungainly
spawn	suck	toffee-nosed	unkempt
speckled	suck-bottle	tomboy	unpleasant
spew	suck-egg	tomfool	unsane
spiel	sulk	tommy	unscrupulous
spinach	surfeiter	tom-noddy	unseemly
spindle-dick	swab	tootler	untidy
spindle-shanks	swag-bellied	tooper	unweighead
spindling	swank	top-lofty	unwelcome
spineless	swarm	torpor	unwieldy
spinner	swash	tosh	unwise
spitfire	swashbuckler	tough	unworthy
spiv	swellhead	tourist	uppish
split-farthing	swill	traducer	upstage
splitter	swindler	traitor	upstart
sponger	swine	tramp	uptight
spoon	swollen	trash	useless
squabble	swot	trasher	usurper
squeaky	sycophant	trepan	vagabond
squeal	tactless	trickster	vagrant
squeezable	talebearer	tricky	varlet
squint	taleteller	trifle	venal
stem-winder	talkee-talkee	troglodyte	venom
stew	talker	trollop	vermin
stewpot	talkie-talkie	trot	vile
stick-in-the-mud	taradiddle	troublemaker	villain
stiff	tart	truck	viper
stiff-necked	tartar	tub	virago
stingy	tattler	tun-bellied	vituperator
stinkard	tattletale	turkey	vixen
stinkaroo	tawpie	turkeycock	vulgar

waff	wiggler
waffle	wrongo
wag	yabber
waif	yak
wampus	yakker
wanton	yap
want-wit	yawn
wart	yeller
waterboy	yellow-dog
waverer	yelper
weakling	yes-man
weak-minded	yob
weak-willed	yobbo
weed	yokel
weirdo	yoot
wencher	zany
wheedling	zealot
wet-head	zigzag
wether-head	zilch
whiffler	zoilus
whig	zombie
whillywha	zonked
whimperer	zooty
whiner	zuch
whippersnapper	
hipster	
whore	
whoreson	
wicked	
wild	
wimp	
windbag	
windy	
winebag	
wino	
wish-wash	
witless	
witling	
wiseacre	
wisehead	
witch	
wood-goblin	
woodenhead	
woolsack	
worm	
worthless	
wreck	
wretch	